№6 (62) июнь 2008

православный журнал «ФОМА»

www.foma.ru

ИЮНЬ 2008

...И НЕ БУДЬ НЕВЕРУЮЩИМ, НО ВЕРУЮЩИМ (Ин 20:27)

ПРАВОСЛАВНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ СОМНЕВАЮЩИХСЯ

ФОМА

тема номера
осторожно:
игрушка

мир Библии
зачем Бог
создал Еву

личное
в Церковь
через интернет

Владимир Якунин
Общество, которое взрослеет

ПРОЛОГ

Дети

Вы за мною? Я готов.
Нагрешили, так ответим.
Нам — острог, но им — цветов...
Солнца, люди, нашим детям!

В детстве тоньше жизни нить,
Дни короче в эту пору...
Не спешите их бранить,
Но балуйте... без зазору.

Вы несчастны, если вам
Непонятен детский лепет,
Вызвать шепот — это срам,
Горший — в детях вызвать трепет.

Но безвинных детских слез
Не омыть и покаяньем,
Потому что в них Христос,
Весь, со всем своим сияньем.

Ну, а те, что терпят боль,
У кого как нитки руки...
Люди! Братья! Не за то ль
И покой наш только в муке...

Иннокентий Анненский

Фото Андрея Радкевича

ФОМА

православный журнал

Разрешено к печати Издательским Советом Русской Православной Церкви

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-22909 от 20 января 2006 года.

№6(62) — июнь 2008

Анатолий ТОРКУНОВ
/ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА /
Ректор МГИМО(У) МИД России, член-корреспондент РАН

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Юрий ВЯЗЕМСКИЙ
автор и ведущий телепрограммы «Умники и умницы»
Иван ДЕМИДОВ
академик Академии телевидения России
Игорь МЕЩАН
член правления Фонда преп. Серафима Саровского
Ярослав СКВОРЦОВ
декан факультета международной журналистики МГИМО (У)
священник Игорь ФОМИН
настоятель храма св. блгв. кн. Александра Невского при МГИМО (У)
Алексей ШЕСТОПАЛ
зав. кафедрой философии МГИМО (У)

РЕДАКЦИЯ:

Владимир ЛЕГОЙДА / ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР / lvr@foma.ru
Владимир ГУРБОЛИКОВ / ПЕРВЫЙ ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА / gurbol@foma.ru
Арсений РУСАК / ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА / otvetsek@foma.ru
Анастасия ПАССОВА / АРТ–ДИРЕКТОР / passova@foma.ru
Наталья ВОЛОСАТОВА / И.О. РЕДАКТОРА РАЗДЕЛА «ТЕМА НОМЕРА» / volosatova@foma.ru
Дарья РОЩЕНЯ / И.О. РЕДАКТОРА РАЗДЕЛА «ЦЕРКОВЬ ХРИСТОВА / daros@foma.ru
Алина ДАЛЬСКАЯ / РЕДАКТОР РАЗДЕЛА «ПЛАНЕТА ЛЮДЕЙ»/ alina@foma.ru
Виталий КАПЛАН / РЕДАКТОР РАЗДЕЛА «ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ» / kapvit@foma.ru
Алла МИТРОФАНОВА / ОБОЗРЕВАТЕЛЬ / amitrofanova@foma.ru
Александр ТКАЧЕНКО / ОБОЗРЕВАТЕЛЬ / zabor67@mail.ru
Алексей СОКОЛОВ / ОБОЗРЕВАТЕЛЬ / sokolov@foma.ru
Елизавета КИКТЕНКО / ОБОЗРЕВАТЕЛЬ / ekiktenko@foma.ru
Светлана ГАДЖИНСКАЯ / КОРРЕСПОНДЕНТ
Владимир ЕШТОКИН / ФОТОКОРРЕСПОНДЕНТ
Марина КОРОВКИНА / ФОТОРЕДАКТОР / bild@foma.ru
Юрий ЗЕЛЕНЦОВ / ВЕРСТКА, ПРЕ-ПРЕСС
Алла СТЕЦУН / ЦВЕТОКОРРЕКЦИЯ
Людмила МАКАРКИНА / КОРРЕКТОР
Наталия НИКОЛАЕВА / КОРРЕКТОР

ДИРЕКЦИЯ:

Игорь МЕЩАН / ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР /meshan@foma.ru
Елена КОРОЛЕВА/ ЗАМ. ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА ПО РАЗВИТИЮ / key@foma.ru
Ольга КРИВОШЕЙ / ЗАМ. ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА / omk@foma.ru
Татьяна ЯКОВЛЕВА / ЗАМ. ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ / tyakovleva@foma.ru
Мария КИТАЕВА / КОММЕРЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР
Дарья ЗАТУЛИНА / СПЕЦПРОЕКТЫ / dzatulina@foma.ru
Эдуард ВАЙНШТЕЙН / ПОДПИСКА / podpiska@foma.ru
Наталья АНДРЕЕВА / РАСПРОСТРАНЕНИЕ / semenov@foma.ru
Ксения САПРЫКИНА / РЕКЛАМА / reklama@foma.ru
Александр ПРИСЯЖНЮК / ВОДИТЕЛЬ
Андрей ОСОКИН / it-менеджер / it@foma.ru
Александр ГУРБОЛИКОВ / РАСПРОСТРАНЕНИЕ В ПРАВОСЛАВНЫХ СЕТЯХ
sales@foma.ru (495) 246-74-92

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
105318, г. Москва, а/я 99. Тел.: (495) 369-5636
Телефон «горячей линии» подписки: 8-800-200-08-99
По вопросам рекламы обращайтесь: **reklama@foma.ru**

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА:

Санкт-Петербург: ул.Миргородская, 1-Б, Приход храма Феодоровской иконы Божьей Матери. Директор: Денис МАХАНЬКО / makhanko@foma.ru. Редактор: Анна ЕРШОВА / ershova@foma.ru. Зам. директора по развитию: Надежда ОБРЯДИНА / prspb@foma.ru. **Тел.** (812) 717-6672.
Нижний Новгород: Ярмарочный пр-д, 10. Ольга СИДОРОВА, Тел.: (831) 246-73-87.
Иваново: протоиерей Андрей ЛЬВОВ / тел.: 8 (910) 985-12-20, 8 (4932) 58-9988
Екатеринбург: Маргарита ЯКУНИНА / тел.: 8(904) 980-4225; sitdikova@sgtrk.ru
Тюмень, Тобольск: «Сибирь Православная», 625032, ул. Республики, 60. Тел.: (3452) 317-699, (3452) 317-539.
Челябинск: ул. Кыштымская, д. 34, каб. 3. Ольга КРЮКОВА, тел.: 8 (351) 727-1050.
Приморье: Приморский край, г.Владивосток. ул. Овчинникова д.4 кв 55. Олег Петрук. **тел.:** 8-908-441-5757.
Республика Беларусь:
Бобруйск: а/я 97, Бобруйск–7, Могилевская обл. Татьяна СИВАКОВА. Тел.: +375 225 556699, и моб. +375 29 1097437.
Литва: Liepkalnio g. 19; LT-02105, Vilnius; Lietuva /Lithuania священник Константин ЛАЗУКИН.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция в переписку не вступает. Тираж номера 30000
Отпечатано в УПК ЗАО «Алмаз-Пресс». тел.: (495) 781-19-99

Редакция журнала «Фома» чрезвычайно признательна за поддержку: Архиепископу Нижегородскому и Арзамасскому Георгию, протоиерею Владимиру Силовьеву, иерею Николаю Емельянову, протоиерею Алексею Семкину, Нине Николаевне Китаевой, Сергею Владиленовичу Габестро, Дмитрию Петровичу Зайцеву, Леониду Александровичу Казинцу, Алексею Николаевичу Захарову, Димитрию Павловичу Андреенкову. Также просим помолиться о рабах Божиих Дмитрии, Игоре, Феодоре, Андрее, Алевтине, Марии, Дмитрии, Александре, Алексее и Дмитрии за их безвозмездную помощь редакции нашего журнала.

1-я страница обложки — фото Сергея ГУСЕВА

Содержание:

4 Владимир ЛЕГОЙДА. **Сияние вечной жизни**

Вопрос номер один

6 **Нужна ли нравственная оценка произведений искусства?**

Грани

12 Алексей СОКОЛОВ. **Бесхозная память**

ТЕМА НОМЕРА: «Игрушечная» проблема

18 Ксения ШЕЛУДЧЕНКО. **Кукла, которую я обманула**
20 Алексей СОКОЛОВ. **Инструмент без инструкции**
29 Священник Андрей КОНОНОВ. **Игрушка как способ выстраивания личности**
30 Анна ЕРШОВА. **Не обидеть Чучело…**

ЦЕРКОВЬ ХРИСТОВА

Мир Библии

33 Игорь ПЕТРОВСКИЙ. **Мужчина и женщина: Была ли Ева помощницей Адаму?**

Читаем Писание

37 Марина ЖУРИНСКАЯ. **О малых сих**

Ортодоксия

38 Александр ТКАЧЕНКО. **Любовь и ярость**

Вопрос — ответ

45 Протоиерей Петр ПЕРЕКРЕСТОВ. **Каждый сам проходит свой путь**

Числа

46 Даты июня

48 Игумен ДАМАСКИН (Орловский). **Памяти священноисповедника ЛУКИ (Войно-Ясенецкого)**

ПЛАНЕТА ЛЮДЕЙ

Большая семья

51 Анна ЕРШОВА. **Папа, ученый, дьякон**

Современники

56 Владимир ЯКУНИН. **Наше общество постепенно взрослеет**

Личное

61 Дмитрий СЛАДКОВ. **Глубже мыслимых глубин**

62 Полина КОЛОЗАРИДИ. **В Церковь через интернет**

Дело

64 Александр ТКАЧЕНКО. **Город при монастыре**

Без границ

68 Анна ГУТМАНЕ: **Христианская академия**

Позитив

70 **В поисках Города:** Фотохроники Владислава ПЕТРУШКО

Дело

76 Чулпан ХАМАТОВА. **Потребность быть настоящей**

СМЫСЛОВАЯ ГЕОГРАФИЯ Ростов-на-Дону: казачество

83 Архиепископ Ростовский и Новочеркасский ПАНТЕЛЕИМОН

88 Алексей СОКОЛОВ. **Казаки…**

ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Острый угол

97 Ярослав СКВОРЦОВ. **Высшее образование души**

Настоящее прошлое

105 Павел Иванович НОВГОРОДЦЕВ. **Любовь высекается страданием**

Кинотеатр

106 Иван ПОПОВ. **Кино про взрослых. Но для детей**

Галерея

110 Экологический подвиг в пастелях Алексея КРАВЧЕНКО

Чтение

116 Вадим ШЕФНЕР. **Наследница**

Что читать

120 Алексей НАУМОВ. **Русский крест графа Медема**

Мультимедиа

128 **ПУТЕВОДИТЕЛЬ**

Отклики

ЭПИЛОГ

Фото Владимира Ештокина

Владимир ЛЕГОЙДА,
главный редактор

Сияние вечной жизни

В последнее время я все чаще вспоминаю один относительно недавний разговор с моей на тот момент уже бывшей студенткой. Говорили, как водится, о планах на будущее, о профессии, о семье. Хотя непосредственно о семье и не говорили, потому что семья девушке, как оказалось, и не нужна вовсе. «А зачем? — объясняла она мне. — Детей я не хочу, по крайней мере, пока, а в остальном у меня все хорошо. У меня замечательная работа, позволяющая мне быть финансово независимой и получать любые жизненные блага, которые меня интересуют… Зачем мне еще и семья, которая будет только мешать, будет для меня обузой — в карьере, в отдыхе, да и в личной жизни тоже?»

Когда-то такое заявление показалось бы абсурдным, и отнюдь не только потому, что семья считалась базовой ячейкой общества. Однако сегодня сходную позицию разделяют очень многие молодые люди обоих полов. Помимо всего прочего, это означает и то, что ответы на вопросы «почему?» и «зачем?» вновь становятся весьма актуальными. Во многом это связано с тем, что **в потребительском обществе семья как ценность отсутствует.** Вселенная в обществе потребления должна вертеться вокруг индивида, повинуясь любым его прихотям и желаниям. Мир вокруг воспринимается как большой бутик, в котором клиент всегда прав. Единственное, что тебя ограничивает, — это твои финансовые возможности; единственные, кому ты уступаешь, — это те, у кого эти самые возможности выше твоих.

В такой ценностной среде нет места жертвенности, потому что клиент не должен жертвовать. А где нет места жертвенности, там нет места и любви. А без любви семьи не было, нет и быть не может. **Любовь есть единственное самодостаточное основание для брака.** Семья невозможна без жертвенности потому, что центр тяжести в семье неизбежно смещается с себя-любимого на других, поэтому индивидуалист-потребитель всегда будет тяготиться семейными отношениями…

И как здесь ответить на вопросы «почему» и «зачем»? Ни одно из действовавших ранее оснований — экономическое (женщинам в былые времена было намного тяжелее прожить без семьи), социальное, сексуальное — не являются достаточным: все эти проблемы решаются и вне семьи (хотя, конечно, по большей части это лишь видимость решения).

И все-таки люди по-прежнему создают семьи. Несмотря на исчезновение целого ряда и разного рода оснований, даже человек потребительского общества не может жить в бутике; ведь бутик — не для жизни, а для покупок. Так человек устроен, такова природа отношений полов*: потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей…* (Быт **2**:24) Звучит красиво и знакомо. Не знаю, можно ли только рационально объяснить возникновение этой силы притяжения…

Но есть один древний монашеский афоризм, который любил цитировать митрополит Сурожский Антоний: «Никто никогда бы не стал монахом, если бы однажды не увидел в глазах другого человека сияние вечной жизни». Мне кажется, это тот случай, когда мысль, сказанная монахом и для монахов, совершенно справедлива также для людей семейных. Сияние вечной жизни — вот, что мы видим в глазах избранников и что важнее и весомее любых других аргументов, слов и мыслей. Это и есть любовь, которая делает нас иными, дает надежду на преодоление одиночества и утверждает семью — малую (домашнюю) церковь. Это и «почему», и «зачем» — ведь это отблеск той любви Божией, которая выше всего земного и временного. Потому что она вечна. ■

PhotoXpress

Вопрос номер один

Нужна ли нравственная оценка произведений искусства?

Сергей ШМЕМАН,

писатель, журналист, лауреат Пулитцеровской премии, Париж, Франция

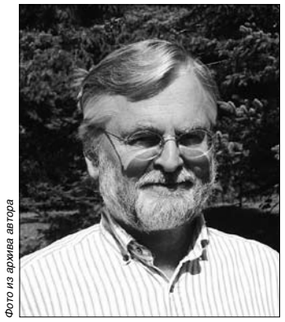


Фото из архива автора

Великое искусство всегда создается на границе дозволенного

Ответ на этот вопрос зависит от его постановки. Если спросить, необходима ли нравственная оценка искусству, я отвечу, что нет. Искусство существует само по себе: как акт творения. Оно может спровоцировать нравственные или же безнравственные реакции, но от них его существование, однако же, не зависит.

Если же вы спрашиваете, вызывает ли искусство нравственную реакцию, я отвечу «да». Произведение искусства — живое существо, которое по-разному трогает нас. Мы можем отреагировать на него с духовным удовлетворением, с грустью, с отвращением или как-либо еще — в том числе дать ему нравственную оценку.

Но если вы спрашиваете, нужно ли какое-то учреждение или агентство для нравственной оценки искусства, я воскликну: «Нет, нет и нет!» На протяжении веков любая попытка цензуры, будь то от лица гражданской или церковной власти, приводила только к подавлению творчества, не делая ничего для улучшения морали. Великое искусство всегда создается на границе дозволенного, и величайшие творцы — Пушкин, Толстой, Солженицын, Мандельштам и другие (всех перечислить здесь невозможно) — все приводили цензоров в возмущение. Да, всегда будут произведения искусства, от которых нам будет тошно, но это все же менее рискованно, чем позволять филистерам судить и рядить, что нам видеть позволено, а что нет.

Павел КОНЮХОВ,

путешественник, художник, фотограф, Владивосток

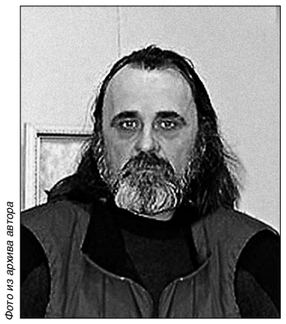


Фото из архива автора

Духовный заряд искусства

Важно понимать, что искусство — это не просто написанная картина, или сотворенная скульптура, или театрализованное представление. Все несет свой духовный заряд, а значит, затрагивает все стороны жизни человека, и конечно, нравственные ценности. Недавно на встрече со школьниками я отвечал детям, что искусство должно быть таким, чтобы человек, общаясь с ним, получал радость и желание жить в этом мире, который он видит, и благодарить Того, Кто создал этот мир.

Но искусство разное бывает, на нас и наших детей последнее время вылился большой ушат превдоискусства — произведений, которые формируют низменные чувства потребительства и эгоизма. У нас с вами достаточно примеров результатов такого влияния на души наших детей… К сожалению, не всем дано заниматься нравственным или духовным искусством, к этому надо быть готовым.

Константин КИНЧЕВ,

лидер рок-группы «Алиса», Москва

Фото Владимира Ешпокина

Отвечать надо перед Создателем

Я искренне не понимаю суть этого вопроса, потому что возникает встречный: «*Кто* будет нравственно оценивать?» Я думаю, куда более важно для любого человека, занимающегося творчеством, иметь нравственную ответственность за то, что он делает. Потому что, на мой взгляд, творчество ценно только тогда, когда оно является *сотворчеством*. Человек должен соизмерять свое стремление в искусстве с волей Божией, пытаясь своим делом служить Свету.

Если автор чувствует ответственность за свою работу — этого уже достаточно. Он сам себе цензор и отвечает за каждое сказанное слово, написанный холст или сыгранную ноту перед Создателем и Творцом, а это уже другого уровня ответственность и задача. Искусство должно взращивать в сердцах Любовь, а все остальное к искусству не имеет никакого отношения.

Татьяна СИНЕЛЬНИКОВА,

директор Государственного архива Рязанской области, Рязань

Красота спасет мир?

Лет десять-пятнадцать назад я ответила бы, что

Фото из архива автора

нет, не нужна. Мне казалось, что в первую очередь произведение искусства должно отвечать эстетическим канонам. Ведь, полагала я, красота спасет мир. Но один случай заставил меня изменить эту позицию. Когда-то я увлекалась рисованием и написала женщину, танцующую у костра. Однажды в мой дом пришел священник и попросил убрать эту картину со стены. Я удивилась. Мне казалось, что раз Господь сотворил женщину прекрасной, то нет греха в том, чтобы эту красоту демонстрировать, надо лишь восхищаться ею.

«А ты не подумала, что эта картина может вызывать у людей совсем другие чувства, которых ты, возможно, и не предполагала?» — спросил меня батюшка.

Тогда я впервые задумалась об ответственности, которую должен нести художник. Чувствуя красоту и воплощая ее в произведениях искусства, художник старается передать свои ощущения людям, но при этом он обязан помнить о том, как его слово или образ отзовутся в другой душе.

Шазина АГРБА,

директор арт-галлереи «Шазина», Москва

Взбудоражить легче, чем успокоить

Нужна ли нравственная оценка произведению искусства? Мне кажется, нравственная оценка — это, в первую очередь, ответственность за то, что ты делаешь, за то, что ты выпускаешь в мир. Я хуже знаю мир кино или музыки, но могу говорить о современной живописи. Концепт, эпатаж ради эпатажа, привлечение внимания любой ценой — это, по-моему, антонимы ответственности.

Фото из архива автора

Всегда важно знать глубинные внутренние мотивы творца, художника. Взбудоражить среду всегда легче, чем ее успокоить. Когда человек, способный своим искусством повести за собой, задумывается о том, как тот или иной его поступок может повлиять на людей и старается повысить их духовный уровень через свое творчество, — это и есть нравственность.

Борис ХЕРСОНСКИЙ,

поэт, Одесса, Украина

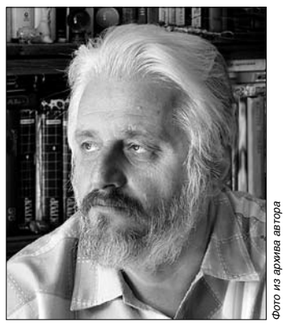


Фото из архива автора

Как наше слово отзовется?..

Одесситы любят отвечать вопросом на вопрос. Вероятно, я втройне одессит, ибо хочу задать сразу три вопроса.

Кто будет проводить такую оценку и с каких позиций? Боюсь, что сама по себе процедура оценки предполагает существование целого штата экспертов в области морали, какую-то полицию нравов в области искусства, цензуру, попросту говоря. Из каких бы побуждений ни работал цензор, его задача «не пущать» накладывает и некую профессиональную обязанность: выполнить норму по недопущению.

Кому нужна такая оценка, кто заказчик? Люди и организации, которые сами не могут осуществлять экспертную работу, но имеют власть ограничивать творческую свободу художника. Иначе говоря, любая экспертиза — область, требующая специальных знаний. Но цель экспертизы чаще всего — суд и осуждение. Думаю, что ни художнику, ни «потребителю» искусства *такая* оценка не нужна.

Для чего нужна нравственная оценка искусства? На этот вопрос ответ уже дан — для, выражаясь языком конституции Витте, «законного ограничения» свободы художника «в интересах сохранения прав и свобод (добавим — нравственности) иных граждан».

Теперь несколько простых, но спорных замечаний. Произведения искусства, осознанно направленные на разрушение нравственных ценностей, *не являются* произведениями искусства. С этим, пожалуй, многие согласятся. Но и произведения, осознанно направленные на укрепление морали, чаще всего *не являются* произведениями искусства. В лучшем случае это басня. В худшем — пародия. Само по себе искусство амбивалентно и «амбиморально». Приведу простые примеры.

Античная скульптура и обнаженные фигуры Родена могут привлечь сексуальное любопытство подростка, но из этого не следует, что данные произведения безнравственны. Или попробуйте разобраться, кто положительный и кто отрицательный герой в мультфильме «Ну, погоди!». Что-то чрезмерно жесток зайчик в этом фильме… Половина детей дошкольного возраста по статистике сочувствует гонимому волку.

Фильмы, воспевающие Гитлера и Сталина, сейчас воспринимаются как ценнейшие документы, обличающие эти режимы.

Не дано нам знать, как наше слово отзовется. Не дано — и все тут.

Игумен РОСТИСЛАВ (Якубовский),

настоятель Успенского подворья Оптиной пустыни, Санкт-Петербург

Фото Дениса Маханько

Нельзя загнать всех стройными рядами в Царствие Небесное

Возникает вопрос, а кто будет давать эту оценку, тем более, если она будет озвучиваться от лица Церкви и прикрываться ее авторитетом? Что если это будет личность, у которой весь мир выкрашен лишь в черно-белый цвет и которая считает собственное мнение единственно правильным?

В притче о блудном сыне Господь показывает, как бережно Он относится к свободной воле человека. Кто как не Отец знал, к чему приведут похождения Его сына, однако сын не услышал от Него категоричного «Нет»! У нас же право на творчество, на поиски, на приобретение собственного опыта зачастую пресекаются как недопустимые. Но мы не можем загнать всех стройными рядами в Царствие Небесное. В художественном произведении может быть «злое», которое пробудит доброе в человеке и, напротив, «доброе», которое своей неумеренностью, приторностью вызовет отвращение.

Юрий ПОТОЛКОВ,

доцент Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина, Белоруссия

Фото из архива автора

Перевод с Божьего языка на человеческий

На повседневном уровне давать нравственную оценку содержанию художественного произведения нельзя. Потому что Творцом искусства и чувства прекрасного является Бог. А человек-художник — всего лишь «переводчик» с Божьего языка на человеческий.

«Откровение есть содержание искусства, и человек, эстетически творящий, есть „художник Бога“», — по слову Ивана Ильина. И Творец дает нам силу чувствовать подмену, то есть ощущать несовпадение того или иного произведения с Промыслом Божьим. Перефразируя слова Ильина, скажу: «Фарисей, эстетически творящий, есть „художник дьявола“».

Критерии нравственности надисторичны, самодостаточны, они являются не лично-субъективной волей человека, а «генеральным заданием» Творца, которое Тот извечно ставит перед человечеством.

➥

Олеся САЛИЕВА,

преподаватель русского языка и литературы, Серпухов

Фото из архива автора

Как не скатиться в ханжество?

Встречный вопрос: может ли искусство быть безнравственным? Как обозначить грань между нравственным и безнравственным? Как не скатиться в ханжество? Нужно указать ребенку, что ходить голым — стыдно, при этом объяснив, почему ню — это красиво. Нужно убедить его в том, что литература — зеркало жизни, но сквернословие недопустимо и в повседневной речи, и в литературе. Конечно, легче ввести цензуру! Но ее действие условно, ведь даже безобидная на вид фраза в ином прочтении становится разрушительной. Остается положиться на внутренние нормы, руководящие нами. Они как раз и обязывают к самоконтролю: чтобы писатель о чем-то промолчал, а читатель о чем-то догадался без подсказок.

Нравственность — это не максимум запретных тем, а умение тактично работать с ними. Нравственное искусство интуитивно понятно в недосказанности, полунамеке. Нагота и прямолинейность творческой мысли неприятно поражают душу, особенно сомневающуюся. В погоне за правдивостью творцы прекрасного убеждают публику в том, что человек нелеп, глуп, зол, жизнь его беспокойна, судьба обидна. Меньше желающих доказать, что человек все-таки прекрасен, потому что он — дитя Божье.

Нравственная оценка не может быть нужна или не нужна, она просто есть — присутствует при каждой нашей встрече с искусством и не всегда совпадает с нравственной самооценкой автора. Однако вышесказанное относится к нравственной оценке как явлению внутреннему, субъективному. Превращение же ее в рычаг воздействия на творческий процесс — это тупиковый путь.

Ольга ЯНУМ,

преподаватель Белорусской академии музыки, преподаватель Минского духовного училища, Белоруссия

Фото из архива автора

Зло разорванного добра

Мое глубокое убеждение: в каждом человеке «сидит» идеальный оценщик, это, скорее, какое-то подсознательное ощущение добра и зла.

Можно было бы предположить, что все настоящее искусство должно быть связано с Богом, находиться в сфере «святости» и не может отражать ничего греховного. Но если человек внимает только чистому, искусственно рафинированному искусству, в какой-то момент он теряет способность сознательного выбора. Вся человеческая жизнь с первого до последнего мгновения есть преодоление, человек бесконечно падает и снова поднимается, стремясь выше. Изображение негативных эмоций, злобы, взвинченности — это зло разорванного добра, выражение болезни, а не его отрицание. Сострадая, человек совершенствуется.

Настоящее искусство как бы отрывает нас от действительности, приводит к пониманию вселенского, наполняет все наше существо чувством сопричастности.

Наталия АЛЕКСАНДРОВА,

заведующая отделом живописи второй половины XX века Государственной Третьяковской галереи, корреспондент Российской Академии художеств, Москва

Фото Владимира Ешкина

Нравственность смотрящего

Судьи всегда одни — это зрители. Любой человек оценивает произведение искусства с точки зрения своей *личной* нравственности. Нравственность автора вступает в диалог с нравственностью смотрящего.

Я считаю, что самые выдающиеся образцы культуры всегда несут в себе нечто, зовущее человека ввысь, но ни в коем случае не опускающее вниз, к греху и пороку. Нравственность в данном случае — категория художественная, это, по сути, такая же неотъемлемая составляющая авторской работы, как эстетика или техника выполнения. Безусловно, часто встречается и сознательное разрушение нравственности, причем зачастую очень талантливое. На территории искусства так же, как и всюду, проходит граница добра и зла. Более того, искусство обладает огромной силой: менять сознание людей. Каким бы ни был в реальности Емельян Пугачев, после «Капитанской дочки» Пушкина никто не станет отрицать, что это очень сложная фигура, которую нельзя оценивать однозначно. И этот нравственный урок будет не пугачевский, а пушкинский.

Борис ЛЮБИМОВ,

ректор Высшего театрального училища имени М. С. Щепкина, Москва

Фото из архива журнала «Фома»

В поисках цветов добра

Я бы сказал так: нравственная оценка *возможна*. Конечно, по отношению к разным видам искусства она и работать будет по-разному. Например, орнамент — это искусство, но не думаю, что оно нуждается в моральной оценке. Анализируя классическую музыку, вряд ли можно сказать, что вот эта соната нравственна, а эта — нет.

В одних произведениях искусства автор выступает как моралист — как поздний Лев Толстой; в других — предоставляет право моральной оценки читателям, как это делают, положим, Чехов и поздний Бунин. Мы совершаем свой нравственный выбор вслед за литературными героями (или героями кинематографа и персонажами театра). Но. Восхищаясь талантом поэта, создавшего «Цветы зла», мы всегда оставляем за собой право задать вопрос: «А где же цветы добра?» ■

Книги аудио-видео

Нехватка православной литературы – серьезная проблема многих регионов России и ближнего Зарубежья. Помочь в ее решении призван новый ОПТОВЫЙ магазин православной книги и дисков в подмосковном поселке Софрино, специально ориентированный на сотрудничество с епархиями и отдельными приходскими общинами.

В нашем магазине:

- Широкий выбор богослужебной, учебной, художественной, духовно-просветительской и детской литературы.
- Аудио- и видеопродукция.
- Система скидок – до 15%
- Доставка заказов по регионам России, дальнего и ближнего Зарубежья.

Наш адрес: Московская область, Пушкинский район, поселок Софрино. Улица Железнодорожная, 55, 40 км. от Москвы, Ярославское шоссе, 200 метров от предприятия "Софрино".
Телефоны: 8-903-736-27-87; 8-903-524-89-64; 8-916-787-82-22; 8-962-943-37-46; 8-916-373-81-47
e-mail: kli.76@mail.ru; shlyager85@mail.ru; olegpanchenko75@mail.ru

…законотворчества

Элладская Православная Церковь резко осудила инициативу государственных властей Греции о законодательном разрешении в стране однополых «браков».

После того как в парламент был внесен соответствующий законопроект, авторитетный иерарх Элладской Церкви митрополит Салоникский Анфим выступил с заявлением, в котором осудил эту инициативу.

— Некоторые стараются изолировать и разрушить духовную идентичность христиан мерами, которые упраздняют все нравственные законы и уравнивают людей с животными. Впрочем, мы осуждаем не грешников, а сам грех, — заявил он.

Греция до недавнего времени считалась весьма консервативной страной в вопросах семейного законодательства. В частности, венчание в храме перестало быть единственной законной формой брачного союза в стране лишь четверть века назад, после введения гражданской регистрации браков. При этом большинство греков по-прежнему выбирают венчание, а о своей принадлежности к Православной Церкви по данным социологических опросов заявили рекордные 97 процентов населения страны.

…объединения

Редактор раздела «Пространство культуры» журнала «Фома» писатель-фантаст **Виталий Каплан** принял участие в прошедшем в Кемерово Первом региональном съезде православной молодежи Кузбасса. В съезде приняло участие около 150 делегатов, представляющих 30 местных молодежных организаций.

— Главная задача съезда — собрать воедино активную молодежь, дать им возможность ознакомиться с опытом друг друга и создавать совместные социальные проекты, — рассказал «Фоме» руководитель молодежного отдела Кемеровской и Новокузнецкой епархии **протоиерей Сергий Семиков**.

В рамках съезда прошли секции и круглые столы, на которых обсуждались история и современное положение скаутской системы, формы социального служения молодежи, ее роль в политике, обществе и Церкви. В своем выступлении на открытии съезда **епископ Кемеровский и Новокузнецкий Аристарх** напомнил, что активное социальное служение — это признак духовно здорового общества. А заместитель губернатора Кемеровской области **Сергей Муравьев** отметил, что в деле нравственного оздоровления общества Церковь — первейший союзник государства.

Почетными гостями съезда стали известный миссионер **иеромонах Димитрий (Першин)**, председатель общероссийской организации «Братство православных следопытов» **священник Сергий Шастин**, генеральный продюсер юношеского

Редактор отдела культуры журнала «Фома» Виталий Каплан выступает в Кемеровской областной библиотеке.

Фото Максима Федичкина

вещания ВГТРК **Андрей Чижов**, музыкант **Вячеслав Бутусов**.

Почетные гости съезда, в том числе и наш сотрудник Виталий Каплан, были награждены губернатором Кемеровской области **Аманом Тулеевым**. Им торжественно вручили медали «За веру и добро».

…кинематографа

Режиссер **Владимир Хотиненко** готовится к съемкам фильма о судьбах православного духовенства в годы Великой Отечественной войны. Условное название картины — «Псковская миссия», а героями его станут священники-миссионеры, на долю которых выпало возрождать церковную жизнь на территориях, оккупированных фашистами.

Их деятельность продолжалась в период с 1941 по 1944 годы, после чего большинство псковских миссионеров оказались в советских лагерях, как пособники оккупантов.

— Это очень спорный и важный момент нашей истории, — объяснил «Фоме» свой интерес к теме псковской миссии Владимир Хотиненко. — Есть люди, которые однозначно считают этих священников предателями, и, видимо, у их слов есть определенные основания. С другой стороны, среди духовенства на занятых немцами землях было немало тех, кто помогал партизанам из сопротивления, спасал людей от карателей. Они действительно оказались в непростом положении, как и все те, кто попал в оккупацию, но в то же время им, как представителям Церкви, было необходимо не только искать свое место, но и быть опорой для людей вокруг. К слову сказать, тему людей в оккупации, людей фактически брошенных всеми, наш кинематограф практически не затрагивал. А ведь по приблизительным подсчетам эта судьба постигла 50-70 миллионов наших соотечественников.

…отцовства

31 мая в Москве, на Поклонной горе, прошел праздник, получивший название «Папин день». Его организаторы постарались напомнить обществу о той роли, которую мужчины играют в семейной жизни и воспитании детей.

Подобные праздники традиционны для Европы, однако в России

Участники III Оптинского форума «Наследие России и духовный выбор российской интеллигенции»

«Папин день» отмечается лишь второй раз. В том году в нем приняло участие около 8 тысяч человек, оставивших о нем самые благожелательные отзывы, а само мероприятие стало номинантом премии «Лучшее событие года».

Сегодня сам авторитет отцовства стремительно снижается, растет число разводов и неполных семей. По словам устроителей «Папиного дня», их инициатива — попытка сформировать положительный образ мужа и отца, еще раз заявить о важности отцовства.

…отношений

Митрополит Калужский и Боровский Климент призвал деятелей культуры и науки вступить в открытый диалог с Церковью. Об этом он заявил на открытии **III Оптинского форума «Наследие России и духовный выбор российской интеллигенции»**, который прошел в Москве и Калуге 16-18 мая.

— Мы предлагаем интеллигенции сотрудничество в возрождении духовности и нравственности, — рассказал «Фоме» владыка Климент. — Прежде всего, необходимо внедрить в систему образования изучение основ духовности, основ православной культуры. Увы, зачастую мы очень медленно двигаемся в этом направлении. Церковь прилагает большие усилия, но нас не всегда понимают.

По словам владыки, современное образование не способно сформировать у учащихся возможность чувствовать и воспринимать произведения искусства, литературы и музыки.

И, тем не менее, владыка Климент выразил уверенность, что «сотрудничество светской науки и духовных школ имеет широкую перспективу и должно стать залогом успешного развития культуры и гуманитарного знания в нашем отечестве».

Итогом Форума стала декларация о сотрудничестве интеллигенции и Российской Православной Церкви, в которой, в частности, говорится, что они нуждаются во взаимной поддержке.

…музыки

Музыкальный спектакль «Страшная месть» в исполнении **хора храма Святителя Николая при Третьяковской галерее** и **ансамбля Дмитрия Покровского** был представлен в Киеве на ежегодном фестивале современного искусства «Гоголь fest».

«Страшная месть» из всех ранних украинских повестей Гоголя наиболее проникнута православным духом, считает автор спектакля композитор **Антон Висков,** ведь в ней говорится о безграничности греха, который захватил не только одного человека, но весь человеческий род. По его словам, это своего рода повесть-предостережение.

— Творчество Гоголя, благодаря духовному пласту, носит вневременной характер. Гоголь связывает времена и пространства, и сегодня он как никогда актуален для зрителя, — рассказал композитор корреспонденту журнала «Фома».

В России премьера планируется 26 июня в музее-заповеднике «Коломенское».

…поздравлений

Редакция журнала «Фома» поздравляет с сорокалетием нашего коллегу, ответственного редактора газеты «Церковный вестник» **Сергея Валерьевича Чапнина**. В начале 90-х Сергей Чапнин был в числе тех, кто начал возрождение церковной журналистики. Созданный им интернет-журнал «Соборность» стал настоящим событием в жизни Рунета и во многом заложил традиции современного православного сегмента сети.

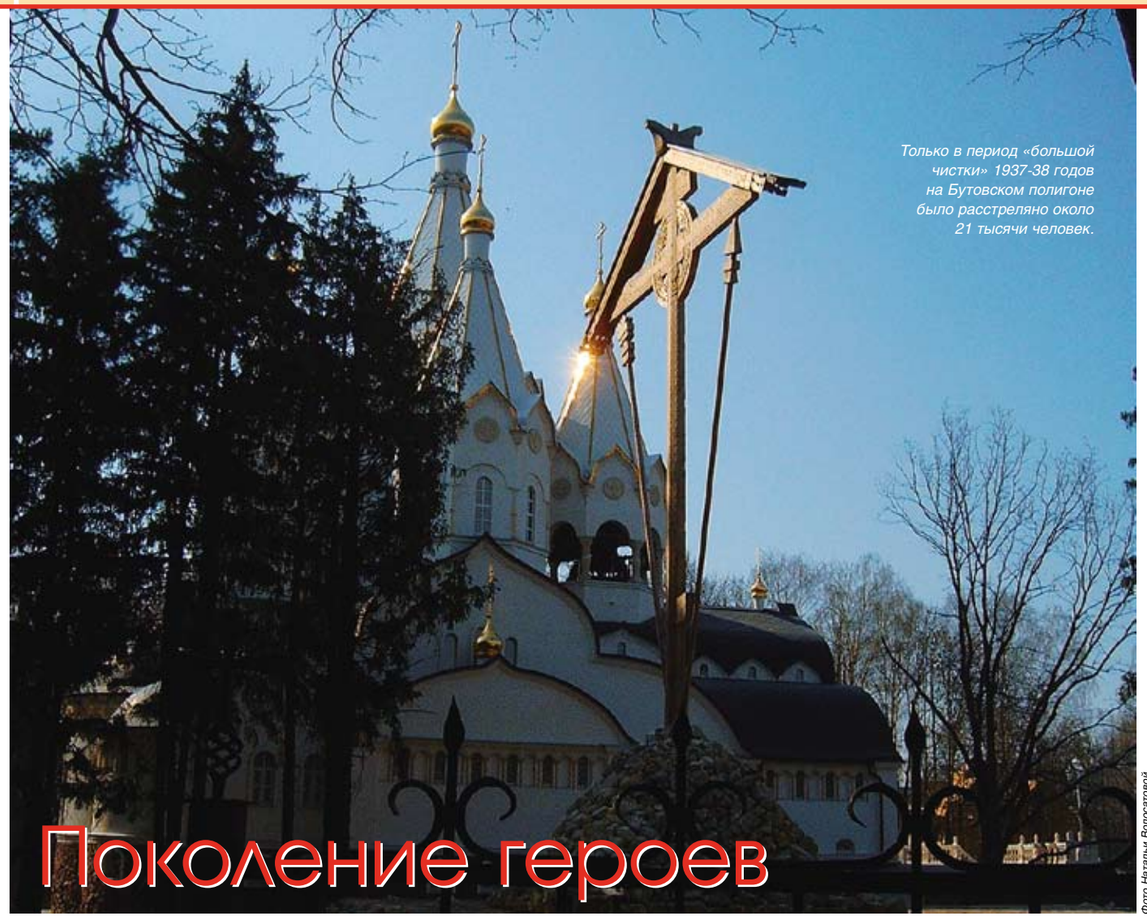
В 2001 году Сергей Чапнин стал ответственным редактором газеты «Церковный вестник». Совместно с руководством Издательского Совета Московской Патриархии ему удалось превратить газету из официального узконаправленного издания в актуальное СМИ, играющее важную роль в системе современной православной прессы.

Мы искренне желаем Сергею Валерьевичу долгих лет жизни и сил для продолжения своей столь необходимой всем нам работы. ■

Алексей СОКОЛОВ,
Наталья ВОЛОСАТОВА
В подготовке рубрики использованы материалы агентств «Интерфакс-религия», «Седмица.Ру» и пресс-службы Московской Патриархии.

Сергей Чапнин — ответственный редактор газеты «Церковный вестник».

Фото Владимира Евтюхина



Только в период «большой чистки» 1937-38 годов на Бутовском полигоне было расстреляно около 21 тысячи человек.

Фото Натальи Волосатовой

Поколение героев

Исторический опыт Церкви пока остается невостребованным обществом.

В конце июня в Москве и Сарове пройдет научная конференция, организованная Фондом преподобного Серафима Саровского «Почитание новомучеников XX столетия и восстановление национального исторического самосознания». Ее главная цель — привлечь внимание к важнейшим событиям в жизни нашей страны, о которых мы сегодня практически не помним.

Чаще всего при слове «мученики» мы вспоминаем первых христиан, растерзанных львами на арене римского Колизея. А ведь в прошлом столетии в нашей стране точно так же умирали за свою веру. В эпоху, когда многим казалось, что христианство уже изжило себя, на одном только Бутовском полигоне за Христа гибли десятки тысяч новых подвижников.

Увы, для многих из нас слово «Бутово» вызывает ассоциации с недавним земельным скандалом, а никак не с великой трагедией и одновременно великой славой нашего народа.

А ведь Российские новомученики стали не просто жертвами репрессий. Они были и остаются живым и близким нам примером поведения настоящего христианина. Не прячась в землянки в ожидании конца света, они умели противостоять давлению окружавшего их мира.

В Православии святость — это норма, к которой необходимо стремиться каждому верующему человеку. Святой — не герой, получивший звание «За заслуги перед Церковью». Он тот, с чьей жизнью мы можем сверить свои поступки в момент трудного выбора. Потому опыт новомучеников так важен для Церкви.

И потому так страшны звучащие на этом фоне массовые призывы канонизировать Ивана Грозного за то, что он был хорошим государственником и расширил границы страны. В данном случае совсем не важно, какова на самом деле была его историческая роль. Важно, что люди, называющие себя православными, не понимают, что такое христианская святость и из чего она проистекает.

Преодолеть это предубеждение, вернуться к христианскому пониманию мира, то есть к Самому Христу, жизненно важно для нас. Ведь без этого не может быть Церкви, не может быть христианства. И опять же, кому из святых следует молиться об этом, как не нашим мученикам, чьи дети, внуки и просто близкие, до сих пор живут рядом с нами.

Впрочем, наше светское общество, которое так любит сегодня указывать Церкви на ее проблемы, тоже не преуспело в осмыслении своей памяти. Ведь отношение к новомученикам имеет не только духовный, но и исторический аспект.

Осознала ли наша страна, что случилось с ней в XX веке? Наверное, лишь отчасти. Прошлое осталось для нее страшной трагедией, за которую всем нам до сих пор стыдно, а потому одни заходятся в приступах самобичевания, а другие прячут голову в песок. Причем со временем вторых становится все больше, и их трудами о трагедии XX века мы начинаем постепенно забывать.

Действительно, трагедия произошла. Но не достаточно просто переживать о ней, нужно попытаться вынести из нее какой-то урок. Мы же, если и говорим о людях, пострадавших за свою веру, воспринимаем их исключительно как пассивный элемент общества, павший жертвой революционных перемен.

Однако Российские новомученики — это не просто те, кто мог бы, да не успел вовремя уехать из страны. Они — еще одно, почти забытое нами поколение героев.

Тот, кто вопреки общественному презрению и насмешкам со стороны неверующих «коллег», ради Христа, а не ради оклада стал священником в последние годы Империи, кто не отрекся от веры в 20-е, продолжая вопреки всему делать свое дело, кто умер за нее в 30-е — не просто бессмысленно погиб.

Он добился успеха. Его трудами в 41-м году люди в окопах вновь вспоминали о Боге. И ему не нужно было лить для этого реки крови, не нужно было силой заставлять других быть таким же, как он. Ему пришлось всего лишь пожертвовать собой и своими надеждами на долгую и комфортную жизнь.

Если мы не осознаем этот уникальный опыт, то не только Россия, но и весь мир будет обречен отныне ходить по кругу. Мы будет принимать свои старые ошибки за новые решения и снова биться головой о стену истории, как это было в 17-м, 68-м, 91-м годах.

Так же, как это происходит сегодня. ■

Алексей СОКОЛОВ

Алексей БЕГЛОВ,

кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Фото Владимира Евгокина

Канонизация без прославления

По моим наблюдениям, сегодня верующие, независимо от фактического возраста, относятся к новомученикам совершенно иначе, чем «церковное поколение», которое застало эпоху репрессий. Тридцать лет назад у людей еще была живая связь с новомучениками, ясное понимание их подвига, суть которого заключалась в том, что они продолжали жить по-христиански, несмотря на преследования государства. Благодаря этому в России сохранилось Православие.

Для старшего поколения была очевидна связь Церкви с жизнью каждого из пострадавших за веру. Их канонизации ждали. Она воспринималась как восстановление естественной связи Церкви, а вместе с тем и всех нас, с новомучениками.

В начале 90-х, когда Церковь приобрела свободу, появилась возможность беспрепятственно проводить активную работу по канонизации. Однако обнаружилось, что вопрос этот для многих утратил актуальность.

Дело в том, что из жизни стали уходить те, кто сохранял живую связь с новомучениками, а у нового поколения должное отношение не сформировалось.

Этому есть несколько причин. Во-первых, очень слабо велась проповедь, было недостаточно составлено богослужебных текстов, литературных произведений. Если мы вспомним масштабную канонизацию русских святых в XVI веке при святителе Макарии Московском, то увидим, что она сопровождалась интенсивной интеллектуальной работой. Писались церковные службы, литературные произведения, проповеди. У людей было сформировано представление — что это за люди, в чем их подвиг, почему их нужно почитать.

Сейчас не так много материалов, разъясняющих смысл подвига новомучеников. Что мы о них знаем? Как правило, это имя и обстоятельства смерти. Канонизация производится по материалам следствия. А этого, на мой взгляд, не всегда достаточно.

Хотя есть и исключения. К примеру, работа игумена Дамаскина (Орловского) «Житие священноисповедника Романа (Медведя)», которая содержит и подробную биографию, и богослужебные тексты.

Отсюда следует простой вывод: массовость канонизации затруднила рассказ и проповедь о подвиге.

Есть и более глубинные причины. Это, в первую очередь, проблема исторического сознания. Их представляют либо как безвинных безгласных страдальцев, либо как героев, которые сопротивлялись тоталитарному режиму. В обоих случая упускается религиозная, духовная составляющая их подвига: люди жили по заповедям и поэтому подверглись репрессиям.

Чтобы как-то изменить ситуацию с почитанием, нужно более серьезно отнестись к самому процессу канонизации, заняться написанием богослужебных текстов. И что самое главное — необходимо выработать основу исторического сознания, церковного отношения к истории XX века.

Есть надежда, что ситуация может измениться в лучшую сторону. Уже сейчас есть замечательные примеры почитания новомучеников и, прежде всего, там, где прихожане или братия восстановленных монастырей через голову поколений установили некие личные связи с пострадавшими за веру, почувствовали их как живых людей. Это очень интересное явление. Как правило, именно там рождаются очень хорошие богослужебные тексты, книги о новомучениках. Однако кроме этого, должна быть систематическая, централизованная работа. ■

СОВМЕСТНЫЙ ПРОЕКТ

ФОМА

РУССКИЙ ВЗГЛЯД

Совместный проект журнала «Фома» и передачи «Русский взгляд» (3 канал). В рубрике «Телецитата» мы публикуем особенно интересные и важные высказывания гостей телеэфира. С полными стенограммами передачи можно ознакомиться на сайте «Фомы» *www.foma.ru.*

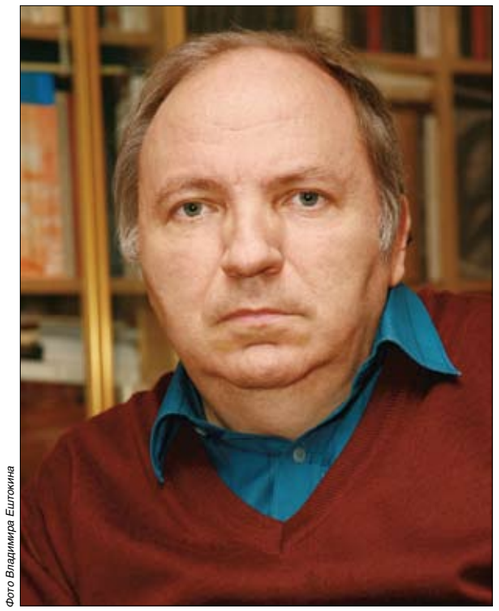


Фото Владимира Ешпокина

Николай ЛИСОВОЙ,

заместитель председателя Императорского Православного Палестинского Общества, старший научный сотрудник Института Российской истории РАН, доктор исторических наук, Москва

Вся русская история — крестный ход

«Что такое паломничество? Это большой крестный ход от Москвы до самого Иерусалима. Вся наша русская православная история и есть такой крестный ход. Мы идем этим путем, как заповедовал Господь. Религиозно-воспитательное значение паломничества для России и русского народа ни с чем не сравнимо. Сегодня Русская Духовная Миссия оказывается еще и миссией в новом, миссионерском, смысле. Многие люди приезжают в Израиль невоцерковленными туристами. И Русская Духовная Миссия делает все для того, чтобы встреча человека с Богом у святых мест Иерусалима действительно состоялась».

Эфир от 23 марта 2008 года.
Тема: «Русская Духовная Миссия в Иерусалиме»

Смотрите телепередачу «РУССКИЙ ВЗГЛЯД» каждое воскресенье, в 15:25, на «3-м канале».

Тема номера

Тема номера:

«Игрушечная» проблема

Игрушка как школа творчества

Тема игрушки в этом номере нашего журнала не просто дань первому июня — Всемирному дню защиты детей. В обществе все отчетливее ощущается тревога в отношении этого «несерьезного» предмета. И чем плотнее забиты новыми и разнообразными игрушками полки детских магазинов, чем больше масса товара, с которым сталкиваются родители и дети, тем, как это ни парадоксально, острее становятся опасения в отношении «игрушечной» проблемы. Об этом говорят сейчас психологи и педагоги, юристы и политики. Причем угрозу они видят не только в химическом составе красителей или в качестве материалов, из которых сделаны игрушки, — не менее важно то, что они считают ситуацию угрожающей с точки зрения *нравственной*.

При этом, когда речь заходит о том, в чем же именно состоит суть проблемы, формулировки начинают расплываться, разговор часто сводится к перечислению наименований: кукла Барби, игрушечные орудия пыток, электронные звери, которые могут довести ребенка до истерики... Чувствуется, что в обществе отсутствует критерий оценки, хороша игрушка или вредна. Между тем у христиан этот критерий есть.

Но прежде чем говорить о нем, нужно назвать причину, по которой проблема обостряется. Она заключается в том, что в странах, которые издревле были христианскими, наступила эра идеологии потребления. Сама эта идеология закладывает в сознание людей не только определенное отношение к игрушке как к покупке, но и целое мировоззрение. И даже к собственным детям люди начинают относиться как к статусной вещи, элементу «потребительского рая»: богатый муж, красавица-жена, шикарный дом, «упакованный» ребенок. Игрушка как часть этого механико-материалистического мира, где все обязано соответствовать стандарту благополучия, непременно должна быть яркой, дорогой, модной. Она одновременно и упаковка, в которую «обернут» ребенок в такой семье, и своеобразная матрица для воспроизведения новой клеточки потребительской тюрьмы.

При внешнем богатстве выбора потребительское общество фактически лишает человека возможности любить и творить, создает систему нового рабства, которую любой человек, верный Христу, не может не отвергнуть. И в отношении ребенка, который, с точки зрения христиан, несет в себе образ Божий, это означает, что мы должны обеспечить ему одну из важнейших возможностей — возможность стать творцом, как заповедал нам Господь.

Возможность стать творцом — это самая яркая часть детства. В каждом ребенке кроются поразительные творческие способности. Помните, как в детстве вы рассматривали узоры на обоях, солнечные блики на кафельном полу и видели в них фантастические картины? Целый волшебный мир там, где взрослые видят лишь пол и стены! Умение видеть и готовность творить, евангельское «Будьте как дети и войдете в Царствие Небесное» — это, с точки зрения христианства, главная тайна и счастье детскости.

Чем игрушка в этой системе ценностей должна быть для ребенка? Игрушка — это *школа творчества*, она в руках ребенка оживает, обретает плоть и кровь; общаясь с ней, маленький человек пытается стать творцом. И, исходя из этого, **чем больше творческой свободы дает игрушка ребенку, тем она лучше**. Соответственно, игрушка, эту свободу отнимающая, не может быть хорошей. Игрушки эры потребления плохи зачастую не внешним видом, но тем, что они не оставляют детям простора для творчества.

Конечно, рядом с этой глобальной проблемой стоят и другие, не менее важные: к примеру, проблема игрушек, к которым можно применить термин «макабрические» (фр. macabre — погребальный, мрачный). Это игрушки, призванные напугать и вызвать отвращение: ведьмы, мертвецы с отрубленными головами... Оправдывать существование подобного тем, что «детям это нравится» — преступление со стороны взрослых. Католический богослов Фома Аквинский писал, что «смертный грех — это то, что убивает душу ребенка». И для христиан необходимость полного отказа от игрушек, несущих в мир зло и растление, очевидна. Так же очевидна, как и потребность создавать игрушки, развивающие в детях творческое, благое начало.

И последнее. Обсуждая проблему современной игрушки, нельзя забывать, что помочь детям можно будет, только когда сами взрослые не только на словах, но и на деле отвергнут идеологию потребительского общества, «винтиком» которой обречен стать современный ребенок. Лишь возвращая семье образ «школы любви», лишь творя божеские отношения между собою, можно надеяться исполнить то, что соответствует замыслу Бога о нас и наших детях. А Он призвал нас быть творцами добра. ■

Редакция

Фото Матвея Масальцева

Кукла, которую я обманула

В детстве у меня было несколько любимых кукол. Помню их по именам. «Галя» — шатенка с неизменными колтунами в волосах, «Юля» — блондинка с удивительно длинными даже для куклы ресницами, и огненно-рыжая «Рая», которую я назвала в честь моей тети за сходство оттенков волос. Я «поила» кукол чаем и «кормила» кашей, по нескольку раз на дню переодевала и укладывала спать, укачивала и рассказывала на ночь сказки. Потом у меня появилась она — кукла моей мечты.

Впервые я услышала о ней по телефону. Папа тогда работал в ординатуре в Москве, а мы жили в Курской области, в поселке с не самым притязательным названием Горшечное. Однажды он позвонил и сказал: «Скоро приеду!» И обмолвился, что везет мне подарок: куклу, которая «умеет ходить и разговаривать». Тогда я научилась зачеркивать дни в настенном календаре и терпеливо ждать.

Она оказалась самой высокой из всех кукол, которых я когда-либо видела. И самой красивой. В небесно-голубом платье, с золотистыми волосами, розовыми губками и синими глазами. Настоящая Принцесса, другого имени у нее никогда не было. Она умела делать шаги, если ее правильно брать за руку, и говорила что-то нечленораздельное, похожее на «мааа-аа». Своим подружкам я показала ее сначала в окно, и они завороженно дышали на стекла.

Прошло время, прежде чем я стала выносить Принцессу на улицу. И каждый раз она производила на моих маленьких соседок незабываемое впечатление. Они аккуратно брали ее на руки, заботливо расчесывали спутавшиеся волосы. Спустя десятилетия, мне кажется, что тогда кукла учила нас быть настоящими дамами. Мы расстилали широкий плед под деревьями за домом, усаживались в кружок и начинали чаевничать. При ней неуместно было ссориться, ругаться и шуметь. Принцесса являлась воплощением почти ангельского образа, и эта тихая красота преображала все вокруг. Интересно, что даже мальчишки, обычные шалуны, которые то и дело старались каким-то образом задеть девочек, показать свое мужское превосходство, менялись в ее присутствии. Соседний малыш даже как-то катал Принцессу на своем трехколесном велосипеде.

Помню, однажды, неловко стаскивая с пластмассового тельца платье, я резко рванула его на себя и… оно снялось вместе с головой. И как я ни пыталась приладить ее обратно, головка все равно или падала на грудь, или запрокидывалась назад. Поистине, мое детское сердце пережило тогда настоящий ужас. Кое-как усадив куклу на полку, я побежала за советом к подружкам. Выход совместными усилиями был найден. В квартире одной из них мы устроили целый лазарет: клейкая лента вместо ваты и бинтов и маникюрные ножницы в качестве инструментов. С помощью скотча удалось вернуть голову в исходное положение, и долгое время пораненную шею куклы украшал мой теплый зимний шарф.

Когда мне исполнилось четырнадцать, у нас появился собственный дом, и мы постепенно перевезли туда вещи из квартиры. Конечно, детские игрушки — не самое главное, их транспортировку оставили на неопределенное будущее. Потом в пустой и гулкой детской остались только куклы. Как-то все время было недосуг их забрать. Когда я в редкие минуты забегала в притихшую квартиру — случайно, мимоходом, возвращаясь от подруг или знакомых, которые по-прежнему жили на той улице, — мне казалось, куклы оживали, протягивали свои короткие розовые ручки и пытались поймать, удержать за шнурок на ботинке или полу пальто. Они сидели в углу, на полу. Однажды я подошла к Принцессе и поразилась: прежде сияющие глаза ее были тусклы, на волосах — махрами — пыль. Я мыла ее тогда под проточной водой из крана и неловко оправдывалась: «Понимаешь, Принцесса, я не могу тебя забрать в новый дом прямо сейчас. Мне тебя просто некуда положить. Не понесу же я тебя через весь поселок подмышкой! Я приду к тебе завтра же! Вот увидишь — приду. Я заберу и тебя, и Галю, и Юлю. У меня теперь большая комната, в два раза больше, чем эта. Вам там будет светло и просторно…» Принцесса послушно закрывала глаза, когда я наклоняла ее вниз головой, вскидывала руки и периодически вставляла свое «маааа-аа», будто отвечая на эти слова что-то на своем кукольном языке. Я жалею, что оставила ее тогда в своей бывшей комнате. Что не сдержала свое обещание на следующий день. В четырнадцать лет несолидно заниматься игрушками.

Вскоре в дом пришли чужие люди: родители решили сдавать квартиру, чтобы за ней кто-то присматривал. Но им мои куклы оказались не нужны. Какое-то время спустя мне позвонила подружка с той улицы, с ней мы когда-то «лечили» наше общее пластмассовое чудо. Она сказала, что все мои игрушки, которые я вовремя не забрала из детской, квартиранты отнесли на помойку. И я почему-то ясно представила себе картофельные очистки на грязно-голубом платьице и в пыльных волосах Принцессы. Мне хотелось побежать туда, найти мою любимую куклу, а лучше их всех, собрать в большой полиэтиленовый пакет, принести домой, погрузить в душистую пенную ванну: мыть, скрести, чистить, чтобы они… снова поверили мне. Поверили, что я не забыла, что я все та же маленькая девочка, что я по-прежнему люблю их, что не было этого предательства. Если бы сейчас… Если бы все можно было вернуть назад! Я бы не задумывалась. А тогда — странная мысль — ведь это кукла… Просто вещь. Она не может ни думать, ни чувствовать. Она не может требовать заботы. Она — не живая. Зачем бежать, искать, копаться на помойке. Это всего кусок пластмассы с искусственной мочалкой вместо волос. И когда я так подумала, то потеряла Принцессу безвозвратно. Я проявила равнодушие. Я предала свою детскую мечту.

Когда я училась в университете, я рассказала эту историю своей новой приятельнице. Она рассудила трезво и мудро. Она сказала, что каждой вещи — свой час. Что у Принцессы было свое предназначение — воспитать в нас эстетическое чувство. Кукла выполнила то, что должна была — и ушла. Ушла навсегда. И сожалеть об этом не стоит.

А мне все-таки кажется, что это я ее отпустила. Даже нет. Я ее просто вычеркнула из своей жизни за ненадобностью. Мне было лень вернуться туда и отыскать ее в груде мусора. Я предпочла отмахнуться: она ничего не чувствует. И мне она больше не понадобится. И Принцесса не перенесла моего обмана.

Сейчас я думаю: не так ли мы порой поступаем со своими прежними друзьями и знакомыми? Которые когда-то были нам близки, а потом вихрь забот оторвал нас от них, унося все дальше и дальше, покрывая в памяти пылью их милые когда-то черты. Мы сами себе даем обещание: позвоню, зайду, навещу, проведаю. Вечером, завтра, на выходных, через неделю. А потом выясняется, что слишком поздно. И нам остается только сожалеть. И стараться не повторять своих «детских» ошибок. ■

Ксения ШЕЛУДЧЕНКО

Однажды я подошла к Принцессе и поразилась: прежде сияющие глаза ее были тусклы, на волосах — махрами — пыль. Я мыла ее тогда под проточной водой из крана и неловко оправдывалась: «Понимаешь, Принцесса, я не могу тебя забрать в новый дом прямо сейчас. Мне тебя просто некуда положить. Не понесу же я тебя через весь поселок подмышкой! Я приду к тебе завтра же! Вот увидишь — приду. Я заберу и тебя, и Галю, и Юлю».

Архивные фотографии сотрудников журнала «Фома».

Инструмент без инструкции

Минное поле детства

В конце 90-х по миру неожиданно прокатилась волна детских психических расстройств, некоторые из которых закончились самоубийствами. Причиной их стала, казалось бы, совершенно невинная вещь — игрушка тамагочи, побывавшая до того в руках у миллионов детей во всем мире.

Это стало настоящим шоком для родителей, пребывавших в уверенности, что электронный зверек, живущий в маленьком брелке, абсолютно безобиден и может разве что приучить ребенка к ответственности. На деле же оказалось, что главной эмоцией для детей по отношению к тамагочи стала не любовь и не желание позаботиться о другом. Взрослые проглядели главное: короткая жизнь существа из брелка стала для некоторых детей первым столкновением с реальностью смерти, и не все сумели это столкновение пережить…

Эта история стала, наверное, самым ярким, но далеко не единственным доказательством того, что о собственных детях мы знаем не так уж и много. И во многом это связано с нашей самонадеянностью.

Вообще, все наше нынешнее отношение к детству противоречиво и неосмысленно. С одной стороны, принято всячески подчеркивать, что мы, образованные жители больших городов начала XXI века, давно порвали с отсталой, патриархальной культурой крепостной деревни. С другой — мы продолжаем жить средневековыми стереотипами, главный из которых — отношение к детям как к маленьким взрослым, чья психология и восприятие мира ничем не отличаются от нашего. Во многом это отражается на нашем отношении к игрушкам. Многие из нас почему-то уверены, что для детей это просто забава, так же как и для нас. Мы не понимаем, сколь важное место она занимает в мире ребенка, для которого игра — основное средство познания окружающего мира.

Ведь дети — творцы, детское творческое сознание во многом богаче взрослого, и та же игра является для них гармоничным продолжением реальности, которую ребенок раскрашивает своими красками. О том, насколько живо дети воспринимают игрушки, насколько яркая у них возникает связь, которую иначе как любовью и не назовешь — повесть великого немецкого романтика Э. Т. А. Гофмана о Щелкунчике, широко известная ныне в усеченной форме балета и мультика. А ведь она о том, как девочка любит несчастную, преследуемую колдовством куклу и защищает ее от темных сил подземного мира, жертвуя любимыми лакомствами, ленточками... Для героини сказки (и для ее маленьких читателей) куклы — более живые, более «настоящие», чем злые мыши.

В русской сказке куколка выступает как волшебный помощник девушке-сиротке, причем для того, чтобы она заговорила, выслушала и помогла, нужно предложить ей немножко каши или хлеба и сказать: «Куколка, покушай, про мое горе послушай». Очень знакомая по детским играм картина. А трагическое в*и*дение творчества как жертвенности диктует Марине Цветаевой образ Гения поэзии, который вначале спасает куклу из горящего дома, а потом требует, чтобы девочка — будущий поэт — добровольно от него отказалась (поэма «На красном коне»). Да, действительно, игрушка — это несколько больше, чем предмет, что в некотором смысле уже и вовсе не предмет.

Другая ошибка при оценке роли игрушек в жизни ребенка базируется на атеистическом сознании и сводится к тому, что ребенок — это даже не «чистая доска», как утверждали педагоги давних времен, а пустой мешок, который мы должны загрузить тем, что считаем нужным, — с заранее известным нам результатом. Между тем ребенок — это личность, задуманная Творцом всего сущего со своими уникальными характеристиками, а педагоги и родители должны руководствоваться в своих попытках сформировать зрелую личность тем же принципом, который обязателен для медиков: «не навреди».

— Мир ребенка обладает множеством тонкостей, которые необходимо принимать в расчет, — говорит специалист по детской игрушке доктор психологических наук **Вера Абраменкова**. — К примеру, дискретность: из детства люди, как правило, запоминают только отдельные эпизоды, зато помнят их очень четко. Резкий испуг или, напротив, радость остаются в памяти человека, навсегда и серьезно влияют на всю его дальнейшую жизнь — исследования показали, что до восьмидесяти процентов воспоминаний пожилого человека составляют воспоминания детства. Это, кстати, доказывает, что эмоции, связанные с детской игрушкой, могут пройти с человеком через всю его жизнь. И, разумеется, нельзя забывать о том, что дети крайне серьезны в своей игре. Взрослым часто кажется, что к играм ребенок так же, как и они, относится несерьезно. Но это отнюдь не так…

Игрушка — своего рода мост от ребенка к взрослому миру. И в первые годы жизни именно игра остается для человека не только главной формой познания, но и главной формой творческого, художественного выражения себя, эмоционального и социального ➥

Зачем ребенку игрушка в первую очередь?

Место проведения опроса: РФ, все округа
Время проведения: 27-28 марта 2008 года
Общий размер выборки: 3000 респондентов в возрасте до 45 лет, имеющие детей

Затрудняюсь ответить

- Разные игрушки под разные ситуации: и умение общаться, и развитие интеллекта.
- В игре ребенок проживает жизнь взрослого. Учится, так сказать. Так считают психологи.
- Все зависит от возраста.

Чтобы он учился быть добрым, чтобы развивалось милосердие, ответственность, смелость

- Доброта и милосердие — такой дефицит в этом мире.
- Игрушка нужна ребенку для развития его как человека. В игре ребенок осваивает и познает окружающий мир, учится пониманию отношений в социуме.
- Если у него будут добрые чувства, то значит, он хорошо развит.

Чтобы не скучал, был в хорошем настроении

- Положительные эмоции — залог здоровья.
- Смотря какой вкус у родителей, кстати, надо не забывать о том, что хочет сам ребенок.
- Так приятно видеть радость ребенка, когда даришь ему что-нибудь красивое.

Чтобы развивались интеллект, логика, находчивость

- Считаю, что сломанные игрушки развивают фантазию у ребенка, поэтому не спешу их выкидывать.
- Детей нужно развивать как можно раньше.
- Нельзя ответить однозначно, игрушки должны и развивать интеллект, и учить добру.

Опрос проведен Исследовательским центром портала SuperJob.ru

Иллюзия изобилия

Реплики покупателей в магазинах игрушек

● «Из игрушек, которые есть в магазинах, я бы не купила ничего. Пожалуй, единственная полезная игрушка — конструктор. Сегодня мы с внуком купили ролевую игру «Пираты Карибского моря» по мотивам фильма, и только потому, что он попросил. Мне эта игрушка не очень нравится. Чему она может научить? Захватить, отобрать, убить… Я предлагала внуку выбрать что-нибудь другое, но ему нужно то, что есть у других детей в детском саду. Даже если дома ты пытаешься привить что-то доброе, в детском саду он нахватается прямо противоположных вещей.

Любовь Владимировна, 59 лет, медицинский работник

● «У нас уже несколько штук Барби, пять или семь. Вот в этом я как раз вижу проблему. Это красота на час, которая потом становится не нужна. Возникает потребность пережить восторг еще раз, ребенок просит купить еще одну куклу. Это мне не очень нравится, с этим нужно что-то делать».

Мария, 30 лет, госслужащая

● «Полки магазинов заполнены, а выбрать нечего: или такие игрушки у нас уже есть, но дети до них еще не доросли или переросли. Я совершенно спокойно отношусь к игрушкам с западной идеологией. Ведь игрушка как таковая ничего не привносит. Ребенок все получает от родителей. Как разовьется то, что в нем заложено, — зависит от тех, кто с ним будет играть. А с какой игрушкой — совершенно не важно».

Дмитрий Николаевич, 69 лет, профессор

● «В детстве мы играли в одни и те же игрушки очень долго, по несколько лет. Они были любимые. Сейчас у детей нет любимых игрушек. Это понятие ушло. Есть множество игрушек, игрушечная масса, все они безликие какие-то… Современные игрушки очень плохого качества, они теряют вид буквально через неделю и приходится покупать новую. Ребенок не успевает привязаться к какой-то игрушке, выстроить с ней отношения, подружится.

Елена Борисовна, педагог средней школы, 50 лет

● «Девочки не играют в куклы, в «дочки-матери». На мой взгляд, это серьезная проблема. Семья как ценность переживает кризис. Мама делает карьеру, она вечно на работе, она устает, на ребенка сил не остается, и им занимается няня, по сути, чужая тетя, в лучшем случае — бабушка. Девочка просто не знает, как играть, потому что не видит живого семейного примера».

Анна Васильевна, инженер, 53 года ➥

развития. Именно на примере игрушки ребенок учится общаться, любить, относиться к ближнему с человеческой теплотой.

— Веками игрушка учила ребенка межличностным отношениям, объясняла, что такое хорошо и что такое плохо. Игрушки были примитивными, но они были живыми, — говорит Вера Абраменкова. — И только в конце XIX века, когда игрушку начали штамповать в промышленных масштабах, ее «убили». Наверное, это стало первым шагом к расчеловечиванию детства…

Сегодня с этим согласны многие, включая самих производителей и разработчиков игрушки.

— Об игрушке у нас говорится лишь с точки зрения медицины: качество материала, безопасность в использовании, в крайнем случае — возможность применения для развития ловкости и логического мышления. Игрушку оценивают наравне с детской одеждой и предметами быта, однако ее значение гораздо больше. Ведь она помогает ребенку заложить базовые представления о нравственности и морали, — говорит президент Национальной Ассоциации Игрушечников России **Антонина Цицулина,** — в западных странах существует понятие «игровой среды», которая оценивается по отдельным нормам. Ее формирование является частью концепции образования, а не здравоохранения, — ведь именно окружающая среда формирует личность.

В большинстве развитых стран специфика нашего времени уже учтена: пространство вокруг ребенка охраняется законом, и в него нет хода игрушкам опасным как с медицинской, так и с этической точки зрения. Недавно проект закона «О детской игрушке» был внесен и в Российскую Думу.

Его задача — создать вокруг ребенка адекватную атмосферу, оградить его от отрицательных впечатлений. Помочь тем, кто пытается возродить традицию доброй, хорошей, наконец, творческой игрушки. Впрочем, прежде чем регулировать сферу детских игр и игрушек следует как минимум разобраться: что на самом деле может быть вредно для ребенка, что полезно.

А разобраться в этом не так просто, как кажется.

Сумеречная зона

На самом деле, специалисты не так уж хорошо знают, в каких отношениях дети находятся с миром игрушек. Эта сфера оказалась настолько сложна для науки, что ученые до сих пор не могут прийти к единому мнению относительно неких общих законов детской психики. Ребенок относится к игрушке как к личности, и отношения с ней у него непредсказуемы, как непредсказуема любовь у взрослых.

Глубоких и сложных теорий на тему восприятия ребенком игрушек существует довольно много, но ни одна из них не преобладает и, тем более, не является исчерпывающей.

Педагоги и родители должны руководствоваться в своих попытках сформировать зрелую личность тем же принципом, который обязателен для медиков: «не навреди».

Так что критерии, по которым предстоит оценивать игрушки, пока ясны не до конца.

Разумеется, бывают и вполне наглядные ситуации. Когда в 90-е рынок игрушек у нас в стране наполнили мерзкие, извращенные игрушки — все было очевидно*. Нормальные родители не стали бы покупать такое своему ребенку и безо всяких законов. Запрет здесь был необходим, скорее, для того, чтобы подобная продукция не попадалась на глаза ни самим детям, ни падким на рекламу людям — жертвам общества потребления, обходящимся без собственного мнения и рассуждающим примерно так: «Если продают, значит, кто-то покупает, — а я чем хуже?» Ведь ни для кого не секрет, что реклама агрессивных игрушек рассчитана в первую очередь на детские эмоции (и на инфантильных взрослых, которых, к сожалению, не так уж мало), а также на равнодушных родителей, которые не станут спорить с выбором ребенка.

Но что делать в более сложных и спорных случаях, когда взрослые не могут до конца ответить для себя: полезна ли подобная игрушка их ребенку? Таких, как ситуация вокруг тамагочи? На наш взгляд, возможно, не всегда, но во многих случаях мог бы помочь неожиданно, на первый взгляд, поставленный вопрос: есть ли место этой игрушке в Божием мире? И тогда выясняется, что те же тамагочи и последующее поколение электронных «живчиков» — эта такая пародия на Божие творение, которой лучше бы не позволять быть.

Нередко претензии специалистов вызывает вполне безобидная с виду игрушка. А иногда, наоборот, то, что с первого взгляда кажется очевидным «негативом», играет важнейшую позитивную роль в воспитании ребенка. Бывают и вовсе запутанные случаи, самый яркий пример которых — игра в солдатики.

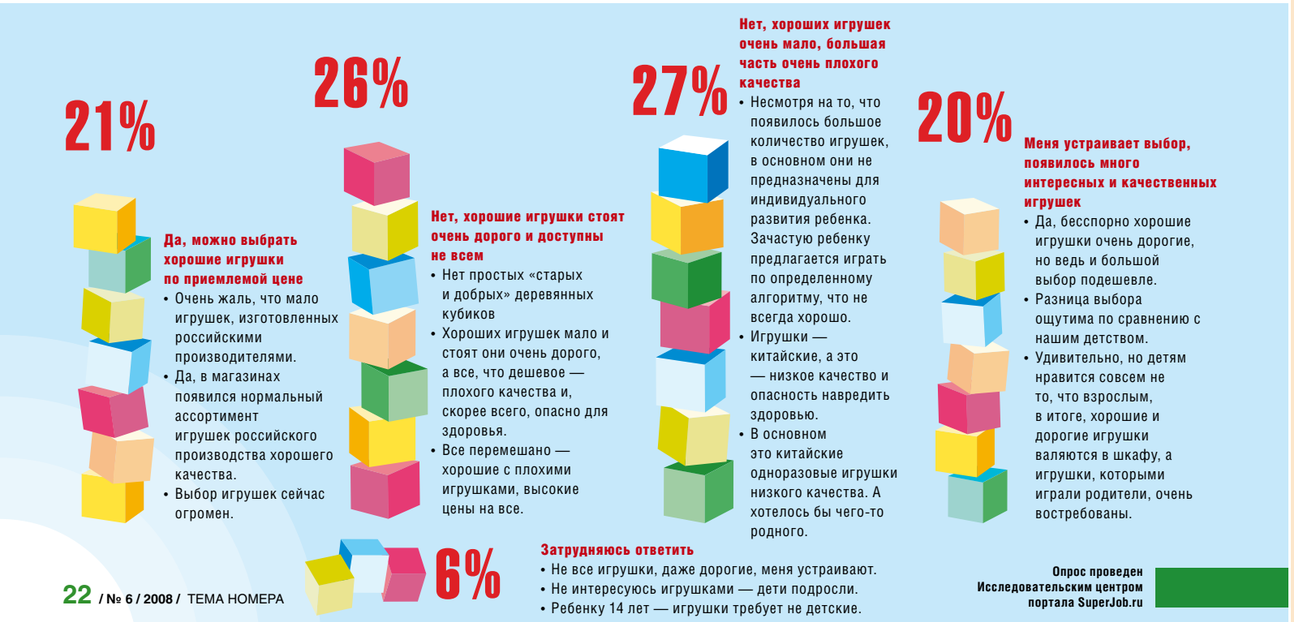
Еще в начале 90-х годов по давней антимилитаристской традиции много говорилось о вреде «военных» игр. Считалось, что они воспитывают в мальчиках агрессию и служат чуть ли не основной причиной будущих «взрослых» войн. Сегодня ситуация кардинально переменилась, и общественное мнение шарахнулось в противоположную сторону.

— В Европе специалисты снова бьют тревогу. Они уверены, что опыт последнего времени наглядно показал: подавление взрослыми агрессивных «мальчиковых» игр ведет к распространению сексуальных отклонений, — рассказывает Антонина Цицулина. — Однако это мнение опять же остается лишь на уровне теории. Мы вообще очень мало знаем о том, как именно игры и игрушки воздействуют на детей. Последние исследования в этой области проводились тридцать лет назад, и они явно устарели, потому что многие внешние факторы значительно переменились. Современный ребенок в четыре года уже нередко умеет читать, а в старых нормативах написано, что к семи годам он должен знать максимум двадцать букв. Психологи и педагоги не могут прийти к ➥

*В рождественской повести Диккенса «Сверчок в камине» злой и циничный фабрикант для собственного удовольствия выпускает страшные игрушки, а покаявшись, как это и полагается в рождественской повести, от этого направления своей деятельности отказывается. — *Ред.*

Удовлетворены ли Вы предложением детских игрушек, которое существует сегодня не рынке?

Место проведения опроса: РФ, все округа
Время проведения: 27-28 марта 2008 года
Общий размер выборки: 3000 респондентов в возрасте до 45 лет, имеющие детей



● «Сейчас все увлечены развивающими играми, но в этом нет ничего страшного. Чем умнее человек, тем поведение его нравственнее. Если мы посмотрим, кто совершает преступления, кто попадает в число наркоманов, алкоголиков — это люди из неблагополучных семей, не получившие хорошего образования. Интеллектуально развитый человек не будет опускаться до каких-то вещей, просто не позволит себе поступить низко».

Антон, 30 лет, госслужащий

● «Агрессивных игрушек не нужно бояться. Нет ничего страшного, если у ребенка будет пара-тройка роботов-стрелялок. Непосредственно чему-то доброму, отзывчивости, чуткости, могут научить другие игрушки. У ребенка они должны быть самыми разными. Нужно учить ребенка играть, направлять в нужное русло. Родители должны думать, что нужно его ребенку, чего ему не хватает».

Светлана, 33 года, педагог

● «Игрушка сегодня воспитывает потребителя, который в зависимости от моды будет менять телефоны и телевизоры. Сегодня игрушка нужна для удовлетворения привязанности и формирования новой привязанности. Сегодня игрушка — это рыночный товар, работает маркетинговая машина, а детство стало разменной монетой».

Александр, врач, 33 года ■

Редакция выражает благодарность руководству магазинов «Детский мир», «Совенок» и «Академия игры» за предоставленную возможность общения с покупателями.

единому мнению даже по вполне конкретным ситуациям: игрушки, которые одобряют специалисты в Питере, запрещают специалисты из Москвы и наоборот. У каждой научной школы есть своя экспертиза и свое мнение, отличное от других. Пока продолжается эта чехарда, регламентировать что-либо нельзя. И тут я вижу главную проблему будущего закона «О детской игрушке». В нашей стране и разработчики, и производители игрушек готовы к тому, чтобы их работа была регламентирована, но как это сделать, если не существует четких критериев: какую игрушку считать хорошей, а какую плохой?

— Я с трудом представляю себе, как будет выглядеть этот закон. Слишком тонка затронутая им сфера, — говорит отец шестерых детей **диакон Федор Котрелев**. — Хотя, действительно, причин для его принятия много. Если просто походить на выставки игрушек, чуть соприкоснуться с их историей, сразу станет видно: мерзкие игрушки, которые появились сегодня — примета нашего времени, когда люди думают о коммерческой выгоде и не думают о возможном вреде. Но далеко не все так однозначно… Вот, к примеру, фильмы Миядзаки. Его герои порой просто отвратительны на вид, но они же добрые и учат они добру! Если же ввести формальные критерии, то эти мультики нужно запретить, зато что-то гладкое и бездушное обязательно проскочит. Игрушка — действительно очень важная и сложная вещь. А потому и оценить ее тоже будет не просто.

Председатель Комитета по делам семьи, женщин и детей Государственной Думы **Елена Мизулина** также считает, что вопрос создания вокруг детей адекватного игрового пространства требует подробного рассмотрения и разработки. Однако, по ее мнению, затягивать с этим нельзя, и для начала необходимо прописать хотя бы элементарные нормы.

— Безусловно, здесь не обойтись одним законом. В первую очередь требуется внести целый ряд поправок в уже существующее законодательство, чтобы избежать путаницы. И регламентировать при этом нужно не только игрушку, но все игровое пространство, в котором пребывает ребенок, — считает Елена Мизулина. — При этом работать надо довольно быстро. Потому что слишком долго в России проблемой детской игрушки не занимались вообще, и сейчас ситуацию уже можно назвать критической. В любой цивилизованной стране понимают, что есть определенные сферы жизни, от которых необходимо ограждать детей. Скажем, на все, что связано с отношениями полов, в окружающей ребенка среде наложено табу. Существуют и другие ограничения, к примеру, связанные с возрастом. На западных игрушках, поступающих к нам в страну, стоит маркировка «+1», «+4» и так далее — это означает возраст, с которого данную игрушку можно давать ребенку. А наши продавцы в магазинах (я сама это проверяла) даже не знают, что значат эти цифры…

Определять критерии, по которым предстоит оценивать игрушку, придется, видимо, еще очень долго. И хочется верить, что при этом не будет упущено важных, хотя, возможно и не всегда достаточно четко выделяемых факторов. К примеру, развития у ребенка творческих способностей. Ведь это одна из основных задач игрушки, да и оценить ее по этому параметру будет не так уж трудно.

> «…Потому что слишком долго в России проблемой детской игрушки не занимались вообще, и сейчас ситуацию уже можно назвать критической…»

Главный рубеж обороны

Но, как бы то ни было, государство все равно никогда не решит всех проблем, связанных с воспитанием подрастающего поколения. Ведь непосредственно воспитанием детей предстоит заниматься родителям, а не чиновникам. В идеале оно способно лишь ограничить опасные игрушки и обеспечить детей игрушками не просто «добрыми» и «хорошими», но способствующими развитию положительных эмоций и творческой фантазии.

Но в истории человечества еще не было случая, чтобы ребенка воспитывали исключительно предметы. В любом случае последнее слово остается за мамой и папой.

— Мои ребята играют в солдатиков, это нормально, ведь мы следим за их игрой и вносим какие-то коррективы, — говорит диакон Федор Котрелев. — Популярных сейчас мутантов со страшными злыми лицами я ребятам не покупаю, а солдатик с простым, часто даже детским лицом, по-моему, прекрасная игрушка, и такие сегодня можно легко достать, особенно если знать хорошие магазины с авторскими игрушками. Дороговато, но экономить на детях нельзя. Ни деньги, ни время. Почему я так спокойно говорю о военных играх? Потому что я объяснил своим мальчишкам, чем убийцы отличаются от защитников. Помню, ребята как-то решили устроить «казнь», построили солдатиков, начали расстреливать их из пушки… Я тогда с ними поговорил серьезно и, по-моему, мне удалось им объяснить, что такое жестокость. Они поняли. По крайней мере, больше игрушки не калечат.

Быть может, дело не только в игрушках, но и в нас?

— История с тамагочи — трагедия нашего эгоизма, — считает Вера Абраменкова. — Родители надеются, что умная и сложная игрушка заменит их, сама станет воспитывать детей, а они смогут расслабиться. Этого не будет никогда.

В умелых руках игрушка способна стать своего рода коммуникатором, максимально облегчающим диалог с ребенком. Но что именно с его помощью ребенок поймет о взрослом мире, зависит от того, кто будет вести с ним диалог, находясь по другую сторону коммуникатора. Игрушка остается лишь инструментом, хотя и принижать ее значение тоже не стоит.

...С христианской точки зрения, каждый человек являет собой образ Божий, и в ребенке этот образ замутнен намного меньше, чем во взрослом человеке, что в первую очередь отражается на детских творческих способностях. Детские игры — это подлинное творчество, еще не успевшее стать креативом взрослого оскудения фантазии, и настоящая игрушка призвана помочь ребенку раскрыть свой потенциал. Потому ее роль не сводится лишь к воспитанию и примитивным педагогическим приемам. Она призвана к большему — способствовать возрастанию в человеке образа Творца, реализации замысла Бога о человеке. ■

Алексей СОКОЛОВ

Елена СМИРНОВА,

профессор,
доктор психологических наук,
руководитель Центра игры и игрушки в Московском городском психолого-педагогическом институте

Куда уходит детство?

Современные дети все чаще остаются без настоящей игры, а с ней уходит из их жизни и само детство. Во-первых, они с самого раннего детства загружены всевозможными развивающими занятиями, и времени на то, чтобы поиграть, практически не остается. Во-вторых, взрослые разучились играть с детьми. Научить ребенка каким-то интеллектуальным действиям, развивать его кругозор намного проще, чем поиграть с ним. Ведь игра требует творчества, воображения, эмоциональной включенности и, что немаловажно, времени и сил. На это способны не все родители, а ребенка необходимо приобщить к игре, и сделать это может только тот, кто любит и умеет играть сам.

За последние двадцать лет и детские игры существенно изменились. Они стали более поверхностными, фрагментарными. Уходит смысловой, воображаемый план, игра становится предельно конкретной и примитивной.

Изменились сюжеты игры. Игры детей все дальше уходят от реальности, от того, чем живут взрослые, их родители. Все меньше встречаются в играх «профессии», взаимоотношения взрослых.

Ребенок играет в то, что видит по телевизору, другого материала у него нет. Так, проигрываются некие готовые сюжеты, из игры уходит творчество. В результате, усваиваются не реальные взаимоотношения людей и предметов во взрослом мире, а некая виртуальная реальность.

Сюжетно-ролевая игра для ребенка от 3 до 7 лет имеет решающее значение для развития его личности. В игре дети учатся управлять своим поведением, строить планы, воображать и соображать, творить, общаться по поводу общего дела. При недостатке игры все эти качества и способности не развиваются или деформируются. В итоге, ребенок не может сам организовать себя, у него нет устойчивых желаний, выходящих за пределы ситуации. Мы рискуем получить поколение, которое будет не способно воспринимать идеальный план бытия. А это — культурный упадок.

Особого внимания заслуживает разговор о современных игрушках. Большинство из них, мягко говоря, не способствуют развитию детской игры. В этой связи наш Центр занимается психолого-педагогической экспертизой игрушки. Мы разработали критерии такой экспертизы. Сейчас мы проходим процедуру регистрации в качестве сертификационного центра; уже зарегистрирован наш фирменный знак «Детские психологи рекомендуют». Появляются первые заказчики на проведение экспертизы. Как правило, это небольшие производства, которые выпускают действительно очень качественные, содержательные игрушки.

Конечно, производители, у которых дело поставлено на широкий поток, а также поставщики импорта к нам не торопятся.

Небольшим производствам занять место на полках крупных магазинов наряду с ширпотребом практически невозможно, они ютятся по маленьким магазинчикам. Так создается впечатление, что хороших, интересных игрушек нет вовсе. Однако это не так.

Но главная проблема — во взрослых, в том, как они выбирают игрушку и какую предлагают игру. ■

Игрушка через века

Детская игрушка — часть мировой культуры. Она была во все времена, при всех цивилизациях, и значение ее для воспитания и становления человека очень велико. После посещения Государственного художественно-педагогического музея игрушки в Сергиевом Посаде, где собраны экспонаты из разных стран и эпох, сомнений в этом не остается.

Самые любимые и актуальные сегодня игрушки пришли в наше время из глубины веков. Это кубики, конструкторы, пирамидки, погремушки, куклы. Мы же хотим рассказать об игрушках, которые ушли вместе со своей эпохой. Может быть, взгляд в прошлое позволит понять, какой должна быть игрушка сейчас, что можно изменить в ней, чтобы она помогла воспитывать добрых, отзывчивых, уважающих друг друга людей. Чтобы завтра мир не задохнулся от ненависти и безверия...

● На Руси в крестьянских семьях в качестве куклы девочкам предлагали простое полено, завернутое в тряпку. Это создавало широкое поле для воображения и проявления чувств ребенка. Умение «увидеть» младенца в полене способствовало тому, что материнство и забота о детях воспринимались как должное.

● С XII до XX века в России широко был распространен конструктор «Шаркунок». Из мелких плоских деревянных деталей нужно было собирать трехмерную фигуру-погремушку, которая издавала «шаркающий» звук. По сложности она превосходила многие современные конструкторы. Собрать погремушку нужно было как можно быстрее, чтобы успокоить и занять младших. Так, в игре, развивались одновременно интеллект, ловкость и умение заботиться о другом.

● Крестьянские дети воспитывались с пониманием того, что труд — неотъемлемая часть жизни человека, что в умении сделать что-то полезное есть радость. Для игры детям предлагались точные уменьшенные деревянные копии предметов труда. Например, «коробмочесник» — игрушечный набор для стирки, утюг и другие предметы быта.

● Дворяне воспитывали своих сыновей как будущих военных. Развивали понятия чести, долга, отваги, патриотизма. У мальчиков были всевозможное оружие, флотилии, солдатики, карты местности и даже детская военная форма.

● В советское время появились куклы, изображавшие принадлежность к той или иной профессии. Например, кукла-дворничиха, врач, военный, комбайнер и так далее. Как правило, у них были улыбающиеся, радостные лица. Они были призваны научить ребенка уважать труд.

Сергиев Посад — столица отечественной игрушки. Именно здесь в XIV веке игрушечное ремесло получило широкое распространение и процветало вплоть до Второй мировой войны. А началось все с того, что делать игрушки начал основатель Свято-Троицкой Сергиевой Лавры святой преподобный Сергий Радонежский. Он вырезал из дерева фигурки людей и животных и дарил многочисленным паломникам. Насельники обители, а затем и жители Сергиева Посада подхватили эту традицию. Так, можно считать, что игрушечное дело на Руси существует с благословения «игумена земли русской» преподобного Сергия. ■

Наталья ВОЛОСАТОВА

Игра по правилам

Общественный совет Центрального федерального округа внес на рассмотрение в Комитет по делам семьи, женщин и детей Государственной Думы разработанную им концепцию закона «О детской игрушке».

Во многом этот проект — попытка учесть и приспособить к нашим реалиям опыт западных стран. В США уже действуют подобные правовые акты, а в Европе наряду с директивой ЕС работают еще и «местные» законы во Франции, Бельгии и Латвии.

В концепции Общественного совета особо подчеркнуто, что «для ребенка игрушка — важнейший предмет, включенный в его жизнедеятельность и оказывающий на него исключительное воздействие». Потому важное место в концепции отводится не только медицинской, но также психологической и нравственной безопасности.

Важную роль здесь играет запретительная функция. В частности, в концепции приводится большой список игрушек, которых не должно быть однозначно. Это игрушки, способные напугать, игрушки, имитирующие какой-либо физиологический процесс, изображающие боль, страх и предсмертную агонию живых существ. Под запрет попали и все игрушки, эксплуатирующие сексуальную тематику, игрушки, связанные с нанесением татуировок или увечий. И, разумеется, игрушки, опасные для здоровья или способные причинить физический вред.

Для контроля за этим предусмотрено создание специальных экспертных советов.

Еще один интересный пункт из числа карательных мер: предусмотренная концепцией закона ответственность за халатность родителей — подарив ребенку опасную игрушку, папа или мама будут нести административное наказание. А за производство и реализацию такой продукции предполагается уже ответственность уголовная.

Наравне с запретительными мерами концепция предлагает и меры поощрительные. Предполагается законодательно обязать государство поддерживать российских производителей хороших игрушек, а также тех, кто занимается сохранением и воссозданием игровой среды.

«Игрушка — это одна из фундаментальных универсалий человеческого бытия, служащая для передачи ценностей культуры и опыта поколений. Игрушка является инструментом социализации, своеобразным звеном между ребенком и предметным миром, а также частью детской игровой реальности…

…Это специфическое средство информационного воздействия на детей, поскольку в игрушке зафиксированы все основные тенденции влияния на сознание и поведение человека, способы и средства его формирования... Поэтому игрушка попадает под действие законов об информационной безопасности, рекламе и др. Однако в силу своей специфики и силы воздействия на ребенка игрушка должна рассматриваться как особый предмет правового регулирования».

«Анти-игрушка (игрушка-ксеноморф) — это не просто плохая игрушка: например, некачественно сделанная, грубо раскрашенная, с острыми краями или мелкими деталями. Часто анти-игрушками могут выступать внешне безупречно изготовленные из экологически чистых материалов «фирменные» изделия зарубежного производства, которые, вместе с тем, не отвечают критерию духовно-нравственной безопасности. Анти-игрушка является побудителем и транслятором духовно-нравственного разрушения: психических заболеваний и нервных расстройств, склонности к суицидам (самоубийствам) и пр.»

«1.1.1. Основная идея законопроекта («О детской игрушке». — *Ред.)* — законодательное закрепление требований и гарантий обеспечения безопасности, в том числе духовно-нравственной, детских игрушек».

«1.2.1. Главной целью законопроекта предполагается установление законодательных требований к детским игрушкам в целях недопущения производства и оборота детских игрушек, которые могут нанести

вред жизни, физическому, психологическому и духовно-нравственному здоровью и развитию ребенка».

«1.2.2. Задачи законопроекта:

• закрепление системы запретов и ограничений, в том числе возрастных ограничений, производства и оборота детских игрушек, которые могут нанести вред жизни, физическому, психологическому и духовно-нравственному здоровью и развитию ребенка;

• закрепление правовых условий для создания и развития детского игрового пространства позитивной и нравственно-воспитательной направленности;

• закрепление правовых оснований и механизмов проведения экспертизы детских игрушек».

«2. Основные положения законопроекта:

2.1.3. Законодательное установление критериев оценки детских игрушек как вредных для физического, психологического и духовно-нравственного здоровья и развития детей…

2.1.3.2.1. Игрушки, доминантой игрового замысла которых является манипулирование ребенком…

2.1.4. Законодательное закрепление научно-обоснованной возрастной классификации детских игрушек и игр, рекомендованных для детей различных возрастных групп, в виде Государственного перечня-классификатора…

2.1.5. Законодательное закрепление оснований назначения, порядка проведения и видов социально-психолого-педагогической экспертизы детских игрушек, вредных для психологического и духовно-нравственного здоровья и развития детей…

2.1.6. Законодательное установление системы обязательной маркировки детских игрушек…

2.3. Разработка и внедрение мер по кардинальному изменению игровой образовательной среды современного ребенка». ■

Священник
Андрей КОНОНОВ,

писатель, клирик храма
Рождества Иоанна Предтечи, Вятка

Игрушечная вселенная

Игрушка как способ выстраивания личности

Взрослым людям трудно настроить свою душу на духовное восприятие жизни, но для святых и детей это легко. Духовные реалии наполняют всю земную жизнь от великого до малого, и дети, пока мы из них не вырастили подобие самих себя, изначально воспринимают все, с чем соприкасаются, как символ, отношение к которому — творческое. Игрушка является той исходной точкой, с которой дитя начинает познавать мир. Игрушка — это не только вспомогательное средство воспитания или коммуникации; скорее, понимание ее должно быть шире: это способ глубинного выстраивания личности. Можно сказать и иначе: это первая вселенная маленького человека, определяющая в дальнейшем его отношение к миру. Это понимание оформилось после того, как магазины наводнили тысячи уродливых фабричных игрушек и подросли дети, выросшие в этой мутировавшей игровой среде. В противовес этому появились производители, осознавшие духовно-нравственную составляющую игрушки и отстаивающие традиционные ее формы. Но большинство фирм, опираясь на «законы рынка», по-прежнему создает новые формы игрушек, деструктивно воздействующих на сознание детей, разрушающих таинственный мир игры, например, пластиковые электронные подобия живых куриц типа тамагочи (они даже яйца несут!), собачек (Айбо), нафаршированных электроникой. Жуткие подобия Божьего мира, рассчитанные на психологию потребления (это относится, скорее, к родителям, детей к потреблению нужно еще приучать). А дети начинают их любить и общаться с ними, как с живыми существами, тратя душевные силы на пластиковый мир.

Найти нормальную игрушку сейчас не проблема. Проблема в нас, во взрослых. Это мы даем детям в руки игрушки. Я духовник детского садика с 1999 года. Лет пять-шесть назад, помню, принести в группу монстрообразную игрушку для родителей было обычным делом. Приходилось долго объяснять, проводить общие беседы. Сегодня ситуация изменилась, но, к сожалению, переместилась к другой крайности и порой доходит до смешного: мамы и папы отнимают у мальчиков игрушечные пистолеты и прячут от девочек чебурашек и пупсиков. Мотивы? Пистолеты — насилие, чебурашка — монстр, пупсики развивают раннюю сексуальность. Как в поговорке — «ожегшись на молоке, дуют на воду».

Эту задачу — дать детям игрушки, которые бы не уродовали, а развивали в них образ Божий, — необходимо решать «всем миром». И церковную общественность не должно смущать, что вокруг нас разворачиваются глобальные исторические события, а мы занимаемся устроением мира игрушечного. После бунта 1917 года советская власть весьма скоро прибрала к рукам артели и мастерские по выпуску игрушек и жесткими предписаниями наладила выпуск игрушек, пропагандирующих безбожный строй жизни, ненависть к «помещикам, буржуям и мироедам». Я сам видел на художественных выставках подобные примеры: толстобрюхого «купца-живодера», красавца-большевика, богатыря-революционера и многих других узнаваемых персонажей агитпропа.

Созиданием игрушки действительно необходимо заниматься не время от времени и не небрежно, а постоянно и вдумчиво.

Современное постсоветское общество живет в разных религиозных и культурных моделях. Поэтому договориться о том, что такое «анти-игрушка», вряд ли будет возможно даже на уровне определения. Да и запретами здесь не поможешь. Надо писать статьи, издавать книги, проводить в педвузах и детских садиках учебные семинары, устраивать кружки по изготовлению игрушек, работать с семьями на приходах. Нельзя оставлять игрушечную вселенную без внимания, ведь кто позаботится о наших детях, если не мы? ■

Не обидеть Чучело...

Лет до десяти я постоянно гуляла во дворе — у нас была замечательная компания, поэтому друзья-приятели мною ценились гораздо больше, чем игрушки. Однако долгими зимними вечерами или во время затяжных детских болезней очень важным для меня становился стеллаж, сколоченный папой из обрезков ДСП, с аккуратно расставленными, а чаще беспорядочно наваленными там игрушками. И хотя я дружила, в основном, только с мальчишками, и во дворе мы играли совсем не в девичьи игры, а в «ножички» и «казаки-разбойники», самым интересным для меня в этом шкафчике всегда были куклы.

Я играла с ними, как любая девчонка: раздевала, укладывала спать, варила еду на игрушечной железной плитке и кормила с ложечки. А их истории записывала в специальную тетрадку, составляя своеобразный реестр: как выглядят, во что одеты, откуда появились, какие «черты характера» проявляют. А еще я часто со своим младшим братом и куклами играла в школу. Усаживала их за парты (полуторагодовалый брат послушно сидел рядом с огромной пластмассовой Настей), делала каждому маленькие тетрадки и даже дневники, писала за них в этих тетрадях какие-то каракули, которые потом сама же проверяла и ставила оценки. У меня был и классный журнал, где каждая кукла фигурировала под своим именем. Их фамилии были просты: Мальвинина (кукла с голубыми волосами), Золушкина (старая кукла, с донельзя замызганным лицом)... Каждая из кукол обладала своим характером. Одна была прилежна и училась на «пятерки», другая была, в общем-то, разгильдяйкой, но иногда бралась за ум. Большой пес Шарик Собакин, невзначай оказавшийся за теми же партами, все время баловался, поэтому его нередко выставляли из класса. А братик Алёша был очень покладистым — он сидел, открыв рот, и внимал старшей сестре. Между делом я учила его рисовать кружочки и даже вдолбила букву «А».

Кукол было много — старые (по детским, конечно, меркам), оставшиеся от старшей сестры; более молодые, подаренные мне еще маленькой; и красивые, новые. Конечно, мне больше нравились новые куклы — я так обожала привезенную кем-то из заграничной поездки изящную куколку с удивительными длинными волосами и гнущимися руками, что все время таскала ее с собой, целовала и даже кусала от переизбытка чувств. Но очень важной внутренней задачей для меня было уделять *всем* куклам одинаковое внимание. Задрипанных кукол в простеньких платьях я жалела, заставляя себя чаще обращаться к ним. Даже если долго ими не играла, следила, чтобы они не валялись вниз головой. Почему-то мне всегда было немного стыдно перед ними. Непременное детское чувство по отношению к игрушкам «им же больно» сопрягалось у меня с «им же душно/темно/страшно» и т. п. К примеру, я никогда не могла вот так, с ходу, взять зимой куклу на улицу: ей было холодно, и ее нужно было тщательно закутать. И я не могла совсем забросить старых кукол: ведь им было обидно, если с ними обращались не так, как с другими.

Я не помню, чтобы у нас в семье выкидывали игрушки. Мне кажется, я не вынесла бы вида куклы, лежащей среди мусора на помойке. Моя последняя кукла — подаренная на четырнадцатилетие(!) — дожила до моих собственных детей, которые по малолетнему неразумию разрисовали ее фломастером, испортив любимые с детства черты, и мне было так жалко ее и неловко перед ней... Почему-то все, что могло смотреть на меня — даже стеклянными глазами, даже пуговицами вместо глаз — не было для меня предметом.

Мое отношение к куклам, когда я пошла в школу, стало проецироваться и на одноклассников. Все десять лет я была известным борцом за справедливость. Даже над самыми забитыми «Чучелами» в нашем классе никто (включая учителей) не мог безнаказанно насмехаться, — я за них всегда заступалась, периодически ввязываясь из-за этого в конфликты. И хоть поведение мое почти никогда не оценивалось как «примерное», в школе меня уважали. До сих пор у меня сохранилось чувство жалости к школьным изгоям, которые есть почти в каждом классе — очкарики или толстяки, или просто смешные, непонятные, непохожие на всех, нелюбимые. И мне им — как старой ободранной кукле — хочется уделить внимания поровну с остальными, а может, даже и больше... ■

Анна ЕРШОВА

Церковь Христова

Церковь Христова

Мужчина и Женщина

Была ли Ева помощницей Адаму?

Тезис «Ева — помощница Адама» надолго стал оправданием неравенства полов. Сомнений, что может быть иначе, не возникало еще многие сотни лет, пока технологический прогресс и ход истории не освободил женщину от оков быта. Однако в том, что между мужчиной и женщиной есть различия, не сомневается никто. Но в чем духовный смысл этих различий? Возвращаясь к проблеме, поднятой в предыдущем номере журнала, мы поговорим о том, действительно ли неравенство сводится к тому, что женщина — слуга мужа? Не закралась ли в библейский текст ошибка, и женщина был создана Богом лишь в помощники Адаму?

Жена на «службе» мужа, или неточность перевода

Согласно Библии, разделение человека на два пола является неким призывом к еще большей полноте. Но в чем состоит эта полнота и как осуществляется, каковы в идеале отношения между двумя людьми разного пола?

Найти прямые ответы на подобные вопросы в библейском тексте непросто, ведь перед автором Библии не стоит задача дать подробное пособие по семейному счастью или стать учебником психологии отношений. Однако для всех библейских религий Книга Книг — это система координат всей жизни, высшее откровение и бесспорное свидетельство о мире и человеке. Значит и «искусство» человеческих отношений, их смысл можно найти на ее страницах.

Итак, что же в Библии говорится о смысле «полового сепаратизма»?

И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему (Быт **2**:18).

Бог Библии создает жену как «помощника» для мужа. Наверное, в Библии нет более важного слова, когда речь идет о тайне отношений между Адамом и Евой, чем простое — «помощник». Однако именно этот очевидный по содержанию фрагмент текста вызывал и вызывает до сих пор множество вопросов и недоумений. Не говоря о том, сколько ошибок и абсурдностей стали следствием неверного толкования именно этого места.

Еще блаженный Августин удивлялся: «Ну какая же Ева помощница? В каком смысле? Какое странное наименование! Для чего вообще должна была явиться эта помощница? Нет иного ответа, как только для рождения детей...» И продолжая свое размышление, оставаясь предельно откровенным, Августин риторически вопрошает: «Если не для рождения детей, то для чего? Если для того, чтобы вместе обрабатывать землю, то помощником скорее был бы дан мужчина... Если допустить, что муж скучал от одиночества, то в интересах собеседования сообразнее было бы жить вместе друзьям, чем мужчине и женщине».

Впрочем, для V века, еще не знавшего женщин в политике, бизнесе и школе, вопрос Августина «для чего?» был максимально конкретен. К тому же Блаженный Августин не только не знал еврейского языка, но и не был знаком с греческим текстом Библии. Вслед за ним, имея в распоряжении только латинскую Вульгату* того же мнения придерживается Фома Аквинский и вся западная богословская мысль.

Такое «специфическое» понимание одного-единственного слова Библии определило в западной культуре и отношение к женщине.

В самом деле, какую еще помощь Ева может оказать Адаму, ведь она уступает ему в силе? Поэтому западные богословы единственное объяснение слову «помощник» находили в принципе деторождения. А для чего же еще, как не для рождения детей создана Ева? Жена сотворена не иначе, как чтобы муж господствовал над ней, а она имела к нему служебное отношение, — добавляют Августин и Фома Аквинский.

Чтобы разобраться, о чем действительно идет речь, вернемся к тексту Библии. Еврейский оригинал книги Бытия повествует далеко не о «помощнике». Употребленное здесь слово «эцер» куда глубже по содержанию, чем кажется на первый взгляд. Так православный богослов и историк профессор Сергей Троицкий (1878–1972) предлагал переводить семитское «эцер» как «восполняющая бытие». Ева выступает не просто помощницей, а «той, которая будет стоять лицом к лицу с ним, с Адамом».

> Сама вечность через любовь соединяет двух в единое целое. Как писал французский философ Габриель Марсель, сказать человеку: «Я тебя люблю» — то же, что сказать ему: «Ты будешь жить вечно, ты никогда не умрешь». Ибо, по слову апостола Павла, любовь никогда не перестает (1 Кор 13:8).

Мысль очень емкая: муж и жена могут стоять лицом к лицу, как бы созерцая друг друга, проникая в глубины ➥

*Вульгата — латинский перевод Библии, сделанный блаженным Иеронимом в 383 году. — *Ред.*

Чудо в Кане Галилейской. *Графика Елены Черкасовой*

один другого, наполняясь новым содержанием. Они могут видеть друг в друге всю красоту образа Божия. Это сама вечность, которая через любовь соединяет двух в единое целое. Именно поэтому, как писал французский философ Габриель Марсель, **сказать человеку: «Я тебя люблю» — то же, что сказать ему: «Ты будешь жить вечно, ты никогда не умрешь»**. Ибо, по слову апостола Павла, *любовь никогда не перестает* (1 Кор **13**:8).

Смерть входит в природу человека. Адам в ужасе, он и весь род его обречен на гибель, и в последней надежде он прозревает таинство родов и нарекает имя жене своей.

Иначе говоря, речь идет не столько о помощи в труде и родовой функции, а о *восполнении самого бытия*. Содействие же в труде, рождение потомства мыслится, скорее, как последствие этого восполнения. Муж обладает тем, чего не достает жене, а жена имеет то, что не хватает природе супруга. Она та, через кого Он может стать чем-то большим. Он тот, посредством кого Она вырастает в полную меру. Это различие — не взаимоотталкивающее, а взаимодополняющее, взаимообогащающее. Они вместе только потому, что различны.

Как писал в IV веке святитель Григорий Богослов, «Бог совершил подлинно величайшее чудо, разделив корень и семя многообразной жизни на две части и влил в недра обоих любовь, побудив их стремиться друг к другу».

Увы, ни латинский, ни греческий переводы Библии не передают в полноте удивительный смысл слова «эцер». Впрочем, восточные богословы и не принимали то узкое представление о назначении женщины, которое предлагает блаженный Августин, говоря о рождении детей. Среди святоотеческих писаний встречаются мнения, по смыслу близкие к еврейскому оригиналу. Так, греческие Отцы Церкви называли Еву не просто детородительницей, но полноценным спутником Адама в его жизни. Она та, в ком Адам созерцает самого себя, то есть его отражение, «alter ego».

В какой-то момент и сам Августин начинает сомневаться в справедливости своего суждения. Уже позже он говорит о некоей «святой дружбе» мужа и жены.

Итак, согласно Библии, в совместной жизни Адама и Евы происходит полное изменение человека, расширение его личности. Бог как бы опосредованно — сначала через познание человеком мира (наречение имен), а затем через взаимное познание мужчины и женщины — приводит человека к полноте бытия.

Стыд есть страх

Но действительность свидетельствует об обратном. И часто ответом на вопрос о причинах расставания людей слышится: «были *слишком* разные». Почему же эта разница между людьми, которая, согласно библейскому тексту, была задумана Творцом, осознается нами как трагедия?

Ответ находим уже в третьей главе книги Бытия, где рассказывается о грехопадении.

Грех входит в жизнь первых людей и в мир. Адам и его жена не устояли в любви Божией и лишаются Вечного вместе с вечностью. Именно здесь мы впервые узнаем значение имени Ева. Роду человеческому грозит опасность навсегда исчезнуть с лица земли — ведь бессмертие потеряно. Смерть входит в природу человека. Адам в ужасе, он и весь род его обречен на гибель, и в последней надежде он прозревает таинство родов и нарекает имя жене своей. Отныне она — Ева (буквально с еврейского — жизнь), ибо *стала матерью всех живущих* (Быт **3**:20).

Это уже не «восполняющая бытие», не просто «Иша»*, а та, которая родит детей, даст роду человеческому жизнь. Грех, согласно Библии, не только меняет социальные отношения мужа и жены — он порождает и их отчужденность друг от друга, ломает их природу, убивает в Еве ту, через которую Адам был призван расти. Адам отныне перестает быть тем, через которого Ева стремится к полноте. Теперь их задача — продлить род, то есть воплотить для начала хотя бы один из аспектов своих отношений. А подлинная человечность становится сложной перспективой, ведь отныне между мужчиной и женщиной возникает чуждость, страх, недоверие. Их некогда блаженная разность превращается в проблему, а отношения теряют глубинный смысл.

Раньше они были *оба наги, Адам и жена его, и не стыдились* (Быт **2**:25), теперь же *открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья, и сделали себе опоясания* (Быт **3**:7). Но стыд появляется только там, где нет любви, где существует чуждость. Мы стыдимся именно того взгляда, который осознаем как чужой. Адам и Ева, выпав из тайны взаимной любви, обречены на одиночество и взаимное недоверие. Отныне все, что будет происходить в их мире, будет более похоже на битву, а не на восполнение бытия. «Другой» отныне — мой враг, чужой и странный.

Грех, согласно Библии, не только меняет социальные отношения мужа и жены — он порождает и их отчужденность друг от друга, ломает их природу, убивает в Еве ту, через которую Адам был призван расти. Адам отныне перестает быть тем, через которого Ева стремится к полноте.

Как же здесь быть? Неужели этот страшный разрыв неизлечим, неужели он — хроническое заболевание? Евангелие со всей убедительностью заявляет обратное. Как в Ветхом Завете величайшим чудом, венцом и смыслом творения выступает брачная пара — Адам ➥

*Еврейский текст Библии для обозначения Мужчины и Женщины использует одно слово, ставя его в мужском и женском роде: «Иш» (муж) и «Иша» (жена), что еще раз подчеркивает их природное единство. — *Ред.*

Швейно-производственное объединение
«Церковные ткани»
Индивидуальный пошив

Товары для священнослужителей и монашествующих

Плащаницы и хоругви для облачения храмов

Ткани швейным ателье и клубам исторической реконструкции, хозяйкам на постельное и столовое бельё

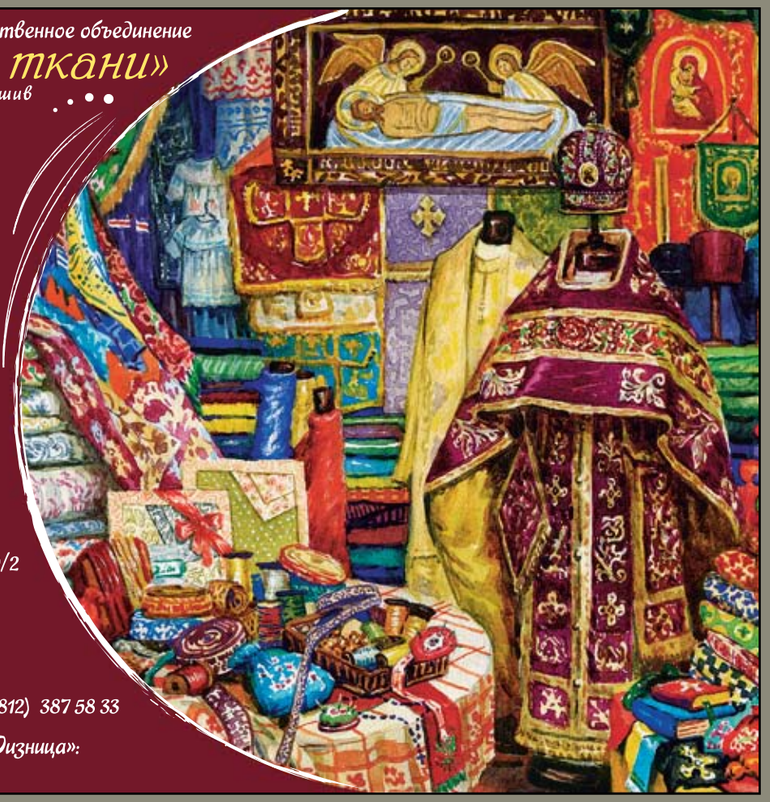
Товары для венчания и крещения

Великолепные наборы для рукодельниц

Москва,
улица Большая Ордынка, дом 60/2
телефон: +7 (495) 953 47 53
тел./факс: +7 (495) 959 12 90

Санкт-Петербург,
Московский проспект, дом 104
телефон: +7 (812) 388 30 27, +7 (812) 387 58 33

интернет-магазин «Золотая Ризница»:
www.riznitca.ru/shop/



Троицкая книга
при Московском Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры предлагает

Книги | Более 2500 наименований православной литературы, оптом и в розницу, по издательским ценам, гибкая система скидок. Тел.: (495) 681-20-09.

Аудио- и видеопродукция | Широчайший ассортимент духовных и богослужебных песнопений, классической музыки, аудиокниг, киноклассики. На различных носителях. Тел.: (495) 684-40-71.

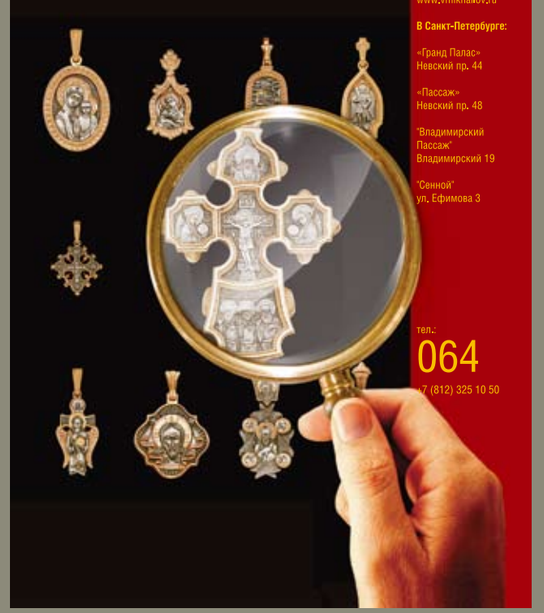
Ткани и облачения | Самый широкий в России ассортимент церковных тканей и богослужебных облачений, повседневная священническая одежда. Тел./факс: (495) 684-74-77.

Утварь | Большой выбор икон, киоты, четки, лампадное масло, ладан, восковые свечи, ювелирные изделия, крестильные, венчальные и погребальные наборы, большой выбор сувениров. Тел.: (495) 684-83-33.

Отдел книга почтой | Высылаем по доступным ценам широкий ассортимент книг, аудио и видеопродукции, церковных тканей и облачений. Различные способы доставки. Высылаем бесплатный каталог. Тел.: (495) 600-69-03, e-mail: shop@bookshop.su Интернет-магазин http://bookshop.su

ЦЕРКОВНАЯ ЛАВКА РАБОТАЕТ БЕЗ ВЫХОДНЫХ
Часы работы: с 9.00 до 20.00, суббота — с 10.00 до 17.00, воскресные и праздничные дни — с 11.00 до 18.00.
129090, Москва, 2-й Троицкий пер., д. 6а, стр. 9, Митрополичьи палаты; проезд до ст. метро «Цветной бульвар», «Сухаревская».
E-mail: info@blagoslovenie.su Интернет-сайт: www.blagoslovenie.su

Православные образы в ювелирных изделиях
Владимир Михайлов



www.vmikhailov.ru
В Санкт-Петербурге:
«Гранд Палас» Невский пр. 44
«Пассаж» Невский пр. 48
"Владимирский Пассаж" Владимирский 19
"Сенной" ул. Ефимова 3
тел.: 064
+7 (812) 325 10 50

и Ева, так и в Новом Завете, свое первое чудо Христос совершает **на брачном пиру** (см. Ин **2**:1-11).

Очевидно, что язык Священного Писания полагает параллели между этими событиями. Бог не отвернулся от людей, не покинул и не оставил их навеки во взаимном одиночестве. Эта перспектива роста, возвращение людей к полноте бытия и общению по-прежнему осознается Библией как первостепенная. Ведь любовь есть дар Божий. И именно любовь должна преодолеть пропасть, возникшую между сынами Адама и дочерьми Евы.

И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одной плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает (Мф **19**:5-6).

Вместе и навсегда

В мире, где разобщенность и противоположение осмысливается как норма, брак действительно можно назвать чудом, превосходящим все естественные состояния. Потому что пребывание в браке — это единственная возможность двум совершенно разным людям, благодаря взаимной любви, стать едиными.

Апостол Павел в Послании к Ефесянам называет отношения между мужчиной и женщиной великой тайной, подобной отношению Христа и Его Церкви (см. Еф **5**:21-33). Жизнь в браке апостол сравнивает с богообщением! Такая сильная параллель свидетельствует о том, что любовь в браке является абсолютным восстановлением потерянного восполнения.

Адам и Ева вместе начинали жизнь на земле, в раю, вместе были изгнаны из рая, вместе растили детей, пережили смерть Авеля от рук Каина и другие скорби, выпавшие на их долю. Они даже вместе отошли в мир иной, и оба оказались в аду. Эту горькую чашу потери первоначальной любви, богооставленности Адам и Ева испили, не покинув друг друга, — это их глубочайший покаянный шаг.

В православной традиции на иконе Воскресения Христова изображено сошествие во ад Христа, Который выводит из преисподней… этих двух людей, сохранивших верность друг другу до конца. Они вместе жили, вместе умерли и вместе были спасены Христом. Речь идет уже не о двух человеческих судьбах, но об одной судьбе двух людей, связанных неразрывно, навечно. ■

Игорь ПЕТРОВСКИЙ

Изведение Адама и Евы из ада. *Графика Елены Черкасовой*

Фото Владимира Ешткина

Библия — это такая книга, что если бы мы могли прочитывать ее ежедневно целиком,
мы бы каждый день читали несколько иную книгу.
Однако дело не в ней, дело в нас: читая Писание, мы немного меняемся, так что точнее было бы сказать,
что в таком случае Книгу книг ежедневно читал бы другой человек. Попробуем еще раз
прочесть хорошо известные эпизоды:
вдруг мы сможем взглянуть на них по-новому?

Марина ЖУРИНСКАЯ

О малых сих

Увещание Спасителя не презирать ни одного из малых сих помещено в 18-й главе Евангелия от Матфея между словами о соблазнах и искушениях, с которыми предлагается бороться весьма решительно (отсечь свою руку или ногу, если они соблазняют, вырвать глаз, — разумеется, это метафора, это нельзя понимать буквально хотя бы потому, что самокалечение христианам запрещено), и словами о практически бесконечном прощении согрешившему против тебя брату. В общем структуру первой половины этой главы можно вкратце описать так: будьте как дети, умалитесь — берегитесь соблазнов, но больше всего берегитесь сами сеять соблазн — боритесь с соблазнами — берегите малых сих — прощайте согрешившим против вас.

Это схематическое описание недостаточно выразительно отмечает один очень важный стих (Мф **18**:6), о котором необходимо поговорить отдельно. Сразу после рассуждения о том, что следует уподобиться детям, то есть умалиться, мы читаем: *а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской.* Отсюда следует, что малые сии — это вовсе не обязательно дети или люди малосведущие; это верущие в Спасителя, это могут быть именно те, кто *умалился* перед лицом Божиим; и вот с ними-то нужно проявлять сугубую сдержанность и осторожность, если уж пришла в голову идея их поучать, — и недаром дальше говорится про *соблазны*; очевидно, при определенных обстоятельствах такая идея относится именно к соблазнам.

«Добрый пастырь» (II–III вв.) — пример раннехристианской скульптуры, исполненной в античной манере.

В ст. 10 говорится: *не презирайте ни одного из малых сих <…> Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного. Презирать* — значит считать заведомо ниже себя, а посему высокомерно поучать и пренебрегать тем, что говорят «малые сии». Но коль скоро их ангелы-хранители лицезрят Бога (а ведь сказано: *на Негоже не смеют чини ангельстии взирати*, — значит, здесь — особая милость), то и слова их могут быть благодатны; во всяком случае, есть кому их поучить и направить на путь истинный. Далее после известных слов о том, что пастырь оставляет 99 овец и идет искать одну заблудившуюся, и радуется, найдя ее, больше, чем всем остальным (еще раз: о малых сих есть кому позаботиться, и они драгоценны перед Господом), с ярчайшей прямотой сказано: *нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих.* Такова Божья милость.

Но не нужно думать, что *малые сии* — все как один праведники; впрочем, этой теме вообще не стоит уделять пристального внимания. Почти невольно мы всё стараемся расклассифицировать людей, каждого поставить на место (конечно, на то, которое мы же ему и отвели), и от Пасхи до Пасхи благополучно забываем потрясающие слова из Мф **20**:1-16 о том, что Господин жатвы волен награждать работников так, как Он хочет, и *последние будут первыми, а первые последними.* Так что и нашу градацию праведности, наши попытки построить людей по нами же придуманной шкале лучше *оставить до жатвы*, то есть до Страшного суда. **А тогда нам очевидно будет не до этого — придется всецело сосредоточиться на собственных делах**.

…Удивительно, насколько в колоссальном объеме книг Священного Писания все части взаимосвязаны и взаимообусловлены. Ведь если подумать, то смысл приведенных текстов перекликается со смыслом слов апостола Иакова: *не многие делайтесь учителями, зная, что мы подвергнемся большему осуждению* (Иак **3**:1). И уж тут что же еще скажешь… ■

Любовь и ярость

Изгнание из Рая, полное истребление допотопного человечества, гнев, ярость и даже месть Бога, обрушившиеся на грешников… Как сочетаются все эти трагические свидетельства Библии с утверждением: «Бог есть Любовь»?

Маркионовы грабли

Может ли быть злым Бог, в которого веруют христиане? На первый взгляд, такой вопрос может показаться смешным и нелепым. Ведь фундаментальное отличие христианства от всех других религий как раз и заключается в утверждении, что — Бог есть Любовь, которая не только *…не мыслит зла*, но даже и *…не раздражается* (1 Кор **13**). Однако любой человек, хотя бы поверхностно ознакомившийся со Священным Писанием, знает, как много там мест, где о Боге говорится совсем иными словами, а отношение Его к людям описывается в категориях весьма и весьма далеких от любви.

В текстах Ветхого Завета многократно сказано, что Бог может прийти в ярость, гневаться и даже — ненавидеть грешников, мстить им. Более того, в Книге Бытия прямо говорится, что глядя на умножившееся в допотопном мире зло: *раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своем. И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю,*

ибо Я раскаялся, что создал их (Быт **6**:6-7).

Выходит, Бог до такой степени зависит от поведения сотворенных Им людей, что человеческие грехи могут буквально ввергнуть Его в скорбь и даже — спровоцировать на тотальное уничтожение всего сухопутного населения Земли? Ну а если прочесть в самом начале Библии историю грехопадения Адама и его жены, когда Бог за одно-единственное прегрешение первых людей не просто изгнал их из Райского сада, но сделал смертными их самих и всех их потомков, да еще поставил на входе в Эдем вооруженную охрану — херувима с огненным мечом… Становится совсем грустно, а главное — совершенно непонятно, как же все это возможно совместить с христианскими представлениями о любящем людей Боге?

Грозный, яростный Бог Ветхого Завета и кроткий, смиренный Христос Евангелия настолько по-разному описаны в Библии, что на ум невольно приходит самое простое объяснение: речь идет о двух разных богах. Нужно сказать, что мысль эта далеко не нова, ей уже почти две тысячи лет. Еще во II веке от Р. Х. некий Маркион, богатый судовладелец из города Синопа, создал учение, в котором решительно отрицал какую бы то ни было связь между Ветхим и Новым Заветами. Ветхозаветное откровение он приписал демиургу — карающему и жестокому творцу вселенной, а евангельское — Богу милости и любви. Церковь еще при жизни Маркиона осудила такую интерпретацию Библии как — ересь, а сам Маркион, упорно распространявший свое учение, был в конце концов отлучен от Церкви. Но его мысль о двух разных Богах Библии, так легко «объясняющая» все противоречия в образе Бога, данном двумя Заветами, до сих пор может показаться соблазнительной для людей, незнакомых со святоотеческой трактовкой этих противоречий. Поэтому наступить на все те же «маркионовы грабли» с соответствующими для себя последствиями вполне возможно и сегодня. Но ведь описания Бога в Ветхом и Новом Заветах и, в самом деле, очень различны и не похожи друг на друга. Почему же Церковь так упорно настаивает на том, что речь в них идет об одном и том же Боге-Любви?

Часы, которые дерутся

Даже хорошо знакомые слова могут быть восприняты нами превратно, если употреблены они были для описания реальности, с которой мы плохо знакомы или же незнакомы вообще. Так, в мультфильме «Бобик в гостях у Барбоса» две симпатичные собаки безуспешно пытаются выяснить смысл и назначение настенных часов, исходя из слов, которыми люди определяют их функцию.

— А что это у вас за штука на стенке висит? Все тик-так да тик-так, а внизу болтается.

— Это часы, — ответил Барбос. — Разве ты часов никогда не видел?

— Нет. А для чего они?

Барбос и сам не знал толком, для чего часы, но все-таки принялся объяснять:

— Ну, это, брат, такая штука, понимаешь... Часы! Они ходят.

— Как — ходят? — удивился Бобик. — У них ведь лап нету!

— Ну, понимаешь, это только так говорится, что ходят, а на самом деле они просто стучат, а потом начинают бить.

— Ого! Так они еще и дерутся?

Этот забавный собачий диалог, несмотря на внешнюю легкомысленность, указывает на серьезный культурологический феномен: единство текста определяется исключительно единством традиции его толкования. Иначе говоря, смысл любого текста не существует автономно, вне всякой связи с восприятием читающего или слушающего, но — всякий раз вновь и вновь возникает на стыке авторского посыла и того, как этот посыл был воспринят. Каждый читатель будет понимать одни и те же слова по-своему, неизбежно налагая на них отпечаток своего жизненного, культурного и духовного опыта. Поэтому еще в древности св. Иларий Пиктавийский говорил в послании к императору Константину: **Писание не в словах, а в их понимании.**

Рассуждая из собственного опыта о ветхозаветных «гневе» и «ярости» Бога, мы рискуем уклониться от смысла, вложенного в эти слова теми, кто их написал. Ведь писали их пророки, то есть люди, с которыми Бог общался непосредственно и у которых было не просто теоретическое знание о Боге, но — знание Самого Бога, основанное на их личной встрече с Ним. А у большинства современных читателей Библии реальный опыт богопознания, к сожалению, очень сходен с представлениями Бобика и Барбоса о настенных часах в дедушкиной квартире.

«Часы бьют, значит — дерутся». «Бог ненавидит грешников и мстит им, значит — Он жесток и мстителен». Логика в обоих случаях одна и та же, поскольку и тут и там в основе рассуждения лежит общая ошибка — нельзя судить по словесным характеристикам о том, чего не знаешь опытно. Поэтому объективно ценными можно считать лишь те толкования Библии, которые были сделаны людьми с духовным опытом, аналогичным опыту пророков. То есть — святыми.

Опыт святых

Но если обратиться к той трактовке, которую ветхозаветным словам о «гневе» и «ярости» Божиих давали Святые Отцы христианской Церкви, то сразу же обнаруживается ее разительное отличие от вульгарных представлений Маркиона о «злом боге Ветхого Завета». Оказывается, Отцы были убеждены, что все слова о «гневе», «ярости», «ненависти» и прочих антропоморфных* свойствах Бога имеют в Библии исключительно педагогическое значение и носят лишь назидательно-пастырский характер, поскольку христианское учение о Боге-Любви очень тяжело воспринимается «ветхим» человеческим сознанием. Но когда речь заходит о самом существе понимания Бога в христианстве, мы находим в творениях Отцов совсем иную картину. Утверждается с полной определенностью: Бог есть Любовь и только Любовь, Он абсолютно бесстрастен и не подвержен никаким чувствам: гневу, страданию, наказанию, мести и т. д. Эта мысль проходит через все Предание нашей Церкви. Вот лишь несколько авторитетных святоотеческих высказываний.

Святитель Иоанн Златоуст: «Когда ты слышишь слова «ярость» и «гнев» в отношении к Богу, то не разумей под ними ничего человеческого: это слова снисхождения. Божество чуждо всего подобного, говорится же так для того, чтобы приблизить предмет к разумению людей более грубых».

Святитель Григорий Нисский: «Ибо что неблагочестиво почитать естество Божие подверженным какой-либо страсти удовольствия, или милости, или гнева, этого никто не будет отрицать, даже из мало внимательных в познании истины Сущего. Но хотя и говорится, что Бог весе- ➥

*Антропоморфизм (греч. от anthropos — человек и morphe — вид) — наделение божества человеческими свойствами или представление его в образе человека. — *Ред.*

лится о рабах Своих и гневается яростью на падший народ… но в каждом, думаю, из таковых изречений общепризнанное слово громогласно учит нас, что посредством наших свойств провидение Божие приспособляется к нашей немощи, чтобы наклонные ко греху по страху наказания удерживали себя от зла, увлеченные прежде грехом не отчаивались в возвращении через покаяние, взирая на Его милость».

Преподобный Антоний Великий: «Бог благ и бесстрастен и неизменен. Если кто, признавая благосклонным и истинным то, что Бог не изменяется, недоумевает, однако, как Он, будучи таков, о добрых радуется, злых отвращается, на грешников гневается, а когда они каются, является милостив к ним, то на сие надо сказать, что Бог не радуется и не гневается, ибо радость и гнев суть страсти. Нелепо думать, чтобы Божеству было хорошо или худо из-за дел человеческих. Бог благ и только благое творит. Вредить же никому не вредит, пребывая всегда одинаковым.

А мы, когда бываем добры, то вступаем в общение с Богом по сходству с Ним, а когда становимся злыми, то отделяемся от Бога по несходству с Ним. Живя добродетельно, мы бываем Божиими, а делаясь злыми, становимся отверженными от Него. А сие значит не то, что Он гнев имел на нас, но то, что грехи наши не попускают Богу воссиять в нас, с демонами же мучителями соединяют. Если потом молитвами и благотворениями снискиваем мы разрешение во грехах, то это не то значит, что Бога мы ублажили или переменили, но что посредством таких действий и обращения нашего к Богу уврачевав сущее в нас зло, опять соделываемся мы способными вкушать Божию благость. Так что сказать: „Бог отвращается от злых“ есть то же, что сказать: „Солнце скрывается от лишенных зрения“».

Оказывается, Бог не мстит человеку за его беззакония и не награждает за добродетели. Как благоденствие, так и скорби являются лишь естественными следствиями законной или беззаконной жизни не только отдельного человека, но и — целых народов. Под законом здесь, конечно, подразумеваются не какие-то внешние предписания Бога по отношению к человеку, но — сама наша богоподобная природа. Так, поступая вопреки замыслу Божию о нас, мы пожинаем горькие плоды этого насилия над собственным естеством. Стремление же соответствовать Божьей воле, данной всем нам в заповедях Христовых, как раз и открывает перед человеком эту удивительную истину христианства: *Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем*. (1 Ин **4**:16), но открывает ее только в той мере, какую каждый человек стяжал своей жизнью по Евангелию.

И если взглянуть на библейские упоминания о «гневе» и «ярости» Бога с этой точки зрения, то даже за такими грозными образами можно увидеть проявления всеобъемлющей любви Бога к Своему творению.

А поскольку именно изгнание из Рая и всемирный потоп нередко вызывают особое недоумение при прочтении Библии, попробуем на примере этих событий Священной истории убедиться, что вовсе не жестокость Бога была причиной упомянутых трагедий, а — устремленность человека к греху и беззаконию.

Сломанная ветка

За то, что Адам и его жена попробовали плоды с древа познания добра и зла, они были изгнаны из Рая, а на входе в Райский сад встал херувим с огненным мечом, не позволяющий падшим людям вернуться назад. Но что послужило причиной изгнания? Ведь наивно было бы предполагать, будто Бог оскорбился проступком первых людей и таким образом излил на них Свое негодование. Можно, конечно, усмотреть в этом жестком решении педагогический смысл, но тогда становится непонятно — а зачем вообще Господь насадил в Райском саду это самое дерево, плоды которого запрещены к употреблению? Ведь если бы не было запретного древа — не было бы и грехопадения со всеми его трагическими последствиями для человека и всего сотворенного мира. Бог любил бы человека, а человек любил Бога, не имея даже потенциальной возможности отпасть от Него, и всем было бы очень хорошо.

Но в том и проблема, что любовь возможна лишь как результат свободного волеизъявления, когда есть возможность выбора: любить или не любить. Звучит парадоксально, но если вдуматься, то любовь существует только там, где есть свобода, а следовательно, возможна и нелюбовь как вариант, как выбор. Если лишить человека такой потенциальной возможности, то место любви тут же займет голая необходимость, а человек из образа Божия превращается в некий автомат, жестко запрограммированный на добро и рабское подчинение Подателю всех предоставляемых ему благ.

Заповедь о невкушении плодов с древа познания добра и зла была установлена Богом, чтобы человек мог либо свободно реализовать свою любовь к Нему, либо — так же свободно отказаться от этой любви. И не так уж важно — что это было за дерево, какой оно породы и что за плоды на нем росли. С уверенностью можно предположить, что сами по себе эти плоды не были вредными и смертоносными, ведь оно росло в Райском саду. Опасность для человека заключалась вовсе не в древе и не в его плодах, а в неверии Богу, в самой возможности принятия людьми мысли о том, что Бог может их обманывать. Вера в истину слов Господа была для первых людей единственным способом ответить любовью на Его любовь. Человек мог поверить Богу и не трогать эти плоды. Но мог не поверить и ослушаться. Что, к сожалению, и сделал…

> Бог не мстит человеку за его беззакония и не награждает за добродетели. Как благоденствие, так и скорби являются лишь естественными следствиями законной или беззаконной жизни не только отдельного человека, но и — целых народов.

Нарушив по подсказке сатаны заповедь о невкушении плодов с древа познания добра и зла, человек, по сути, совершил предательство по отношению к Богу, переступил некую грань в отношении к своему Создателю, и для любви за этой гранью места уже не оставалось. Человек как бы сказал Богу: «Ты говоришь, „не вкушай этих плодов, потому что умрешь“? Я Тебе не верю. Сатана говорит, что, вкусив их, я стану во всем равен Тебе. А значит, смогу жить без Тебя».

Это душевное устроение и оказалось смертоносным результатом нарушения заповеди. Стремление к бытию без Бога глубоко вошло в человеческую природу и жесточайшим образом изуродовало ее. Смерть, о которой предупреждал людей Бог, стала не наказанием, а естественным следствием отпадения человека от Источника его бытия. Так, отломанная от дерева ветка, хотя и зеленеет еще некоторое время, но неизбежно обречена засохнуть, потеряв связь с корнями, дававшими ей жизненную силу.

Изгонять из Рая такого несчастного, умирающего, отвергшего любовь Божию человека не было особой нужды — ему и самому стало там неуютно. Ведь, в сущности, Рай — это место особого, максимального присутствия Бога в сотворенном мире.

Но что же было делать в таком благодатном месте тому, кто стал тяготиться общением с Богом и пытался спрятаться от Него между райскими деревьями? Бог выслал первых людей из Едемского сада, потому что оставаться там далее стало мучительно для них самих. Эта тягота присутствием Божиим, желание укрыться от Него, будет преследовать падшего человека до самого окончания земной истории: *…цари земные, и вельможи, и богатые, и тысяченачальники, и сильные, и всякий раб, и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелья гор, и говорят горам и камням: падите на нас и сокройте нас от лица Сидящего на престоле…* (Откр **6**:15-16) Но не гнев и не месть Бога являются причиной этого бегства падших людей от своего Создателя, а чувство собственной нераскаянной вины перед Любовью Божией, всегда готовой простить того, кто нуждается в этом прощении.

И слова Библии о «вооруженной охране» у входа в Рай тоже можно понимать по-разному. Вот очень интересное и неожиданное толкование святителя Игнатия (Брянчанинова), в котором он объясняет — кто преградил падшему человеку путь в Рай и каким оружием этот страшный страж отсекает людей от возвращения к Богу:

«Как стоял в раю, так и ныне стоит против человека убийца его, падший херувим со своим вращающимся пламенным оружием, непримиримо борется с человеком, старается вовлечь его в нарушение заповеди Божией и в более тяжкую погибель, нежели какою погибли наши прародители. К несчастью, успех более и более ободряет врага. Вращающееся оружие в руках воздушного князя, по объяснению величайших Святых Отцов, есть власть демонов вращать умом и сердцем человека, колебля и разжигая их различными страстями».

Сто лет ожидания

И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время; и раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своем. И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю, ибо Я раскаялся, что создал их (Быт **6**:5-7).

Этот библейский текст, в самом деле, звучит очень страшно и вызывает множество нареканий, как у самых разнообразных критиков христианства, так и у некоторых верующих. Но, помня мысль Антония Великого о том, что **…нелепо думать, чтобы Божеству было хорошо или худо из-за дел человеческих**, было бы столь же нелепо считать, будто Господь и в самом деле может «восскорбеть» или «раскаяться». Все это, безусловно, лишь образы, призванные показать всю глубину нравственного развращения допотопного человечества, по словам прп. Ефрема Сирина **…дошедшего до такой степени невоздержания, что ни в чем не раскаивающегося Бога как бы доводит до раскаяния.**

Бог ни в чем не раскаялся и не перестал любить людей даже после того, как вся жизнь их стала сплошным злом. И, конечно же, Бог участвовал в судьбе погрязшего в грехах человечества, вот только характер этого участия был совсем иным, нежели может показаться на первый взгляд.

В Библии сказано, что Господь повелел единственному праведнику допотопного мира строить огромный корабль. Это была очень тяжелая, трудоемкая работа, на которую у Ноя ушло сто лет. Но посмотрите, какими удивительными словами комментирует это строительство прп. Ефрем Сирин: **Такой тяжкий труд возложил Бог на праведника, не желая навести потопа на грешников.** По мнению авторитетнейшего толкователя Библии, Бог не желал потопа! Так почему же потоп все-таки обрушился на землю?

Для того чтобы понять это, необходимо еще раз вспомнить, что, творя зло, человек нарушает вовсе не какие-то формальные и внешние по отношению к нему повеления Бога, а идет наперекор собственной богоданной природе, мучает и разрушает ее своими грехами. Но ведь природа человека не является чем-то изолированным от остального творения, а напротив — теснейшим образом связана с ним. Более того, Церковное Предание прямо называет человека — венцом творения, неким средоточием всего сотворенного бытия. Поэтому все, что происходит в духовной жизни человека, неизбежно оказывает сильнейшее влияние на окружающий его мир. Так, Писание прямо свидетельствует, что грехом Адама была проклята земля, потерявшая после грехопадения способность обильно плодоносить, и что именно из-за людских грехов *вся тварь совокупно стенает и мучится доныне.*

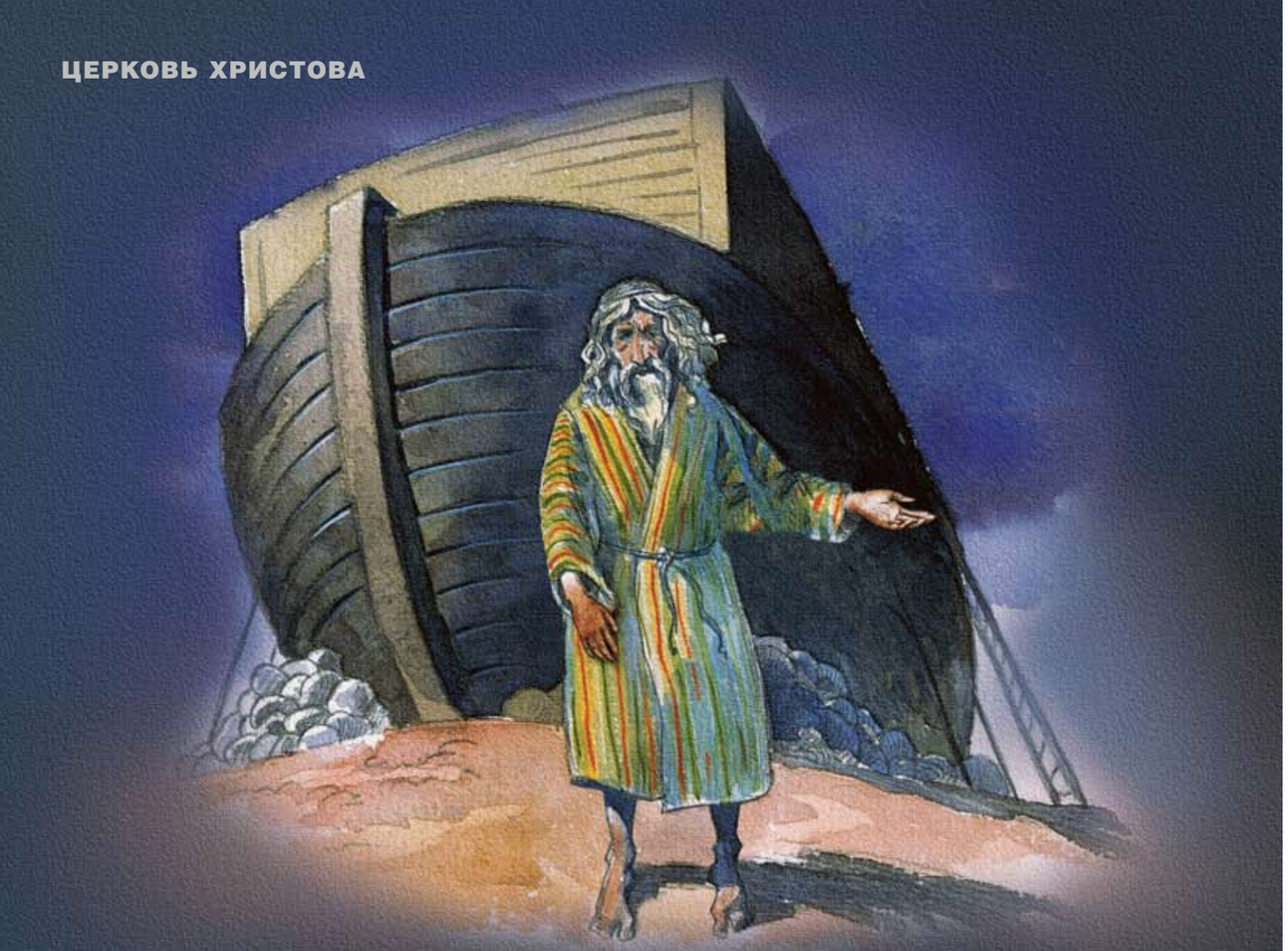
Наглядный пример этой связи духовного состояния человечества со всей природой — экологический кризис, в который люди ввергли свою планету всего за одно только столетие научно-технического прогресса. Марина Цветаева еще в первой половине прошлого века писала:

> Рассуждая из собственного опыта о ветхозаветных «гневе» и «ярости» Бога, мы рискуем уклониться от смысла, вложенного в эти слова теми, кто их написал. Ведь писали их пророки, то есть — люди, с которыми Бог общался непосредственно и у которых было не просто теоретическое знание о Боге, но — знание Самого Бога, основанное на их личной встрече с Ним.

Мы с ремеслами, мы с заводами…
Что мы сделали с раем, отданным
Нам? Планету, где все о Нем —
На предметов бездарный лом?
Слава разносилась реками,
Славу возвещал утес…
В мир, одушевленней некуда! —
Что же человек принес?

В ответ на горький вопрос Цветаевой сегодня можно с еще большей горечью констатировать: ничего хорошего. Уничтожение лесов, истребление целых видов животных, загрязнение рек, атмосферы, ближнего космоса… Нравственное состояние человечества эпохи НТР оказалось вопиюще несоответствующим тому уровню власти над миром, который люди получили с помощью науки и техники. Конечно, и озоновые дыры, и дефицит пресной воды, и глобальное потепление, с религиозной точки зрения, можно считать наказанием Божиим за людское сребролюбие, сластолюбие и славолюбие (которые, собственно, и являются причиной сегодняшнего безудержного развития материального производства и потребления). Но вот вопрос: если алкоголик сгорел заживо на собственном матрасе, который он спьяну поджег непотушенной сигаретой, то можно ли считать такую смерть — наказанием от Бога? Наверное, все же разумнее предположить, что Бог просто предоставил ему возможность следовать собственной греховной воле, в которой он так упорствовал всю жизнь и которая его, в конце концов, убила.

Очевидно, нечто подобное происходило и с допотопным человечеством, мысли которого были — *зло во всякое время*. Библия не говорит — в чем конкретно выражалось это зло, но понятно, что столь беспрецедентное стремление людей к греху неминуемо должно было вызвать такой же беспрецедентный катаклизм в природе. Всеведущий Бог знал о надвигающейся катастрофе и еще за сто лет до ее начала повелел Ною строить ковчег спасения, тем самым — предупреждая о грядущей беде все человечество. Ведь Ной строил свой ковчег не таясь, на виду у всех, и само это строительство, по сути, уже было — проповедью покаяния. Любой человек мог бы при желании построить себе такой же корабль, и спасся бы так же, как и Ной. А если бы все люди осознали серьезность грозящей им опасности и начали строить себе ковчеги, это уже означало бы, что они поверили Богу и покаялись. И тогда, вполне возможно, что никакого потопа не было бы вообще. Ведь уцелела же Ниневия, жители которой также получили предупреждение от пророка Ионы о том, что мера их грехов превысила критический порог и через сорок дней Ниневия погибнет. Жители обреченного города перестали грешить, и город уцелел. Но не Бога они ублажили, не «гнев» Его отвели от себя, а — покаявшись, устранили саму причину надвигавшейся катастрофы.



К сожалению, допотопное человечество оказалось менее разумным и не вняло Божиему предостережению, хотя им было отпущено для этого гораздо больше времени. Ефрем Сирин пишет: **Бог давал людям на покаяние сто лет, пока строился ковчег, но они не покаялись; Он собрал зверей, дотоле ими невиданных, однако же люди не хотели покаяться; водворил мир между животными вредоносными и безвредными, и тогда они не устрашились. Даже после того, как Ной и все животные вошли в ковчег, Бог медлил еще семь дней, дверь ковчега оставляя отверстою. Удивительно… то, что современники Ноевы, видя все, что совершалось вне ковчега и в ковчеге, не убедились оставить нечестивые дела свои.**

Трудно себе представить, что все это Бог совершал для того, чтобы уничтожить грешных людей. Описанные прп. Ефремом Сирином события напоминают, скорее, спасательную операцию, во время которой подавляющее большинство терпящих бедствие почему-то вдруг отказались от спасения.

Опять, как и в Райском саду, человек не захотел поверить Богу. А ведь любой поверивший мог бы спастись, подобно Ною, и именно к этому призывал Бог всех людей древнего мира накануне катастрофы. Но увы, никто, кроме Ноя и его семьи не внял призыву Господа. И то, что произошло с допотопным человечеством, вполне можно определить как — массовое самоубийство посредством неверия Слову Божиему.

Наверное, главный урок этой трагедии в том, что любое стихийное бедствие не случайность и не карательная акция со стороны Бога, а прямое следствие человеческих грехов. И когда нежелание людей следовать добру становится для них основным жизненным принципом, Господь не казнит их, а просто перестает защищать от последствий их же собственной греховной жизни. Не «гнев» Божий был причиной человеческих страданий и гибели во все времена, а злоба и безжалостность людей друг к другу и к самим себе.

Слова снисхождения

Бог есть Любовь. К сожалению, это христианское понимание Бога с трудом находит себе путь к сознанию и сердцу человека в его нынешнем, падшем состоянии. Обыденный житейский опыт склоняет нас, скорее, к тому, чтобы видеть в Боге грозного вершителя судеб, воздающего каждому по делам его. Тем более что образ Бога-судии, гневающегося на грешников и милующего праведников, встречается и в Евангелии, и в посланиях апостольских, и в святоотеческом наследии. И если такие образы удерживают человека от греха и беззакония, этому можно только радоваться. Но, признавая пользу и назидательность таких суровых образов, все же нельзя забывать, что по мысли свт. Григория Нисского **…в каждом из таковых изречений общепризнанное слово громогласно учит нас, что посредством наших свойств провидение Божие приспособляется к нашей немощи, чтобы наклонные ко греху по страху наказания удерживали себя от зла**, что это всего лишь — слова снисхождения Божия к нашей слабости и неспособности прямо и радостно воспринять удивительную истину христианской веры — Бог есть Любовь. ■

Александр ТКАЧЕНКО
Рисунки Артема БЕЗМЕНОВА

Фото Екатерины Степановой

Протоиерей Петр ПЕРЕКРЕСТОВ,
ключарь кафедрального собора
в честь иконы Божией Матери
«Всех скорбящих Радость» в Сан-Франциско (Русская Православная Церковь Заграницей, США).

Каждый сам проходит свой путь

■ Считается, что взрослый христианин должен уметь мыслить самостоятельно (что не отменяет, конечно, послушания духовнику). Но иногда человек отказывается работать над собой, как бы «расслабляется», перекладывая ответственность за свою жизнь на других. Как снова вызвать интерес к жизни, стремление к свободе у того, кому уже нравится зависимость от чужого мнения, подчиненность?

Святой Феофан Затворник сказал однажды, что каждый человек должен сам пройти свой путь. Ни духовник, ни какой-то другой близкий человек не сможет пройти этот путь вместо нас. Конечно, нам всем хотелось бы прийти к старцу, чтобы старец решил все наши проблемы, а мы сами не должны были бы из-за них мучаться, переживать, нести ответственность за наши поступки. Было бы, наверное, очень удобно, если бы Господь на доске мелом написал ответы на все наши вопросы… Но Господь хочет, чтобы мы сами выбрали и прошли свой жизненный путь.

Я слышал историю, как в Сербии один священник служил Литургию. Дело было после Пасхи, царские врата иконостаса были открыты, и певчие легко могли видеть, что происходит в алтаре. В конце Литургии, произнося последние молитвы, священник вдруг молча замер перед престолом. Он увидел, что *антиминс*, специальный плат ткани, на котором служится Литургия и который в конце службы необходимо аккуратно свернуть, сам сворачивается и разворачивается три раза подряд!.. Когда у ныне здравствующего сербского Патриарха Павла спросили, что означало это чудо, какой в нем был смысл, он, недолго подумав, спокойно ответил: **это значит, что Бог *может*, но Он хочет, чтобы мы *сами* это делали**.

В жизни всегда есть моменты, когда нужно делать выбор самостоятельно. Духовник, друг, близкий человек могут нам помочь, предупредить о последствиях, вдохновить на доброе дело — но пройти жизненный путь вместо нас они не смогут. Для этого необходимо напрягать нашу собственную волю, приложить усилия. И надо быть более внимательными к другим, ведь зачастую мы просто ведем себя как эгоисты. Так что если человек попал в зависимость от чужого мнения, боится быть взрослым и самостоятельным — то для него нет лекарства лучше, чем искренне сосредоточиться на помощи другим людям, отвлекаясь тем самым от своих собственных проблем и учась принимать решения.

■ Скажите, пожалуйста, что значит довериться воле Божьей? Как это сделать? Как понять, что я делаю в жизни правильно, а что нет?

Довериться воле Божьей — значит быть готовым отказаться от своей воли в пользу Его воли, поступить так, как Богу угодно, а не так, как нам хочется. Господь Бог знает, что и когда нам нужно для спасения. В области медицины нередко сначала человеку нужно причинить боль, сделать операцию, чтобы его вылечить и спасти. Также и нам иногда необходимо что-то пережить, перенести, даже сильную боль, чтобы в конечном итоге духовно исцелиться. Бог никогда не ошибается. Святитель Иоанн Тобольский в замечательной книге «Илиотропион» о сообразовании нашей воли с Божией пишет: «Все то, что отвлекает нас от Бога, — противно воле Божьей, все же, что приводит нас к Богу, — согласно с волей Божьей».

«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Самый надежный способ знать волю Божью — хранить чистоту сердца. Иногда мы из-за грязи на лобовом стекле автомобиля не видим, куда мы едем, хотя перед нами и дорога, и дорожные знаки, и освещение. То же самое и с душой: когда в сердце злоба, страсть, эгоизм, обида, страх, — практически невозможно знать волю Божью. Когда приходят молодые люди или девушки, позволяющие физическую близость и не могущие принять решение о своем совместном будущем, я всегда им говорю одно: прекратите физическую связь, и ответ на ваш вопрос станет ясным.

Для того, чтобы понять, поступаем ли мы по воле Божьей, можно задать себе два вопроса:

1) Мне не очень радостно, тяжело, временами невыносимо, но мешает ли это моему спасению?

2) Возрадуется ли Христос моему решению, моему поступку?

Часто мы боимся принимать решение и хотим, чтобы кто-то другой, например священник, принял его за нас. Но Господь каждому из нас дал все необходимое для принятия решения: волю, ум, сердце, совесть, возможность поиска совета (а не решения) у духовника, примеры праведников, церковные правила, святые таинства — особенно таинства исповеди и причащения. Священник может нам дать совет, но принять решение, исполнить совет мы должны сами — с последствиями этого решения жить нам. ■

ИЮНЬ

Мы плохо помним свою историю — внуки расстрелянных за веру христиан часто и не знают, что их деды прославлены как святые. Внуки палачей тем более не знают, кого их деды сажали в тюрьмы, кого пытали на допросах. Мы до сих пор живем так, как будто не было ни красного террора, ни сталинских репрессий — и быть не может, чтобы короткая историческая память объяснялась только недоступностью архивных данных.

Русскую Православную Церковь все чаще называют Церковью новомучеников. Никогда еще за всю историю христианства ни в одной Поместной Церкви не погибало за короткий промежуток времени столько священнослужителей и мирян, не появлялось такого количества святых. Их подвиг не должен быть забыт. Мы публикуем рассказы о новомучениках — рассказы о настоящей верности Богу перед лицом смерти.

Это не только попытка трезво взглянуть на наше прошлое. Скорее, это попытка рассказать друг другу о будущем — о том, что никогда не должно повториться, и о том, что мы еще в силах сделать ради Христа здесь и сейчас.

Священномученик Онуфрий (Гагалюк), архиепископ Курский и Обоянский — 1 июня

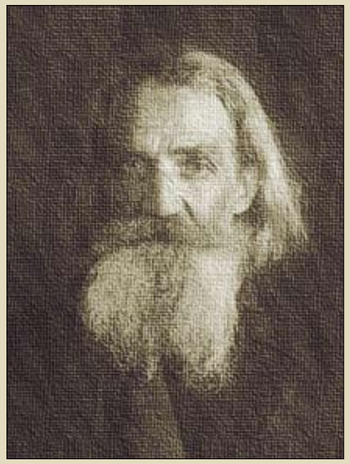
«Что представляет из себя жизнь большинства людей в состоянии покоя? Люди тогда привязываются всем сердцем к земным наслаждениям, стремятся к комфорту, роскоши, мечтают устроить землю — земным раем... В этом ли цель человеческой жизни? Нет, но в жизни богоподобной: в стремлении ко всему прекрасному, чистому, святому, истинному, высшим олицетворением чего является Бог. И внешними страшными потрясениями мы именно освобождаемся от греховной спячки. Во время этих бедствий, например землетрясения, какими жалкими кажутся все речи о комфорте, уюте, земном счастье? Люди видят тогда свое бессилие и начинают сознавать, что единственно сильным, абсолютно устойчивым началом является Господь».

Архиепископ Онуфрий имел право говорить так, ведь ему лично довелось пройти через тяжелые жизненные испытания — причем такие, которые выпадают далеко не каждому человеку. Когда будущему священномученику было всего пять лет, его отец, служивший лесником в Люблинской губернии (территория современной Польши), погиб в результате нападения браконьеров, а дом был сожжен. Осиротевший ребенок утешал плачущую мать: «Мама! Ты не плачь, когда я буду епископом — то возьму тебя к себе!» Она в тот момент испугалась и даже переспросила сына: «Что ты сказал? Кто такой епископ? Где ты слышал такое слово?» Но мальчик только повторил уверенно и серьезно: «Мама, я буду епископом, я сам это знаю».

Из-за нищеты мать была вынуждена отдать сына в сиротский приют. После окончания школы он поступил в семинарию, после — в духовную академию, где принял монашество, и к концу 1913 года был рукоположен в священный сан. А в страшные годы Первой мировой войны им с матерью чудом удалось разыскать друг друга. До самой ее смерти владыка заботился о ней, как и обещал в детстве.

Архиепископ Онуфрий был очень любим народом, и власти постоянно преследовали этого одного из самых деятельных и молодых архиереев Русской Церкви. Чего стоит хотя бы обвинение в том, что он... «слишком часто проповедовал»! Бесконечные аресты, ссылки, поражение в правах... А 1 июня 1938 года, ровно 70 лет назад владыка Онуфрий был расстрелян. Положив основанием своей жизни Бога, он не захотел отречься от Него даже под страхом смерти, и так сам исполнил все то, к чему призывал людей.

Священномученик Александр (Парусников) — 27 июня



— Корову увели у нас со двора.

— Корову увели? Пойдемте быстренько, все детки, вставайте на коленочки. Давайте благодарственный молебен отслужим Николаю чудотворцу.

Жена священника посмотрела на мужа и воскликнула:

— Отец?!

— Сашенька, Бог дал, Бог взял. Благодарственный молебен давайте отслужим.

Так писали в воспоминаниях о своем детстве дочери священника Александра Парусникова, служившего в городе Раменское Московской области. Отец десяти детей, лишенный после революции гражданских прав, он не получал даже продовольственных карточек. Если бы не прихожане, любившие своего настоятеля, то семья священника совсем голодала бы.

И, тем не менее, даже в таких трудных обстоятельствах отец Александр полагался только на Бога. Бывало, что когда он уезжал из города на требы, жена говорила ему:

— Отец, ты уезжаешь в деревню. Если тебе что-нибудь подадут, ты же знаешь, что у нас в доме ничего нет.

— Ладно.

Но возвращался без пожертвований. Супруга спрашивала:

— Ничего нет?

— Как я там возьму, когда там то же, что и у нас, — только и отвечал священник.

В годы сталинских репрессий отца Александра арестовали. Обвинение было обычное, заранее известное всем репрессированным — 58-я статья, контрреволюционная деятельность. Все лжесвидетельства мученик категорически отверг, но доносов и клеветы, с точки зрения чекистов, оказалось достаточно для смертного приговора. 27 июня 1938 года священник Александр Парусников был расстрелян на полигоне Бутово под Москвой и погребен в общей могиле.

Священномученик Гермоген (Долганев), епископ Тобольский и Сибирский — 29 июня

Когда-то, будучи ректором Тифлисской духовной семинарии, именно этот человек исключил из числа студентов юного Иосифа Джугашвили, впоследствии всесильного Сталина. Несговорчивый, твердый в своих убеждениях, священномученик Гермоген не раз совершал поступки, которые приводили к неприятным для него последствиям — потому что главным для него был долг и честность перед людьми и Богом, а не личное благополучие.

Еще до революции за отстаивание церковных интересов и независимые высказывания, шедшие вразрез с мнением некоторых членов Синода и государя, епископ был удален из столицы, уволен от управления епархией и отправлен в монастырь. После февральской революции владыку Гермогена, как «жертву старого режима», назначили епископом Тобольским и Сибирским — но и новое правительство не было довольно не желающим идти на компромиссы священнослужителем. А после издания декрета об отделении Церкви от государства епископ Гермоген одним из первых осмелился во всеуслышание заявить о том, что декрет означает начало гонений, и открыто встал на сторону оппозиции — но не как политик, а как христианский пастырь, протестующий против закрытия храмов и преследования священнослужителей.

Большевики не преминули ответить — владыку начали разыскивать для ареста. Его предупредили, что, если он обнаружит себя добровольно, ему ничего не будет грозить. Но мужественный архиерей ответил: «...в свою неприкосновенность я совершенно не верю. Пусть меня завтра убьют, но я как епископ, как страж святыни церковной не могу и не должен молчать».

Тем же вечером владыка произнес свою последнюю проповедь: «Я и раньше говорил, и в частных беседах, и в проповедях, что я политики не касался, не касаюсь и не буду касаться. Я ее презираю, так как считаю неизмеримо ниже, чем высокое учение Христа. Я только просил и буду просить, чтобы те, кто у власти, не касались Церкви Божией и молитвенных собраний... Еще раз заявляю, что моя святительская деятельность чужда всякой политики. Моя политика — вера в спасение душ верующих. Моя платформа — молитва. С этого пути я не сойду и за это, быть может, я лишен буду возможности в эту ночь спокойно ночевать в своем доме...»

Так и вышло. В два часа ночи 15 апреля 1918 года принесли повестку, а уже через день арестовали, причем пришлось силой разгонять народ, ставший на защиту своего архиерея. Обвинение было смехотворным — православного епископа назвали «черносотенцем и погромщиком». Владыку Гермогена и еще несколько человек, задержанных вместе с ним,

конвоировали в Тюмень. Там арестантов посадили на пароход, чтобы по реке доставить в Тобольск. 13 июня была сделана остановка в пути, во время которой всех, кроме епископа и бывшего с ним **священника Петра Корелина**, высадили на берег и расстреляли. Владыка понимал, что скоро придет и его очередь.

В ночь с 15 на 16 июня, без всякого суда и следствия, большевики утопили отца Петра в реке, привязав к нему два тяжелых камня. А через полчаса, связав епископа Гермогена, сбросили в воду и его — тоже с камнем на шее. Тело было найдено лишь спустя полмесяца.

В этом году исполняется 90 лет со дня мученической кончины владыки. Его мощи сейчас находятся в Покровском храме Тобольского кремля, и, по свидетельству верующих, от гроба епископа-мученика исходит дивное благоухание. ■

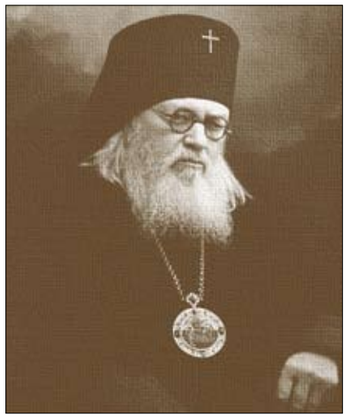
Екатерина ПРОГНИМАК

Игумен ДАМАСКИН (Орловский),
член Синодальной комиссии
по канонизации святых,

Фото из архива автора

Врач и служитель

Памяти священноисповедника ЛУКИ (Войно-Ясенецкого)



11 июня Русская Православная Церковь празднует память **священноисповедника Луки (Войно-Ясенецкого)**, архиепископа Симферопольского и Крымского. Священноисповедник Лука родился в 1877 году в городе Керчи Таврической губернии. Он окончил Киевскую гимназию, Киевскую художественную школу и в 1903 году — медицинский факультет Киевского университета имени святого князя Владимира и долгое время работал земским врачом.

В 1921 году в разгар гонений на Русскую Православную Церковь, когда будущее церковнослужителя сулило только тяжелый крест исповедничества и мученичества, он выбрал путь служения Церкви и был рукоположен во священника, а в 1923 году пострижен в монашество и хиротонисан во епископа Ташкентского и Туркестанского. И в том же году он был арестован и отправлен в ссылку в Сибирь.

В 1926 году епископ Лука вернулся в Ташкент, но в 1930 году снова был арестован и приговорен к трем годам ссылки. По освобождении он снова вернулся в Ташкент и занимался врачебной практикой, и в результате появилась книга — «Очерки гнойной хирургии», положившая начало целому направлению в медицине. В 1936 году епископу Луке за эту работу была присуждена степень доктора медицинских наук, причем работа эта используется в медицине до сих пор.

В 1937 году владыка был арестован и более двух лет находился в тюрьме в тяжелых условиях пыточного следствия. Но, надеясь на помощь Господа, он мужественно претерпел эти испытания, не только не соглашаясь с возводимой на него ложью, но и активно протестуя, отказываясь от пищи и направляя жалобы на беззаконные действия следователей в вышестоящие инстанции. «Мне твердят: сними рясу, — я этого никогда не сделаю. Она, ряса, останется со мной до самой смерти... — говорил он в тюрьме соузникам. — Я помогаю людям как врач, помогаю и как служитель Церкви...»

В 1940 году епископ Лука был приговорен к пяти годам ссылки в Красноярский край. С началом Великой Отечественной войны владыка предложил властям свою помощь в качестве врача и в 1941 году был назначен консультантом красноярских госпиталей. В 1942 году окончился срок ссылки, и владыка был возведен в сан архиепископа и назначен на Красноярскую кафедру, не имевшую тогда ни одного храма. Стараниями архиепископа Луки в 1943 году в Красноярской епархии был открыт храм в пригороде Красноярска. «Вся Восточная Сибирь, от Красноярска до Тихого океана, не подавала никаких признаков церковной жизни… — писал он в докладе Патриарху Сергию. — Если не будут открыты в близком будущем храмы в различных местах Красноярского края, то грозит религиозное одичание народа...»

В 1944 году архиепископ был назначен на кафедру в Тамбов. В 1946 году за выдающиеся научные работы в области медицины он был награжден Сталинской премией — и почти все деньги пожертвовал на помощь детям, пострадавшим от последствий войны. В 1946 году владыка был назначен на кафедру в Крым, где сначала совмещал архипастырское служение с врачебной помощью людям, а затем уже только служил, усердно трудясь над возделыванием виноградника Христова, что в условиях коммунистической власти требовало тогда большого мужества и веры. Архиепископ Лука скончался 11 июня 1961 года, в день, когда Русская Православная Церковь праздновала память Всех Святых, в земле Российской просиявших.

Священноисповедник Лука (Войно-Ясенецкий) явился драгоценным сосудом Божественной благодати. Подобно своему небесному покровителю, апостолу Луке, он был врачом и продолжателем апостольского дела; он проповедовал подобно апостолу Павлу спасительное слово Христово не только в храме Господнем, но и в тюремных узах, и в ссылках, и друзьям, и гонителям, и поддерживаемый доброжелателями, и терпя скорби от лжебратии. Он принадлежал к тем исключительно значимым для народа людям, которые не могут делать что-то лишь для себя одних, ограничиться деланием того, что лично им нравится. Для них долг служения ближним — не пустые слова, и потому они в своей деятельности не идут вслед случайному выбору, не строят на чужом фундаменте, но стараются найти то, что необходимо сделать именно здесь и сейчас и что будет полезно для всего общества. Это — строители, делатели, смело выходящие на ниву жизни по призыву Господню. На десять, данных им от Бога талантов они возвращают другие десять. И это — воплощенный евангельский образец для всех нас. ■

Полный текст жития священноисповедника Луки (Войно-Ясенецкого) опубликован в книге «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Май». Тверь, 2007.

Планета людей

Планета людей

Папа, ученый, дьякон

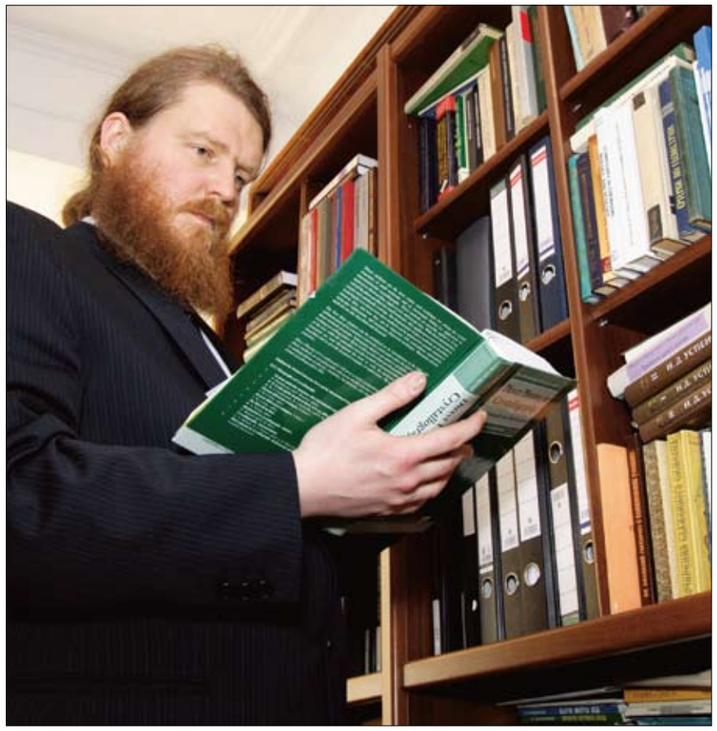
Ученый-кристаллограф с мировым именем, профессор в 35 лет, автор не одного десятка открытий, диакон, отец шестерых детей. Факты биографии Сергея КРИВОВИЧЕВА ввергают в изумление. Мешает ли карьере ученого большая семья? Можно ли быть хорошим отцом, отдавая себя науке? Чем отличается ученый-священнослужитель от своих коллег по университету? Об этом нам рассказал диакон Сергий.

Мы с женой учились вместе в ЛГУ, но долго не замечали друг друга. А познакомились случайно в 1993 году: я был старостой и однажды летом встретился с Ириной, чтобы передать стипендию. Я сразу понял, что мы — единомышленники: она отнеслась с пониманием к моим патриотическим настроениям — а ведь тогда это была редкость. К тому же я сразу понял, что Ирина тоже верующая.

Вырос я в семье ученых: папа — профессор, мама — доцент. И оба — неверующие. Когда в 10 классе я поступил в Академическую гимназию при ЛГУ и обнаружил, что мои сверстники рассуждают о бытии Божием, воспринял это как чистое ретроградство, и внутренне приготовился не поддаваться «мракобесию». Но случилось так, что «обратился» всего лишь за один урок русской литературы! Помню, я даже разволновался, что такой беспринципный. Моей преподавательнице, Ирине Георгиевне Полубояриновой, удалось, благодаря своему христианскому восприятию литературы, показать, как говорил митрополит Антоний Сурожский, «сияние вечной жизни»… До крещения оставалось два года.

Родители восприняли мое воцерковление тяжело. Они переживали, что я пощусь, боялись, что брошу науку… Хотя и нашли в моем новом «увлечении» выгоду. Я тогда курил, и вот отец говорит: «Настоящий христианин не должен курить». Пришлось бросить... Хотя родителям все равно хватало переживаний. Маме, например, не нравилось, что я не гуляю с ребятами, целыми днями сижу дома за книгами. Так что когда я познакомил родителей с Ириной — они сказали: «Наконец-то!»

➥



Сергей Владимирович КРИВОВИЧЕВ родился в 1972 году в Ленинграде. Учился на геологическом факультете СПбГУ (кафедра кристаллографии). В двадцать пять лет защитил кандидатскую диссертацию, в двадцать девять — докторскую. Работал на кафедре кристаллографии СПбГУ в должности доцента, затем — профессора и заведующего. Награжден медалью для молодых ученых Российского минералогического общества, медалью для молодых ученых Российской академии наук, медалью Европейского минералогического союза. Был стипендиатом Национального научного фонда США, стипендиатом фонда им. Александра фон Гумбольдта. Автор более 200 статей в отечественных и международных научных журналах, соавтор открытия 25 новых минеральных видов на месторождениях России (в честь него назван новый минерал кривовичевит). Специалист в области рентгеноструктурного анализа, автор более 400 структурных расшифровок. В 2004 году рукоположен в сан диакона.

Фото «РИА Новости» http://www.rian.ru

На шестилетнего Алёшу маме с папой вечно не хватало времени: сыт, одет, обут, — и ладно. В результате, когда его решили, наконец, обучить буквам, выяснилось, что мальчик каким-то образом уже сам научился читать.

Старшие мальчики живут в одной комнате. Они дружны, но по характеру очень разные. Старший Ваня любит сидеть дома за книжкой. Коля — гулять с приятелями, играть в компьютер и «болеть» за «Зенит». «И оба сейчас, — жалуется мама Ирина, — вошли в трудный возраст, их «успехи» в учебе меня совершенно не устраивают...»

Чисто национальный идеализм

Мы с Ириной и детьми в общей сложности три с половиной года жили на разных зарубежных стажировках: в США, Германии, Австрии. Нам предлагали остаться на постоянную работу. Тогда нас ждала бы обеспеченная жизнь. Вопрос — работать за границей или возвращаться в Россию еще недавно остро стоял перед нами. Но, как ни напыщенно это звучит, мы хотим служить Родине. Поэтому решили вернуться.

Среди ученых патриотизм сейчас не в моде. Потому что жить и работать здесь тяжелее. Какое-то время мне все равно приходилось ездить за рубеж, чтобы заниматься исследованиями на оборудовании, которого здесь просто не было!

Но сейчас случилось то, чего я ждал несколько лет и во что боялся поверить — в рамках национального проекта «Образование» нам выделили деньги, и наша кафедра получила, наконец, хорошую дорогую технику мирового уровня. Появились новые возможности для научного поиска! Уверен, это будет привлекать к нашим разработкам все больше и больше молодых ученых. У нас на кафедре и сейчас на удивление много ребят, которые интересуются чистым знанием, фундаментальными аспектами науки. Ведь наши исследования не имеют прикладного значения, не гарантируют устойчивой зарплаты. Поэтому к нам приходят только по-настоящему увлеченные люди.

Мы расшифровываем кристаллические структуры соединений, внутреннее положение атомов, — по сути, открываем новую реальность. Мы заглядываем туда, куда никто никогда не заглядывал. И когда ты это видишь, ты уже не мыслишь себя без этой спрятанной красоты. И такая работа дает интеллектуальную и духовную радость.

Как говорил академик Н. Н. Боголюбов, не бывает неверующих физиков. Научная работа подразумевает очень тонкую духовную интуицию. Ведь, в итоге, наука построена не на рациональности, а на созерцании.

Служба и служение

Я стал диаконом, потому что мне всегда этого хотелось. И после рукоположения жизнь изменилась — постепенно, незаметно, но очень сильно… Ведь если ты стоишь перед престолом Божиим, то и вне церковных стен должен по-другому, более требовательно, относиться к себе.

По канонам священник «не должен обязаться куплями житейскими», то есть, как правило, не работает. Но с другой стороны, есть прекрасный пример святителя Луки (Войно-Ясенецкого) — священника, монаха и при этом большого научного светила. Его пример показывает, что и в Православной Церкви можно совмещать науку и священнослужение.*

В университете я не афишировал, что был рукоположен во диаконы. Но все и так в курсе, благодаря «сарафанному радио». Бывает, на кафедре заходит разговор о Церкви, и ребята говорят, дескать, церковники такие-сякие, думают только о деньгах, пьянствуют… в общем, обычные штампы. А кто-то ответит: а как же Сергей Владимирович? «Ну… — говорят, — это не считается, он совершенно особенный»... А на самом деле — какой я особенный, я обыкновенный.

Считаю, что не нужно проповедовать не к месту. Но убежден: верующий человек, в силу присущей ему духовной чуткости, гораздо лучше способен передать ощущение мировой гармонии. Верующие преподаватели свою дисциплину подают по-другому, и это чувствуется. Вспомним ту мою учительницу литературы. В моем предмете тоже есть возможность продемонстрировать свое мировоззрение. Возьмем само понятие «научного открытия». Мы «открываем» закон — значит, предполагается, что он уже существует. Значит, есть полнота всех знаний законов природы. То есть должно быть что-то или, вернее сказать, Кто-то, вмещающий всю полноту информации — и то, что выше информации. Мы знаем, что активным, творческим хранителем данных может быть только одухотворенная личность (например, человек). Значит, хранилищем полноты информации, абсолютной премудрости, абсолютного разума — тоже должна быть Личность… И ребята задумываются над этими вопросами.

Папам, которые побаиваются будущего

Наша семья живет, в основном, на университетскую зарплату и исследовательские гранты. Раньше преобладали западные гранты, а сейчас наши, государственные. Один грант истекает, и мы ищем другой. Самое трудное в этом — нестабильность. Гранты сегодня есть — а завтра нет. И запланировать тут ничего нельзя. ➥

Порядком поездив по миру, Кривовичевы довольно прочно осели в Санкт-Петербурге и решили отдать детей в музыкальную школу. Ася занимается флейтой, Алеша играет на блок-флейте, а потом перейдет на кларнет, Василиса играет на гобое.

«Я с самого начала считала, что научная деятельность Сергея очень важна, — говорит Ирина Кривовичева. — И до сих пор считаю, что мой долг — как можно меньше ему мешать. Дом, семья — моя работа. И эта работа очень разнообразна: от мытья посуды до занятия музыкой. Чувствую, что это мое, мне это нравится! Я ничем не жертвую и несчастной себя не чувствую».

* Читайте о Луке (Войно-Ясенецком) в рубрике «Числа» этого номера. — *Ред.*

Маленький Василий появился в семье Кривовичевых совсем недавно.

Иногда бывают частные заказы, некоторые наши сотрудники подрабатывают на западные корпорации. В отличие от России западные компании много вкладывают в научно-исследовательский сектор. Там существуют специальные лаборатории, где создается интеллектуальный продукт, который внедряется потом в производство. У нас с внедрением — а значит, и с заказами каких-то компаний — пока тяжело. Предпочитают нефть, газ, строительство. Ничего плохого, но на перспективу ничего нет!

Конечно, я постоянно должен заботиться о том, чтобы обеспечить семью всем необходимым. При этом мы все равно не можем дать детям все, что нужно им для нормальной здоровой жизни. Например, нам нужна дача, чтобы выезжать на природу. А если есть дача — то нужна машина. Нужна большая квартира. Мы раньше теснились в «двушке», а совсем недавно въехали в четырехкомнатную, и очень рады! Сейчас дети были по двое в комнате, но вот только что появился еще ребеночек, и стало тесновато… Утешаюсь тем, что если Бог дает детей, значит, место для них тоже найдется. Например, об этой квартире два года назад я даже мечтать не мог — а ведь все устроилось!

Я прекрасно представляю, что мужчине нелегко решиться на рождение второго, третьего ребенка. Встает множество вопросов: как прокормить, где жить. Но ведь мы живем не в «случайном» мире, где действуют стихийные силы природы и где мы болтаемся, как мячики, носимые волнами. Мы же знаем, что миром управляет Промысел… Поэтому ничего не надо бояться. Все сложится, и мы даже не поймем, какими путями. Это неподвластно нашему рассудку. Господь ставит нас в определенные условия — это и есть Его замысел, который мы должны оправдать. И все, что мы выполняем в этом мире, — это лишь средство…

Я неоднократно видел людей, которые живут работой. Когда мне предлагали остаться на Западе, то основной аргумент был, что это нужно ради работы, ради семьи. Но я все-таки не считаю, что работа и даже Родина — выше главного предназначения человека. И семья не должна быть ради семьи. И многодетность — ради многодетности. Должно быть что-то большее, иначе все теряет смысл. Ведь все в жизни — сквозь работу, родину и семью — делается ради Истины. Которая есть Христос. ■

Анна ЕРШОВА
Фото Мадины АСТАХОВОЙ

На вопросы читателей отвечают протоиерей Лев БОЛЬШАКОВ, настоятель Успенского храма г. Кондопога (Карелия) и Мария РУДНЕВА, декан факультета психологии и философии человека Русской христианской гуманитарной академии, кандидат психологических наук, доцент (Санкт-Петербург).

Как научить дружить

■ *Сын (9 лет) не хочет знакомиться ни с кем. Я его вытаскиваю на улицу (не сидеть же дома летом), гуляем с ним и младшей сестрой в парке. Одному ему скучно, а как только видит детей, надувается, отворачивается, делает независимый вид, а если уговариваю подойти к ним, вообще психует — «пойдем домой». Примерно так же себя ведет и в других ситуациях с малознакомыми людьми. Веселеет только тогда, когда к нему первыми подойдут и позовут играть. Понимаю, что это какие-то его комплексы, но, в общем, что делать — не знаю.*

Светлана Сыропятова

СВЯЩЕННИК: Не насилуйте сына искусственными знакомствами, ему и так нелегко! Почему бы и одному не побыть, если так его душе спокойнее? Не все люди одинаковы. Он умеет ценить доброе к себе отношение, это уже хорошо. Можно отнестись в Вашей ситуации так: «мой сын бережется от общения, в котором может оказаться и агрессия, и вред. Пусть уж он сам выбирает, что ему мило, а для меня главное — не принести ему вреда». Если воспитание такого человека требует большего внимания, так постарайтесь проявить его.

ПСИХОЛОГ: Нужно разобраться, почему мальчик так застенчив? Возможно, не умеет общаться, боится вступать в контакт и ждет, что инициативу возьмет на себя другой. Может быть, у него был негативный опыт общения в детском саду, школе, он закрепился у него в сознании, и теперь мальчик опасается его повторения. Причиной также могут быть страхи, которые мешают ему чувствовать себя уверенным. Возможно также, что он копирует такую модель поведения с кого-то важного для него в семье, думая, что так лучше. Рекомендации тут могут быть такими — хорошо было бы сходить на консультацию с психологом. Попробовать найти специальные группы, где с помощью коммуникативных игр ребят учат строить отношения друг с другом. Постараться организовать безопасную среду из детей знакомых или, если семья ходит в церковь, приходских детей, и понаблюдать, как мальчик ведет себя там. Вообще, на мой взгляд, формирование среды своему ребенку является задачей родителя, и в этом случае не нужно надеяться на школу или садик. В любом случае, поддержите сына, не ругайте его за то, что у него не получается, но обязательно похвалите за то, что получится. ■

Пример старшей сестры

■ *Дочь (16 лет) все время грубит, огрызается. Не знаю уже, как реагировать. Одергивать, кричать — не хочется устраивать каждый раз скандал. Просто говорить «не груби» спокойным голосом — толку ноль. Не обращать внимания — получается как бы попускать все это. Тем более, что рядом младший брат, который все впитывает, как губка…*

Степанов Сергей

СВЯЩЕННИК: К сожалению, внешние влияния, популярные «образцы поведения», например, телевизионные, постоянно провоцируют агрессивное поведение как норму. Поэтому, если Вы попустите себе «естественную» реакцию на дочкино хамство, т. е. сами будете возбуждены и грубы, то этим только утвердите ее в таком стиле общения. Не обращать внимания нельзя, это будет неправдой с Вашей стороны, но можно, не повышая голоса, дать ей понять, как обидны для Вас ее слова. Если же это для нее мало значит, то можно и прервать общение, но в любом случае не унижаться до крика. И еще: всегда ли Вы пользуетесь случаем для хорошего, спокойного общения? У девочки младший брат, ему, наверное, достается больше внимания, а разве она меньше нуждается в нем? Когда возникают серьезные проблемы с теми, кого мы любим, есть повод глубже поразмыслить о том, как в ежедневной своей практике осуществляем мы этот главный труд — любовь.

ПСИХОЛОГ: В 16 лет у взрослеющих детей происходит кризис идентичности. Симптомы этого кризиса — подросток часто бывает негативно настроен, своеволен, он проявляет протест, использует вызывающие способы поведения, тем самым пытаясь осознать свое пространство, свои границы. И жесткие «техники», которые он применяет во взаимодействии — следствие его внутренней задачи. И хотя, с одной стороны, все это понятно и переживаемо, с другой, — возникает проблема младшего брата, который может решить, что такое отношение к взрослым правомочно. Эту проблему надо попытаться решить с помощью диалога с дочерью, бесед за чаем, вновь и вновь пытаясь ей объяснить, что у взрослого человека, каким она стала, есть свои преимущества, но и своя ответственность. И она, борясь за самостоятельность, может разрушить отношения между родителями и младшим ребенком. Можно поразмышлять о том, какие вообще бывают сложности у взрослых, и это поможет ей разобраться в себе. Повышение ее авторитета у младшего брата снизит долю ее сарказма. Кроме того, родителям нужно спросить себя, а действительно ли это хамство или, может быть, они просто не привыкли пока к «взрослому» голосу своей дочери? ■

Владимир ЯКУНИН:

Наше общество постепенно взрослеет

Фото Сергея Гусева

Владимир Иванович ЯКУНИН родился 30 июня 1948 года в городе Меленки Владимирской области. Окончил Ленинградский механический институт. Трудовую деятельность начал младшим научным сотрудником Государственного института прикладной химии. После окончания службы в армии работал инженером, старшим инженером Управления Государственного комитета Совета Министров СССР по внешнеэкономическим связям, начальником отдела Физико-технического института им. А. Ф. Иоффе АН СССР. С 1985 по 1991 год — второй, затем первый секретарь Постоянного представительства СССР при ООН. Далее — председатель совета директоров АОЗТ «Международный центр делового сотрудничества», начальник Северо-Западной окружной инспекции Главного контрольного управления Президента РФ. С 2000 года — заместитель министра транспорта. С 2002 года — первый заместитель министра путей сообщения. В 2003 году — первый вице-президент ОАО «Российские железные дороги».
В 2005 году назначен президентом ОАО «РЖД».
Председатель Попечительского совета Центра национальной славы и Фонда Андрея Первозванного.

Помочь тем, кто хочет помогать другим

— Владимир Иванович, Вы много лет занимаетесь общественной деятельностью. Как бы Вы оценили состояние современного российского общества?

— Я бы сказал, что наше общество постепенно взрослеет…

— Что Вы имеете в виду?

— Приведу в пример историю, которую поведал мне друг. У его знакомой тяжело болел ребенок. Об этом рассказали по телевидению, дали контактный телефон семьи. В итоге, ей даже пришлось найти человека, который отвечал на телефонные звонки и организовывал получение помощи. Собранного хватило не только для этого ребенка, но и еще для троих. О чем это говорит? О том, что в нашем обществе восстанавливаются принципы милосердия и сострадания. Причем в обществе в целом, так как помощь стремятся оказать как состоятельные, так и не очень состоятельные люди. А значит, милосердие и сострадание вновь нас объединяют. Поэтому я и говорю, что наше общество взрослеет: мы становимся более ответственными, более внимательными друг к другу, преодолеваем нравственный кризис недавнего времени. И это не пустые слова, если за ними стоят такие поступки.

— Изменились ли за годы существования цели фонда Андрея Первозванного?

— Если взять уставные цели, то их содержание не меняется. Как могут измениться позиции фонда, который декларировал в качестве основных принципов своей работы служение Отечеству, воспитание молодого поколения в духе уважения к себе, к своей стране, сохранение единства народов, которые исторически населяли Россию? Другое дело, что вот это взросление общества — готовность людей откликнуться — открывает перед нами такие возможности, о которых еще три-четыре года назад нельзя было и мечтать. Поэтому сегодня очень важно эти возможности не упустить.

Готовность людей откликнуться открывает перед нами такие возможности, о которых еще три-четыре года назад нельзя было и мечтать.

— А много ли сегодня общественных организаций, готовых всерьез помогать людям и стране?

— Много. Чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть, сколько интернет-сайтов связано с разного рода благотворительностью. Недавно мы создавали фонд помощи детям-сиротам, живущим в интернатах и детских домах. Так у нас возникла проблема… с названием: оказалось, что то, которое всем нам очень нравилось, уже принадлежит другой благотворительной организации. Мы, конечно, немного расстроились, что нас кто-то опередил. Но в то же время очень порадовались: значит, сегодня благотворительных организаций существует больше, чем названий для них. Разве это плохо? Дай Бог, чтобы нам и впредь пришлось решать только такие проблемы!

Конечно, всех тех, кто честно стремится помогать другим, необходимо поддерживать — независимо от того, большая это организация или маленькая. И здесь я очень рассчитываю на взросление и возмужание еще одной части нашего общества — законодателей и правительства. Россия, наверное, единственная страна, в которой благотворительность облагается налогом. Понятно, что тому есть историческое объяснение — в девяностые годы с помощью фондов и разного рода «кривых схем» просто отмывались деньги. Но сегодня мы живем уже в другое время — все легко проверяется. У нас очень развитая система налоговых органов, в этой сфере все уже создано и отлажено. Давайте сделаем еще один шажок — поможем тем, кто хочет помогать другим. Общество от этого только выиграет.

Церковь и государство: возможно ли партнерство?

— Владимир Иванович, как Вы считаете: могут ли Церковь и государство взаимодействовать на партнерских основаниях?

— Знаете, мне сам этот термин «партнерство» в таком контексте не очень нравится. Это как появившееся недавно выражение «проект Россия». Как можно назвать *проектом* свою страну? Наверное, лишь в том случае, если ты рассматриваешь страну с точки зрения доходности от тех инвестиций, которые вкладываешь, если она для тебя чужая. Но для людей, которые живут в России, мне кажется, это не очень хороший термин. Хотя, как говорится, на вкус и цвет товарища нет…

А что касается слова «партнерство», то в нем самом, конечно, нет ничего предосудительного. Просто он не отражает сути современных взаимоотношений Церкви и государства. В современном российском обществе, относительно недавно лишившемся всех ценностных ориентиров, как нравственных, так и идеологических, роль Церкви чрезвычайно велика. В чем эта роль заключается прежде всего? Церковь есть тот ориентир, который помогает сформировать ценности и нормы жизни, закладывает основы мировоззрения и мировосприятия. Эта роль чрезвычайно важна для формирующегося современного российского общества. Так что партнерство в данном случае не совсем подходящий термин. Все-таки государство — структура механистическая, а Церковь воспитывает духовность и нравственность. Они действуют в разных сферах. Причем Церковь со своими задачами справляется весьма успешно. Конечно, огромное количество людей, которые сегодня посещают храмы, далеко не всегда являются воцерковленными, но они уже добрее и надеются на лучшее в жизни. И я считаю, что это хорошо.

— А должно ли здесь быть какое-то движение дальше, должны ли люди становиться глубоко церковными или достаточно того, что многие просто пришли в Церковь?

— Думаю, слово «должны» здесь не очень уместно. В духовных и нравственных вопросах каждый лично для себя принимает решение. Люди по-разному приходят к вере — в свое время и своим путем. И долженствование здесь допустимо лишь тогда, когда оно является внутренней потребностью. Иначе оно бессмысленно. Любое давление извне не принесет положительного результата. В сокровенные отношения человека ➥

и Бога бессмысленно вмешиваться. И Богу, и Церкви нужен человек свободный, осознанно делающий свой выбор.

Мне нравится то, что сейчас происходит. Мне кажется, это хорошо, что в Церкви сегодня много людей, даже если они пока не очень воцерковленные.

Русская Православная Церковь сегодня играет важную консолидирующую, воспитательную и собственно духовную роль в нашем обществе.

— Давайте вернемся к отношениям Церкви и государства. Можно предположить, что со временем они еще больше активизируются. Есть ли в этом процессе взаимоотношений церковных и государственных структур какие-то опасности для государства или для Церкви, какие-то сложности или ошибки?

— Вопрос хороший, но весьма непростой. На него очень сложно ответить однозначно, не впадая в системную ошибку. Скажи я, что никаких опасностей нет, понятно будет, что я просто не очень хорошо разбираюсь в ситуации. Если же я скажу, что, конечно, существуют, то меня, при желании, можно будет истолковать не очень корректно.

Поэтому начать придется издалека — с проблемы взаимоотношений государства и общества в целом. Точки напряжения в этих отношениях неизбежно связаны в том числе с тем, что государство присваивает себе право определять, что для людей хорошо, а что плохо. В условиях развитого гражданского общества подобное напряжение снимается общественным консенсусом, являющимся сознательным выражением общественного мнения по той или иной проблеме. В результате формируется определенная этика взаимоотношений: государство чутко реагирует на мнение своих граждан, следя за балансом интересов отдельных людей и общества в целом. При наведении данного баланса очень важно учитывать мнение большинства. Чем менее развито гражданское общество, тем сложнее система взаимоотношений между элитами и обществом, тем больше здесь может быть ошибок, противоречий и сложностей.

В современной России Церковь есть общественная организация, выражающая мнение очень большого числа граждан; без преувеличения можно сказать — большинства граждан нашей страны. В данном контексте государство и Церковь взаимодействуют как два — не буду говорить «равноправных», но — разных субъекта. Мне кажется, что сегодня мы можем говорить о существующем *понимании* между этими субъектами. Понимании, которое достигается без вмешательства во внутренние дела друг друга и служит общественной пользе. Думаю, что такое взаимодействие Церкви и государства никогда не приведет к нарушению баланса между ними.

Кроме того, еще раз повторю: Русская Православная Церковь сегодня играет важную консолидирующую, воспитательную и собственно духовную роль в нашем обществе. Конечно, в Церкви существуют и проблемы, как в любом сообществе людей. Но я не берусь их оценивать или судить людей Церкви. А критикам могу заметить, что иерархи Церкви сами судят себя. Не всегда публично, но всегда очень строго.

— В отношениях Церкви и государства сегодня многое еще пока определяется личными контактами религиозных лидеров и государственных чиновников. И хотя Церковь еще в 2000 году системно определилась по отношению к государству, приняв «Основы социальной концепции», единой государственной политики в области религии пока не видно... Корректно ли будет сказать, что государство пока отстает?

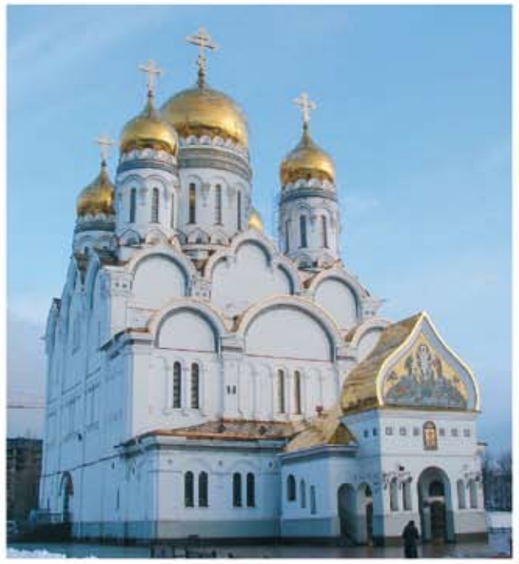
— Согласен с Вами в том, что государство должно выработать внятную политику по отношению к религиям и религиозным институтам. Здесь есть много различных аспектов и нюансов. Приведу лишь один пример, быть может, частный, но очень показательный. Когда я был в Азербайджане и встречался с руководителями республики, разговор коснулся в том числе религиозных вопросов. Оказалось, что в Азербайджане существует четко выстроенная государственная политика в области религиозного образования. Если гражданин хочет получить религиозное образование за рубежом, он должен зарегистрироваться и представить информацию о том, куда собирается поехать. По возвращении государство может контролировать, что он проповедует. Не с точки зрения богословского содержания, конечно, но с точки зрения государственных интересов — на предмет наличия в проповеди экстремистских элементов. И если они обнаружатся, разговор с таким «проповедником» будет короткий. У мусульман России, насколько я знаю, ничего подобного нет: человек может поехать на учебу куда захочет. А потом, когда он возвращается и начинает проповедовать, все хватаются за голову и не знают, что с этим делать.

Я считаю, что подобный элемент государственной политики в отношении религиозного образования должен присутствовать. Речь не идет о нарушении свободы — она ведь должна соотноситься с правом всех граждан на мирную, спокойную и достойную жизнь. А если проповедь содержит призывы к насилию, к ненависти, то это уже не проповедь, а политическая деятельность. Которая и подпадает под контроль государства.

— Мне кажется, что Вы сейчас привели еще один аргумент за преподавание теологии в вузах — по крайней мере, государство будет иметь адекватное представление о том, чему учат богословы разных религий...

— Вы знаете, в вопросе существования признанного государством богословского образования я не вижу какой-то особой сложности. Многие ученые и сегодня являются верующими, что не мешает им познавать окружающую действительность. При этом они прекрасно осознают, что помимо физического мира есть еще и мир духовный, который не поддается естественнонаучному осмыслению. Поэтому в наличии теологических факультетов нет ничего плохого. Не говоря уже о специальных духовных заведениях. Кто-то хочет стать космонавтом, кто-то — инженером,

…критикам могу заметить, что иерархи Церкви сами судят себя. Не всегда публично, но всегда очень строго.



КРЕСТЫ
И КУПОЛА

УРАЛ АСПЕКТ
закрытое акционерное общество

Изготовление и монтаж:

- Крестов различной сложности;
- Куполов с покрытием золотом, нитридом титана под цвет золота, под цвет меди, синего цвета;
- Облицовочного материала из нержавеющей стали с покрытием нитридом титана под цвет золота, цвет меди, синего цвета;
- Внутреннего убранства храмов;
- Гербов, эмблем, логотипов, надписей, мемориальных и других архитектурных сооружений.

Предприятие имеет многолетний богатый опыт изготовления куполов и крестов различной сложности.
На все виды работ имеются государственные лицензии:

Лицензия на строительство Д957764
Лицензия на осуществление деятельности по реставрации объектов культурного наследия №850

Тел.: (35191) 6-84-99, ф.: (35191) 4-02-45
E-mail: uralasp@atlint.ru; http://www. uralaspekt.ru
Рабочая ул., 8, а/я 448, г. Трехгорный,
Челябинская обл., 456080, Россия

кто-то — железнодорожником. А есть те, кто желает посвятить свою жизнь служению у алтаря. Разве это может вносить какой-то диссонанс в развитие общества? Нет, конечно.

Кстати сказать, насколько я знаю, у нас сегодня в отдельных регионах существуют мусульманские учебные заведения, которые поддерживаются государством. Учебные заведения других религий государством не поддерживаются. Мне кажется, что в этом вопросе должно быть равенство: либо государство поддерживает учебные заведения *всех* традиционных религий России (православие, ислам, буддизм, иудаизм), либо вообще никаких. Эта поддержка должна быть пропорциональной количеству верующих, но она не может быть избирательной.

Личное и публичное

— В Вашей жизни был богатый опыт дипломатической работы. Насколько для современного дипломата важно, во-первых, знание религиозных реалий той страны, где он находится, и, во-вторых, личная вера?

— Я полагаю, что для дипломата в первую очередь важно знание того общества и того государства, в котором он работает. Что включает не только историю, не только экономику и политику современного государства, но предполагает и владение религиозной тематикой. Это если говорить о профессиональной стороне вопроса. А с точки зрения духовно-нравственной, поведение дипломата определяется тем, что он служит своему государству и защищает его интересы. И если его нравственная позиция не совпадает с государственными интересами, то, по всей видимости, ему надо менять работу.

— А как Вы относитесь к практике открытия храмов при посольствах?

— Точно так же, как и к открытию часовен на вокзалах РЖД: это не должно быть политикой руководства, не должно спускаться «сверху». Если у людей возникает потребность в том, чтобы был такой храм, то этому процессу надо помогать. Но строительство храмов не является задачей государства, Церковь у нас от государства отделена. В первую очередь это задача того прихода, который организуется. Ему могут помогать и бизнес-структуры, и даже государственные структуры, но в лице конкретных чиновников, которые хотят этому благому делу помочь. Примерно так это происходит у нас в РЖД.

— Вы сталкиваетесь в своей работе с какими-то нравственными сложностями? Бывает ли конфликт между государственным интересом и совестью?

— Вы знаете, с тем парнем, которого я каждое утро вижу в зеркале, когда бреюсь, я живу в мире. У нас с ним хорошие отношения — без внутренних противоречий.

— А с теми, кто обращается к Вам с просьбами, тоже проблем не возникает?

— Проблем нравственного характера, когда понимаешь, что по совести что-то надо сделать, а ситуация или, скажем, закон этого сделать не позволяют, у меня, слава Богу, не было. Другое дело, что иногда ты понимаешь, что можешь помочь далеко не всем, кто обращается с просьбами. Ведь к нам приходит вал обращений: помочь строящимся церквям, уже существующим приходам, конкретным людям… И я прекрасно отдаю себе отчет в том, насколько малы и мои собственные возможности, и возможности крупных организаций, и даже, скажу Вам прямо, возможности нашего современного государства. Такие переживания есть.

Поведение дипломата определяется тем, что он служит своему государству и блюдет его интересы. И если его нравственная позиция не совпадает с государственными интересами, то, по всей видимости, ему надо менять работу.

— Вы всегда на виду, а вера — дело интимное. Каково находиться в храме, чувствуя на себе «прицелы» телекамер и фотоаппаратов?

— Знаете, я такие вещи очень тяжело переживаю, иногда все это просто очень мешает сосредоточиться. Тогда я надеваю защитную маску председателя попечительского совета или президента мирового общественного форума «Диалог цивилизаций»… В общем, становлюсь официальным лицом… Хотя лично мне больше нравится оказаться на Афоне, ночью в храме, когда тебя никто не видит… Но это было всего один раз. ■

Беседовал Владимир ЛЕГОЙДА

FABRIKANT.RU
СДЕЛАНО В РОССИИ
Межотраслевая Торговая Система «Фабрикант»
Новые технологии современной экономики –
открытость торгово-закупочной деятельности,
эффективное использование средств
естественных монополий, холдингов и корпораций
+7 (495) 514-02-04

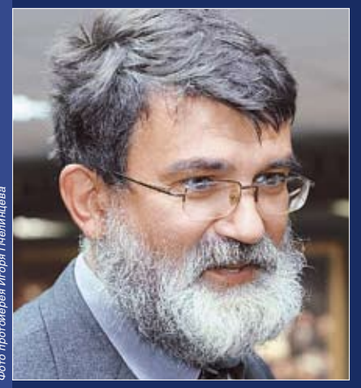


Фото протоиерея Игоря Гнеличева

Дмитрий СЛАДКОВ

Глубже мыслимых глубин

Много-много лет назад мне довелось делать сообщение на научной конференции по радиационной безопасности. Выступали дозиметристы, реакторщики, врачи, говорили об очень практических материях, действительно важных — для жизни. Не будучи профессионалом в этой области, я тогда решился заговорить *о смысле* этой деятельности и неожиданно для себя привлек к своим словам напряженное внимание собравшихся. А говорил я очень простые вещи о полной зависимости всех людей от узкого круга *специалистов*. Нигде эта зависимость не являет себя столь всеобъемлющей, как там, где существует угроза радиации. Она отличается от прочих видов опасности для всего живого. Незрима, неощутима, не имеет ни вкуса, ни цвета, ни запаха. Пять чувств, дарованные Богом человеку, не помогут ему вовремя заметить ее и увернуться. Если запершило в горле, увораживаться, вообще-то, уже поздно. Природные рефлексы и культурные стереотипы здесь бессильны. Здесь помогут только приборы. И люди, которые их придумывают, делают и умеют ими пользоваться. Право же, к этим посвященным, их душевным качествам и духовным ценностям надо присмотреться повнимательнее, уж слишком мы все от них зависим. Признавая уникальность доверенной им миссии, их нельзя оставлять одних — наедине с опасным железом.

Когда я в полной тишине окончил свою речь, председательствующий, опытный испытатель оружия, знаменитый в своей области человек спросил меня: *«Дмитрий, как ты думаешь, а почему все-таки органы чувств человека не воспринимают радиацию?»* Никогда до того об этом не думал, но ответ выскочил сам собой: *«Нас там не ждали...»*

Вспомним, как «ядерное» стало из отвлеченной науки производственной технологией. Финансирование Манхэттенского проекта началось, потому что Рузвельта убедили: бомбу может сделать Гитлер. Позже под угрозой американского ядерного нападения в гонку включилась Россия. Добела накаленные страсти, связанные с этими каждый раз вынужденными и в политической логике неизбежными решениями, разогнали интеллектуальную и промышленную машину до того, что она проникла в какие-то очень глубокие слои мироздания. Много позже было написано русским поэтом совсем по другому поводу, но об этом же горизонте: *«...Нет, глубже мыслимых глубин, / Из пекла, где пекут рубин / И зачинается природа...»*

Быть может, эти энергии использовались Господом при сотворении мира. Не знаю. Во всяком случае, нас там, действительно, не ждали. И, что еще важнее, не приглашали. Отсюда и наше телесное нечувствие по отношению к этим материям, ставшим полезными и даже привычными, но по-прежнему грозным.

Когда знание уже появилось, его нельзя вновь обратить в незнание. У этой машины нет заднего хода. В нашем поврежденном грехом и расколотом мире призывы избавиться от ядерного оружия и ядерных технологий либо некомпетентны, либо, что чаще, недобросовестны. С этим наследием, доставшимся нашему поколению от предков, надо учиться жить. Желательно — хорошо и достойно.

Все ядерное — лишь малая часть того тяжелого, часто вредного, но и ценного груза, который оказался у нас на плечах в результате безудержного развития техники. Уже несколько веков пытливый разум бесстрашно вторгается в сокровенные (быть может, не зря) тайны домостроения Божия, не получая санкции Благодати. Как освоить это наследство? Как сделать его сообразным Божию замыслу о мире и человеке?

Быть может, сейчас самое время над этим задуматься. ■

Саров

В Церковь через интернет

Для многих людей интернет — совсем не то, чему можно доверять. И факты там с ошибками, и «ники» вместо имен, и пустая болтовня вместо полноценного общения. Но жизнь гораздо богаче любых стереотипов.
Кто ищет — тот всегда найдет. Даже во «всемирной паутине».

Меня крестили, когда мне было три года. Это была бабушкина инициатива. Потом мы вместе ходили в церковь, она читала мне Библию и учила молиться. Но когда мне было лет пять, я увидела роспись на стене храма, живописующую адские муки. Помню, ужасно испугалась и решила, что надо всеми способами этого избежать. Бабушка объяснила, что в ад попадают за грехи, а я понимала, что быть всегда хорошей у меня не получится. Поэтому решила в загробную жизнь, на всякий случай, не верить.

Но уже с детства меня не покидало ощущение, что земное, бытовое и каждодневное — это «не по-настоящему». В подростковом возрасте к этому добавились обостренная рефлексия, любознательность и постоянные поиски смысла жизни. Источниками познания становились книги, философские теории, общение с другими людьми, позволяющее понять их опыт. Я увлекалась очередной теорией, осознать: что я за человек на самом деле, что во мне настоящее и что наносное, какой жизненный путь я выбираю? Но это был поиск вне веры: религия казалась мне лишь набором моральных установок, имеющих значение для развития культуры, но не для меня лично.

Однажды я случайно попала в церковь. Мы с приятелем в то время заинтересовались церковным искусством и зашли взглянуть на иконы. Я исподтишка рассматривала людей в храме и пыталась понять: что они делают, во что верят. А спустя какое-то время пришла снова: поставить свечку, подумать о серьезном. И вдруг поняла, что Бог меня примет любой, мне не нужно ничего из себя изображать, доказывать. Я удивилась этой мысли и попыталась разобраться, неужели именно здесь та, всегда мной желанная реальность? А потом осознала: если я так долго, уже на протяжении нескольких месяцев, стараюсь понять, верю в Бога или нет, то, наверное, все-таки — верю...

> Меня захватила навязчивая идея «возвращения к себе». Я пыталась мучительно осознать: что я за человек на самом деле, что во мне настоящее и что наносное, какой жизненный путь я выбираю?

окунаясь в нее с головой, но быстро разочаровывалась: опять не то, не мое. К 18 годам эта внутренняя изменчивость стала для меня настоящей проблемой, я осознавала себя эксцентричным, непрерывно меняющимся существом, при этом не вполне разумным. Меня захватила навязчивая идея «возвращения к себе». Я пыталась мучительно

Теперь логично было бы сделать следующий шаг — подойти к священнику. Православных знакомых у меня не было, разве что кто-то из преподавателей в институте, но мысль о том, чтобы навязываться им со своими вопросами, я отмела практически сразу. Было очень трудно проговорить вслух то, что и внутри себя было сформулировано не до конца. Зато на работе был интернет, и однажды я решила в строку поисковой программы ввести что-то из тех вопросов, которые меня волновали.

Результат превзошел ожидания. Православный интернет оказался не только источником самой разнообразной информации, но и средством общения. Сначала я чувствовала свою полную чуждость этому новому миру, но вместе с тем — растущий интерес. На молодежном православном форуме я вглядывалась в фотографии участников, пытаясь понять, насколько же серьезна их вера. Постепенно включилась в обсуждения, проверяя себя: вдруг и это надоест?

В этом виртуальном общении меня приятно удивило то, что люди здесь называли не «ники», а свои настоящие имена и фамилии. И фотографии были настоящие. Это было непривычно — быть собой, а не набором придуманных характеристик и стилей, чем часто отличаются интернет-персонажи. Меня завораживало разнообразие людей и мнений. Что-то очень важное объединяло участников разговора. Хотелось разобраться, что общего у блестяще образованных молодых людей и у ребят, которые пишут односложными предложениями с грамматическими ошибками? Почему им интересно общаться? И нет в их разговорах напускной елейности, а напротив — современный, простой, иногда острый язык.

Постепенно я начала понимать, что вера оказывает на человека совсем иное влияние, чем любое мировоззрение, философия, идеология. Вера пронизывает каждый день, поступок, слово. Поначалу было странно видеть в каждой строчке какого-нибудь «юзера» цитаты из Священного Писания или святоотеческой литературы. Но все это самым естественным образом, очень искренне присутствовало в жизни вот этих самых девушки или юноши. И не было ничего, что делало бы этот мир очередной субкультурой.

Мой виртуальный круг общения расширялся, и вопросов для обсуждения появлялось все больше. Православный интернет занимал основную часть моего времени и мыслей. Он стал для меня неисчерпаемым источником информации. Я узнала о возможном разочаровании при встрече с «суровыми старушками» (в реальности ни разу их не встретила). Меня предупредили о случающемся невнимании священников (хотя я потратила столько времени на изучение аспектов церковной жизни, что у реального батюшки мне и спросить было поначалу нечего). Что такое «синдром неофита» я знала задолго до его появления в моей жизни. Долгая переписка с внутриправославным сектантом привила навыки ведения дискуссии. Я стала понимать разницу между той свободой, которая всегда чувствуется у православного человека, и узостью «религии», которую кто-то придумал сам для себя.

Полгода я усердно и методично поглощала информацию. Увы, при этом теория на несколько шагов опережала практику, поэтому в церковь я ходила нечасто. А о воцерковленных знакомых могла только мечтать, проводя часы на православных форумах. Но Господь не допустил, чтобы я осталась теоретиком, и однажды я наткнулась на объявление о встречах православного молодежного клуба. Информации на сайте было очень мало. Решила сходить туда сама. Через какое-то время я осознала, что уже не представляю себе жизни без общения с этими людьми, без живого присутствия Бога, неумелой моей молитвы. Наконец-то ощутила, что это именно я сама (а не что-то внешнее, внушенное мне) говорю, думаю и чувствую. Я знала, что мне предстоит и душевный подъем, и уныние, но никакая информация уже не могла заменить мне собственного опыта.

Мне захотелось, чтобы и работа, и учеба — все было связано с тем, что стало центром жизни. Так я начала заниматься православной журналистикой, участвовать в мероприятиях православного клуба, потом и в городских делах. Чтобы систематизировать знания, стала посещать богословские курсы. Мои интересы в православном интернете не уменьшились, и недавно, сортируя статьи, которые я собираю на своем компьютере, я вдруг поняла, как много Бог мне дал через этот, такой привычный для меня и такой необычный, с точки зрения православной традиции, источник. И меня заполнило чувство благодарности…■

Полина КОЛОЗАРИДИ, Томск.

Город при монастыре

Сбудется ли мечта строителей Спасова?

Мы уже не раз писали о поселении православных мирян Спасово, строящемся рядом с Клыковским монастырем в Калужской области. И понимаем, что очередной материал на эту тему кому-то может показаться рекламным, «заказным». Но в данном случае заказ редакция делает… сама себе. Нам действительно интересна идея этого проекта. Мы считаем, что это один из тех случаев, когда вера всерьез стремится изменить мир вокруг — возникают новые монастыри, школы, населенные пункты… Наверняка идея поселка вокруг монастыря не всем покажется однозначной. Но нам интересно — как именно воплотится, во что разовьется Спасово и верный ли это путь. Об этом наш разговор с Вадимом Юрьевичем Моховым — председателем совета директоров группы компаний «Статус». Хотелось бы, чтобы, прочитав это интервью, читатели поделились своими мыслями об идее «Спасово» с нами.

— Несколько лет назад, когда я уже помогал строить монастырь в селе Клыково, стало известно, что земели вокруг монастыря выставлены на продажу, и уже появились какие-то люди, готовые скупить их, чтобы перепродавать дальше. Судьба этих земель была нам небезразлична. Мы посоветовались с отцом Михаилом, настоятелем монастыря, и решили выкупить их сами. Среди продаваемых земель оказался участок, практически готовый под застройку. Так мы были поставлены перед фактом: есть земля, значит, нужно что-то на ней строить. Тогда и появилась эта концепция — поселение усадебного типа для православных мирян.

Нельзя сказать, чтобы она возникла на совершенно пустом месте. Нашей компанией уже было реализовано несколько проектов типа «Хобби-хаус» — поселок увлечений. Совсем недавно мы закончили в Подмосковье строительство поселка, жителей которого объединяет любовь к игре в гольф. Там есть поле для гольфа, вся необходимая для этой игры инфраструктура и коттеджи, расположенные так, чтобы через калитку в ограде можно было выйти прямо на поле. В Тверской области на Волге мы строим по такому же принципу поселок Большая вода для любителей яхтинга и других водных видов спорта. Сегодня все больше людей стремится жить в кругу своих единомышленников, так что подобные поселки востребованы.

И я подумал: если для кого-то даже общее увлечение спортом становится достаточным поводом жить рядом друг с другом, то для христиан гораздо более мощным объединяющим фактором может стать их вера, единство взглядов, любовь к православным святыням. Многие верующие люди уже давно покупают себе дома рядом с Дивеево или возле Оптиной пустыни. Но, к сожалению, далеко не каждый из них может сказать, что, купив жилье в населенном пункте вблизи монастыря, он стал жить среди единоверцев.

А здесь мы решили построить поселение, где появление случайных людей просто исключено в принципе. Потому что единственной причиной для покупки дома в Спасово может стать стремление приблизиться к святыням Оптиной пустыни и Шамординской обители, духовно окормляться монахами Клыковского монастыря, и просто —➥

жить полноценной жизнью среди людей, близких тебе по духу. В этом смысле 250 километров, отделяющие Спасово от Москвы, парадоксальным образом оказываются не преградой, а подспорьем для осуществления задуманного нами. Это расстояние — своего рода фильтр, который сразу же отсеивает тех, кому наши идеи и устремления не близки.

По большому счету, мы хотим создать здесь такое братство единомышленников, где все были бы движимы любовью к Православию и родной земле, общим желанием сделать эту землю богаче и краше, растить на ней своих детей и помогать тем, кто живет рядом. Ведь есть же у нас искренне верующие и в то же время состоятельные, преуспевающие люди, которые своими знаниями, средствами, умением организовывать бизнес могли бы буквально преобразить нищую, вымирающую российскую провинцию. Но в подавляющем большинстве случаев такие люди живут и ведут свои дела в Москве и ближайшем Подмосковье, хотя многие из них наверняка были бы рады уехать подальше от столичной суеты и круговерти. Пугает неизвестность, неустроенность, перспектива оказаться на новом месте одиноким и непонятым.

Чтобы помочь будущим жителям Спасово преодолеть эти сомнения, мы не просто строим поселение, а полностью берем на себя обслуживание его инфраструктуры — обеспечиваем охрану, медицинскую помощь, уборку территории, техническое обслуживание и ремонт, присмотр за домом в отсутствие хозяина и многое другое.

Создание такого высокого уровня сервиса обходится дорого, и, с точки зрения чистого бизнеса, такой проект вряд ли окажется сверхприбыльным, но это меня нисколько не смущает. Ради прибыли можно было бы, например, заложить еще один поселок в Московской области. А здесь мы изначально ставили перед собой совсем другие задачи. Спасово должно стать точкой приложения сил для людей, неравнодушных к судьбе своего Отечества. Мы создаем стартовую площадку, с которой жители поселения впоследствии могли бы запускать свои проекты. Здесь река, заливные луга, поля — в общей сложности более 400 гектаров земли, — неограниченный простор для совместного творчества. У одних людей есть идеи, у других — деньги, у третьих — способности, таланты. И если несколько десятков, а то и сотен православных объединятся на этой земле, то жизнь всего региона обязательно начнет меняться к лучшему.

У нас, кстати, уже появились друзья, которые готовы строить в Спасово свой конезавод, разрабатывается проект создания здесь кинофабрики. И все это не прекраснодушные фантазии, а реальные планы прагматичных и знающих свое дело людей. Мы рады любым идеям, готовы оказывать поддержку инвестициями, организовывать совместные предприятия, рассматривать самые разные предложения. По нашему замыслу главное во всем этом — возможность общего созидательного труда со своими друзьями, единомышленниками, братьями по вере. И, надеюсь, что не только я один мечтаю о такой возможности.

Есть для меня в создании Спасово и другой смысл. Ведь жизнь потихоньку проходит. Ну сколько я еще смогу активно заниматься бизнесом? Пятнадцать лет, ну, может, двадцать. Так и буду мотаться по объектам, построю еще десяток коттеджных поселков в Подмосковье. А потом что? Обеспеченная старость в московской квартире, медленное угасание — печальная перспектива…

Нет, я уже сейчас хочу жить здесь, в месте, которое полюбил, рядом с монастырем, среди своих друзей. Чтобы наши дети тут все вместе росли, чтобы была возможность чаще общаться с батюшкой Михаилом и другими монахами, молиться, ездить в Оптину, Шамордино… И чтобы был обустроенный быт, любимое дело, чистый воздух и удивительной красоты природа. Неужели ради такого будущего не стоит потрудиться?

Когда здесь был один лишь разрушенный сельский храм, прозорливая старица схимонахиня Сепфора предсказала, что на этом месте появится монастырь, а вокруг него — город. Сейчас я вижу, как первая часть матушкиного предсказания уже сбылась: монастырь мы построили. И, может быть, усадебному поселению Спасово суждено стать началом этого нового города у монастырских стен.

В Писании сказано: вера без дел мертва. А я ведь, по большому счету, ничего не умею, только строить. Вот и помогаю отцу Михаилу. Мы уже открыли в Козельске православную гимназию и детский центр «Возрождение». Правда, пока там занимаются лишь городские ребята. Но я надеюсь, что совсем скоро к ним присоединятся мальчишки и девчонки из Спасово. ■

Записал Александр ТКАЧЕНКО
Рисунки заслуженного художника РФ
Александра Павловича ШУБИНА

Фото Дмитрия Киенок

Анна ГУТМАНЕ,
ректор Латвийской христианской академии. Награждена орденом Русской Православной Церкви святой равноапостольной княгини Ольги III степени.

Христианская академия

Молодежь Европы ищет духовный серьезности

Я выросла в рижской протестантской семье. Каждое воскресенье родители предлагали мне решить, куда пойти: в музей, на концерт или в церковь. На концерт не хотелось — была измучена музыкальной школой. В музее нужно было много ходить и объяснять отцу, что я вижу. А в церкви было хорошо: тихо сидеть, мечтать, слушать, как мама поет в хоре. Именно тогда я привыкла молиться.

После защиты диссертации я осталась на факультете философии и филологии Латвийского университета, причем никогда не скрывала своей веры и не состояла в коммунистической партии. Так до конца и не поняла, как при этом удалось столько лет проработать в главном университете Латвийской ССР. Но вспоминаю, как говорил отец: все, что базируется на лжи, обязательно уйдет. Как раз во время преподавания в университете я полюбила ходить в православный храм Александра Невского. Время было советское, а я тайком водила туда студентов, учила их молитвам, много разговаривала с бабушками и сама молилась. Не будучи православной, считала эту церковь своей.

Постепенно лютеранство стало для меня тесным. Хотелось как следует исповедаться, а не просто произнести: «Прости Господи, что я согрешил в словах, в делах и в мыслях». Просила пастырей об исповеди, но никто не знал, что это такое. Я преподавала катехизис в одном из приходов, и вопросов возникало все больше. Например, казалось ужасным, что в лютеранстве брак — не Таинство.

После паломничества на Синай, к монастырю святой Екатерины, я окончательно решила присоединиться к Православной Церкви. При крещении хотела принять имя этой святой, но священник нарек меня Анной. Поняла это как знак того, что мне надо учиться терпению: все Анны, известные нам по житиям святых, были очень терпеливыми.

Из университета после распада СССР пришлось уйти. Настроения на факультете постепенно стали настолько либеральными, что сложилась какая-то нездоровая атмосфера — все озаботились политикой и совсем забыли о нравственности. Ходить на работу стало совсем тяжело. Однажды, во время молитвы в храме, я поняла, что должна уйти. Ушла «в никуда»… А через три дня мне предложили возглавить Христианскую академию!

Это было новое дело, а мой административный опыт нельзя сказать, чтобы был очень богатым. В какой-то мере это была авантюра. Я молилась, просила Господа направить меня. Вот, например, задумали создать класс иконописи. Долго искали преподавателей. Ведь нужны были не просто художники, а верующие люди. Но они все не находились. Это был очень тяжелый момент. Я уже даже объявила студентам, что мы вернем внесенные за обучение деньги. Но они так расстроились! Сказали, что подождут еще. Пришлось искать преподавателей дальше. В то время очень переживала и молилась: «Господи! Я начала большое дело и не справляюсь. Что предпринять?»

И вот однажды утром пришел человек и сказал буквально так: «Я художник, который верит в Бога. И хочу у вас работать». Другие преподаватели на этот факультет нашлись также быстро. Теперь мы даем там хорошее академическое образование.

Сейчас в Латвийской христианской академии обучается около 500 студентов, которые представляют все основные конфессии. Утром и вечером в зале читается православное молитвенное правило. И все студенты, и даже наши частые гости из других европейских стран — все стоят на молитве, как свечки. Для иностранцев мы переводим текст и объясняем происходящее.

Христианская академия — маленький вуз, но мы стараемся участвовать в больших проектах. В прошлом году начали разрабатывать особую программу обучения основам богословия для заведений, где преподается социальная политика. Мы-то сами всегда были уверены, что основы христианства должны изучаться во всех вузах. Но поначалу считали, что нас с этой программой просто не поймут. Еще как поняли! Приехали делегации из четырех университетов Европы. Двухнедельный курс с удовольствием прослушали и студенты, и преподаватели. Результат — нашу программу вводят во всех учебных заведениях ЕС, обучающих студентов социальным наукам, а многие предметы будут дополнены христианскими понятиями. Скажем, если преподаватель начнет рассказывать о появлении человека, он должен растолковать студентам и точку зрения Церкви.

Не так давно в Люксембурге прошел съезд, посвященный социальной политике Евросоюза и ее связи с христианством. Многих, в том числе и меня, тронуло и потрясло выступление Яна Фигеля — еврокомиссара по вопросам молодежи, образования и культуры. Он предоставил прогнозы социологов, по которым уже в 2050 году большинство жителей Европы будут исповедовать ислам. По его словам, христиан уже сейчас в Европе меньшинство. Участники съезда удивились: ведь в Европе столько разных конфессий и Церквей! Но Фигель объяснил свою позицию так: «Христианство пока еще доминирует в Европе — но только формально. Настоящих же христиан мало, а номинальная вера не является верой. Но у нас еще есть время, чтобы изменить ситуацию. Нам надо начать жить по-христиански и самой жизнью проповедовать веру».

Для политически корректного Евросоюза это была просто удивительная речь — настоящее исповедание веры! И, конечно, трудно не согласиться: если ты лишь иногда ставишь в храме свечу, это не дает права считаться настоящим христианином. В Европе Церковь полностью отделена от государства. Но, может быть, это как раз самое лучшее время для того, чтобы не просто говорить о наших христианских принципах, а претворять их в жизнь?

Я во всем стараюсь увидеть положительные стороны. В Евангелии нигде не говорится, что общество охотно примет христианство. Наоборот, Спаситель предвещал нам гонения. Поэтому происходящее я стараюсь оценивать трезво. Европа мирская с головы до ног. Значит, для христиан самое время проявлять мудрость. Это не означает, что мы неизбежно должны идти на компромиссы, но с другой стороны, глупо нападать на других с Евангелием в руках. Нужно быть христианином каждый день — проявлять честность, уважение, сострадание к людям. Ведь на деле любить человека — это самое сложное, даже в твоей собственной семье.

Я уверена: желание уверовать в Бога живет в каждом. Вера является венцом логического мышления, даром Бога. Имея веру в Господа, духовными глазами ты можешь видеть больше, чем человек, который пользуется только научной логикой. Со студентами об этом нужно говорить откровенно и с любовью. Когда они чувствуют эту любовь, то открываются вере.

Каждое воскресенье, отправляясь в рижский собор Рождества Христова, я вижу там наших учеников, которые приняли Православие. И нет для меня большей радости, чем эта! А ведь мы никого из студентов не зовем за собой именно в Православие, наоборот — объясняем им, что это очень серьезный выбор, в который нельзя броситься с разбега, как в реку. Но наши предупреждения их не останавливают. Это значит, что молодежь ищет духовной серьезности — и находит ее в Церкви. ■

Подготовили
Маргита СПРАНЦМАНЕ,
Иван ЕНГАШЕВ

Фото из архива Анны Гутмане

«Венеция венецианкой бросалась с набережных вплавь...»

В поисках Города

Фотохроники
Владислава ПЕТРУШКО

Интернет недавно, но достаточно прочно вошел в нашу жизнь. Потихоньку мы привыкли обмениваться в сети репликами, не слыша звука собственного голоса, научились воспринимать слово как оно есть: без реверансов возрасту, образованию и заслугам. Отсюда и склонность отчасти додумывать друг друга, приписывать несуществующие качества и даже амбиции. Многочисленные интернет-поклонники фототворчества Владислава Петрушко прочат ему успех на персональных выставках, ждут и настоятельно просят провести их. Никто, кажется, не подозревает, что на том конце провода, перед монитором, сидит совсем не профессиональный фоторепортер или заслуженный фотохудожник — а человек, даже немного стесняющийся такого к себе интереса.

Владислав Петрушко — историк и журналист, доктор церковной истории и шеф-редактор сайта Церковно-научного центра «Православная Энциклопедия» «Седмица.Ru». А обывателю больше известен как игрок телеклуба «Что? Где? Когда?» и обладатель «Хрустальной совы». Ко всему прочему — он фотограф-любитель.

Бегло просматриваю фотографии на сайте. Красивые средневековые улочки, мелькают люди — Италия, Фландрия?! Странная, уютная, тихая и без машин — Москва?! В глаза бросается европейский лоск — Львов?! Все без сюсюканья.

Обилие комментариев к кадрам заставляет призадуматься: в чем тут секрет? «Люблю Москву кисти Петрушко», — пишет один. А другой вторит: «Это как после чашки горячего чая в гостях. Друг берет за руку со словами: „Идем гулять, я покажу тебе город, который люблю“»…

Наши мечты родом из детства. Во взрослой жизни они лишь обретают неожиданное воплощение, открывают нас в самом удивительном свете. Как у многих, фотоистория Владислава Петрушко корнями уходит в детство. Он не помнит, когда впервые взял в руки фотоаппарат — «Зенит» в семье был всегда. Тогда же, в детстве, слышал от деда: «За что бы ни брался, делай на совесть, достигай совершенства». И потому сегодняшние фотоочерки о городах, архитектурные хроники Петрушко снимает как профи. Его наблюдательный глаз находит выигрышный ракурс, рука вовремя нажимает кнопку спуска.

Историей и архитектурой он увлекался тоже в детстве, даже мечтал стать архитектором. Интерес, правда, быстро забылся. Сбили с толку победы на республиканских олимпиадах по биологии. Но городские ансамбли неизбежно привлекают.

Петрушко окончил биофак Львовского университета, поступил в аспирантуру НИИ Генетики в Москве. Но… параллельно учился на богословских курсах, вскоре преобразованных в Свято-Тихоновский институт. И хотя дело шло к диссертации, за месяц до окончания аспирантуры оставил биологию. Богословие и церковная история выиграли битву у генетики. «Было ощущение, что биология — совершенно не мое. Да и наука в 90-е годы начала разлагаться, стало очевидно: если работать всерьез, придется уезжать за границу, чего категорические не хотелось», — рассказывает Владислав.

Церковной историей он увлекся на общей миссионерской волне, захлестнувшей страну. Впрочем, крещен был еще в детстве — из-за чинимых в ту пору препятствий это пришлось сделать аж в Абхазии.

«Надо представить ощущение людей, живших в начале девяностых, — говорит Владислав. — Была растерянность и одновременно ощущение радикальной ломки всей жизни. Многие, в основном интеллигенция, пришли в Церковь на волне масштабно отпразднованного тысячелетия Крещения Руси. Миссионерский импульс события был огромный. И политика в отношении Церкви при Горбачеве смягчилась, идеологические препоны сняты. Для меня, занимавшегося исследовательской работой, в Церкви был даже привкус чего-то неизведанного, что влекло к себе…»

Владислав вырос в русскоязычной семье во Львове. «В этом европейском, камерном по своему масштабу городе я всегда ощущал ностальгию по России, — замечает он. — Каждый год, уезжая гостить к родственникам, я ловил себя на мысли, что Россия для меня ассоциируется с Православием. Позже, в 80-е, приезжал в Москву и, будучи еще человеком нецерковным, ходил по храмам, наслаждался красивым пением на службах, жадно рассматривал иконы тончайшего письма, которых не видел во Львове, где русский храм всего один, и тот маленький. Тогда казалось, что Православие в Москве особой, очень высокой пробы — к нему тянуло. Сначала — как к воплощенной истории Руси, потом пришло более глубокое понимание духовного содержания».

Еще лет десять назад интерес Владислава к фотографии был далек от художественного осмысления, скорее, стояла прагматическая задача: обеспечить себя справочным материалом для лекций и семинаров по истории Русской Церкви, которые он вел в Свято-Тихоновском институте. Но как исследователь, он подошел к делу обстоятельно, снимал охотно, много. «Скоро я понял, что всего не снимешь. В Италии голова шла кругом от обилия памятников архитектуры и истории, христианских святынь. Задумался, нужно ли стремиться «объять необъятное»? Потом стал замечать не только здания, но увидел на их фоне людей, жизнь и понял, что человек в контексте и масштабе архитектурного памятника воспринимается совершенно по-особому. Я как будто стал слышать диалог между человеком и архитектурой, который захотелось отобразить. Сейчас при виде интересного здания я нередко мысленно представляю себе рядом человека, ощущаю, где он должен оказаться, чтобы архитектура ожила, заговорила. Иной раз специально жду, пока в кадре не появится фигура». Последнее обстоятельство сделало Петрушко настоящим охотником. Но портретов он не снимает, говорит: «Не чувствую, не умею, поэтому не берусь».

Своими «Городами» Петрушко иногда совершенно дезориентирует зрителя. «Такой Москвы, как на моих снимках, по сути, ведь нет, — признается он. — Это Москва, которую я даже не столько помню, сколько представляю себе. В моих снимках — ностальгия по милому моему сердцу исчезнувшему городу. Собираю какие-то крупицы, из которых я, как Кювье, «восстанавливаю динозавра» — создаю несуществующий образ Москвы. Нахожу эти «осколки» в Путинках, Хохлах, Подкопаях, других немногих оставшихся нетронутыми уголках. Увы, этих тихих заповедных мест с каждым днем все меньше. Сегодня в Москве чаще испытываешь чувство неуютности — от грохота в метро, от толпы, от холодных чужих офисов. Душевного, интимного в облике города осталось мало. В старых переулках это еще можно ощутить. И я ищу».

«Мои фотографии — это не столько отражение реального облика, а, скорее, мое ощущение города. Львова, например, который, как и Москва, уходит, но иначе, — продолжает Петрушко. — Москву уничтожают, а Львов переходит в другое качество. Из него утекает та интересная жизнь, которая его когда-то переполняла. Львов никогда не был провинциальным, творческая жизнь здесь била ключом: были театры, замечательные музыканты — все органичное и очень живое. Сейчас это Помпеи. Город не только ветшает на глазах, но становится другим: тусклым и серым становится и внешний облик, и сама жизнь в нем».

«При знакомстве с тем или иным городом, где я бываю, рождается какое-то особое ощущение атмосферы этого места. В фотографиях хочется передать этот неповторимый образ, чтобы зритель не просто мог сказать — это Москва, это Львов, это Флоренция… а ощутить их особый, присущий только им дух».

У Петрушко многочисленные храмы, вписанные в городской пейзаж, не бросаются в глаза, но деликатно присутствуют в кадре. Они не документ истории архитектуры, а часть образа города, его жизни, его эмоций. И посыл Петрушко-фотографа умиротворяющий и спокойный. «Каждый человек, каждый верующий — храм Духа Святого. Вспомните слова Христа: будут поклоняться не там, где храм в Иерусалиме, а в Духе и Истине повсюду поклоняться Богу будут. В этом смысле не обязательно, чтобы храм появлялся в кадре, главное, чтобы храм был в тебе. Есть храм, значит и мир, значит, и покой». ■

Дарья РОЩЕНЯ

Пьетрасанта. После мессы. 2007

Милан. Беседа. 2007

Верона, Сан-Дзено. 2007

Москва, Яузская. Снег идет.... 2007

Брюссель. Разговор с валлонским акцентом. 2007

Флоренция.
(1 + 1) x 2 или одиночество вдвоем. 2007

Москва, в Подкопаях. 2007

Львов заснеженный. 2007

Брюссель.
«Как невозможна грусть, как тщетно ожиданье!» 2007

Четыре года назад она познакомилась с врачами отделения гематологии Российской детской клинической больницы. И вместе с Диной Корзун стала помогать искать деньги на лечение детей. В 2005 году состоялся благотворительный концерт, который прошел на сцене театра «Современник». Затем концерты стали ежегодными. А в 2006 году появился фонд «Подари жизнь», средства от которого идут на лечение маленьких пациентов РДКБ.

Чулпан ХАМАТОВА:

«Потребность быть настоящей»

— Чулпан, как сложилось, что Вы стали помогать РДКБ?

— Все началось со знакомства с врачами. Сейчас я уже не помню подробностей, только какие-то фрагменты: как я впервые пришла в больницу, еще не зная, что и как можно сделать. Потом разговор с Диной. Помню, что позвонила Кириллу Серебрянникову, и он сказал: «Да, конечно, я с вами». Эти слова вызвали у меня ощущение надвигающейся лавины, как будто земля под ногами заходила. Я поняла, что с этим первым безоговорочным «да» можно дальше сдвинуть горы.

Тем людям, которым я помогаю, — доверяю абсолютно. Знаю, что мои силы, старания будут ненапрасны, и никто цинично не использует их к своей выгоде. В этой больнице врачи денег не берут, они — бессребреники. Лечение — бесплатное. Деньги нужны на дорогостоящие лекарства, на поиск доноров. Это то, что не берет на себя государство.

— Готовя первый концерт «Подари жизнь», думали ли Вы, что этим дело не ограничится и что помощь больным детям будет занимать пятьдесят процентов Вашего времени?

— Пятьдесят? Все девяносто девять! Репетирую в театре спектакль и размышляю о том, что нужно позвонить по поводу очередной акции, решить какой-то вопрос... Когда мы начинали, я даже не могла себе представить, как мы с Диной во все это углубимся. И что будет Общественная палата и какие-то совершенно неожиданные проекты... Например, врачи, Дина Корзун и Фонд торжественно, на блюдечке, внесли меня в проект «Ледниковый период». Ведь, к сожалению, наши средства массовой информации не очень охотно рассказывают, как можно помочь нуждающимся. А Первый канал — реальная сила, его смотрят все слои населения. И этот проект был для меня возможностью привлечь внимание, рассказать о детях. Когда мы передавали ребятам приветы с «голубых экранов», они потом неделями ходили счастливые и радостные. А что было, когда участники проекта ввалились в больницу! Ведь все увидели «живого Авербуха», «живого Костомарова»! И сразу — другое настроение, отвлеклись. А ведь это так важно — отвлечься от болезни.

Что же такое жалость

— Обычно, если в СМИ говорят о проблемах больных людей, то непременно так, чтобы вызвать чувство жалости. Вам же, похоже, удается сохранить позитивную интонацию...

— Я не понимаю, почему журналисты стремятся показать лишь страдания этих детей. Ведь они умеют и радоваться! Бегают наперегонки, подтягивая за собой капельницы. И при этом ничем не отличаются от любых других детей, которые также бегают, только на улице. Они катаются на «самокатах» — стойках для капельницы на колесиках. А чем отличается девочка в больнице, делающая кукле укол, от той, которая дома наряжает свою «дочку» в сверхмодный наряд? То же заботливое выражение лица, та же материнская забота и то же счастье... Нужно, чтобы как можно больше людей видели больницу в том числе и с этой стороны, чтобы не боялись приходить. Детям важно знать, что о них помнят и хотят, чтобы они как можно быстрее выздоровели.

— Иногда к чужому горю страшно прикоснуться. Как Вы с этим справляетесь?

— Это так. Некоторые боятся даже думать об этом, считая себя нежными, ранимыми. На самом деле, надо настраиваться на то, чтобы не переживать: это итак делают дети и их родители. А остальные должны стараться смотреть на проблему по-другому: ребята, которые лечатся в отделении гематологии — такие же, как и их сверстники. Да, на их долю выпали неимоверно тяжелые физические испытания, — связанные с болью, с терпением, с годами лежания в боксе. Но в наших силах постараться помочь им — подарить положительные эмоции, смех.

Вообще, во всем цивилизованном мире люди приучились воспринимать больных детей, детей с синдромом Дауна, инвалидов-колясочников как *нормальных людей*. Да, необходимо специальное лечение, но не «специальное» общение — не сюсюканье или слезы. Только так можно помогать им. Попробуйте где-нибудь в Германии повздыхать около больного ребенка, вас тут же в порошок сотрут. Если вообще поймут, что вы имеете в виду.

— Но разве плохо, что люди проявляют жалость?

— Вы знаете, я как-то была свидетельницей такого случая. В палате — мама и мальчишка лет восьми. Оба — готовые бороться. Мальчик — бодрый, лечение только-только начиналось. Это уже потом, когда вводят «химию», у ребенка меняется настроение, появляется апатия, усталость. А пока — мама улыбается, ребенок — шутит, подкалывает взрослых. И вдруг в палату заходит тетенька, чиновница высокого ранга, и начинает причитать: «Держитесь! Так получилось! Держитесь!» И доводит маму до слез. Потому что, понятно, каких усилий ей, на самом деле, стоит держаться, и если задевать по больному... Мальчик, глядя на маму, тоже собрался плакать. Мне хотелось эту сочувствующую, сердобольную женщину вытолкать и сказать: «Вы с ума сошли? Не ходите сюда!» Причем она ничего не принесла, ничем реально не помогла, просто — пришла пожалеть.

Я категорически против такой «жалости». Потому что я знаю этих детей. Вести себя так — значит убивать в них надежду. Они внимательно смотрят на взрослых. И сразу замечают, если в наших глазах хоть на секунду промелькнет слеза. Дети должны видеть в глазах всех взрослых уверенность, что все будет хорошо! Я внешне одинаково общаюсь и с детьми, которые готовятся к выписке, и с теми, которые, по мнению врачей, безнадежны. Им проводят поддерживающую терапию в надежде, что вот-вот появится новое лекарство, и можно будет помочь. А бывает, ребенку все лучше, лучше и вдруг — раз и плохо: рецидив. Конечно, я очень расстраиваюсь. Но, с другой стороны, вокруг и так много поводов расстроиться. Да, в больнице сталкиваешься с этим вплотную. И я, наверное, уже привыкла. Приду домой, поплачу, и надо идти дальше.

Во всем цивилизованном мире люди приучились воспринимать больных детей, детей с синдромом Дауна, инвалидов-колясочников как *нормальных* людей. Да, необходимо специальное лечение, но не «специальное» общение — не сюсюканье или слезы.

Главное, что я поняла — человек никогда не должен терять надежду: ни при каких обстоятельствах, ни при каких самых страшных диагнозах. Потому что я видела, как вера в лучшее самого ребенка, его родителей, окружающих делает настоящие чудеса. Когда дети радуются, у них анализы улучшаются!

Суть популярности

— Ваш Фонд проводит много различных акций. Но почему-то широко освещаются в основном те, где участвуют знаменитости...

— Да, такова ситуация. Никому не интересны дети сами по себе. Вот, если к ним какая-нибудь звезда сериала пришла — это другое дело, с ней придет пара телеканалов. Ну и ладно, я сама этим пользуюсь. И пускай некоторые говорят: Хаматова надоела уже со своей благотворительностью. Но я буду пользоваться своей известностью, чтобы рассказывать о том, что для меня значимо — везде, где только это возможно. Моя популярность ценна для меня потому, что я могу прийти на Гражданский форум и лично сказать Дмитрию Медведеву, что дети у нас умирают, не дождавшись лечения из-за того, что бюрократическая система все тормозит. Дети не успевают получить так называемые «квоты» и поступают в больницу с осложнениями, тогда как еще неделю назад их можно было бы лечить намного легче. Квота — эта такая бумажка, которую должны подписать сначала в районной поликлинике, затем в ➥

Даже в боксе отделения трансплантации костного мозга дети остаются детьми, им хочется играть, смеяться, общаться, радоваться жизни. И стекло, отделяющее их от внешнего мира, не может разделить детей с теми, кто их любит. Только даже самую красивую карнавальную маску перед тем, как внести в стерильный бокс, приходится обязательно «прожаривать» в специальной установке.

более высоких инстанциях. Мало того, что на родителей свалилось горе, они еще должны пройти огромный путь и доказать, что у их ребенка есть право на квоту. Потому что только с этой бумажкой он может лечь в больницу.

— Никогда не возникало ощущения, что Вы взвалили на себя слишком тяжелый груз? Не было желания все оставить?

— Конечно, иногда становится просто невыносимо! Многие не хотят передавать деньги, не познакомившись со мной. И я со всеми знакомлюсь. Много проблем и внутри Фонда: он должен развиваться, нужно придумывать мероприятия, чтобы его поддержать. Фонд — огромная структура, и очень тяжело нести эту большую ответственность. Пришлось открывать в себе организаторские, административные, менеджерские способности, учиться по-особенному разговаривать с людьми. Я прихожу к людям и знаю: я во что бы то ни стало должна выпросить то, ради чего пришла, и не уйду, пока не получу нужное. Мне невозможно было бы просить для себя лично. А здесь, когда указывают на дверь, вхожу в другую.

Я стала разбираться в таких специфических вещах! Вот, например, вопрос: входить нам в эндаумент или не входить? Эндаумент — это такой параллельный Фонд с отдельным капиталом, в котором размещены деньги жертвователей, но расходуются только проценты с этого капитала. Это хорошо тем, что в Фонде всегда есть небольшая, но гарантированная сумма — эти проценты. Пока мы только думаем о создании такого параллельного Фонда. А ведь часто бывают ситуации, когда деньги кончаются и начинается паника: «Срочно какую-нибудь акцию! Кукол продавать!» И это только часть финансовых и правовых вопросов, в которых приходится быть компетентной. То есть возвращаюсь к тому, от чего бежала, когда, вопреки воле родителей, отказалась учиться в финансовом институте.

Да, ответственность — огромная, сил уходит много. Но не могу даже представить, что произнесу: «Все, я устала, до свидания!» Хотя не стала бы сопротивляться, если бы кто-то — государство, например, — сказал: «Мы сделаем все сами, не надо тебе на фоне российского флага выступать и фотографироваться в модных журналах, и кататься на коньках, и каждый день решать множество проблем! Деньги будут поступать регулярно, к детям станут ходить психологи, художники, волонтеры. Клиника оборудуется по самым последним технологиям!» Если бы точно знала, что все хорошо, я бы не отказалась сосредоточиться на театре.

— Вас поддержало много коллег. Это было неожиданностью?

— Это здорово, что вокруг столько хороших людей. Артур Смолянинов и Гоша Куценко, например, стали закадычными друзьями детей. И, как положено друзьям, не только ходят в гости, но и переписываются, перезваниваются. Вова Крестовский из группы «Уматурман» помогает каждый месяц. Историй здесь можно рассказать множество. Например, прибегаю как-то в театр и вижу Лию Ахеджакову, беседующую с женщиной, у которой болеет ребенок. Мы записали ее телефон. А вскоре Лия оказалась в самолете на соседнем кресле с банкиром и уговорила его дать деньги на лечение этому ребенку. Кстати, все фигуристы, которые пришли в больницу, оказали не только моральную помощь, хотя это само по себе важно. Я не перестаю радоваться, что люди звонят сами и спрашивают, как недавно, например, актриса Катя Гусева: «Чем я могу помочь?»

Как начать помогать

— Если человек решил помочь, с чего лучше всего начать?

— Если есть желание помочь детям, больным раком крови, то есть довольно много возможностей это сделать. Например, он может пойти в отделение Сбербанка и перевести деньги в фонд «Подари жизнь». Ему дадут уже готовый заполненный бланк, куда нужно только вписать сумму и расписаться. Это совсем не сложно, но если каждый человек, пришедший платить, скажем, за коммунальные услуги, сдаст по рублю, получатся очень большие деньги.

Второй вариант помощи: в тех городах, где есть отделения гематологии, порой не развита волонтерская служба. А дети, как я говорила, должны отвлекаться, тогда организм начинает совершенно по-другому бороться с болезнью. Поэтому нужно приходить к детям — читать, заниматься, петь песни, играть в кукольный театр, в шахматы, вышивать, вязать. Можно подарить компьютер, можно помочь родителям — иногда они совсем одиноки в чужом городе. Да хотя бы купить памперсы, стиральный порошок!

Причем есть ведь и другие фонды! Это так уж сложилось, что мы с Диной помогаем РДКБ. А ведь есть еще фонд «Настенька», который помогает тем, кто лечится в НИИ Детской онкологии и гематологии им. Н. Н. Блохина. Есть фонд Раисы Горбачевой, который помогает клинике в Петербурге. В Казани существует фонд Анжелы Вавиловой. К сожалению, помощь требуется очень многим. Деньги нужны всегда.

— На что эти деньги, как правило, направляются?

— Сейчас расскажу, какая здесь система. Само лечение в больнице — бесплатное. Ребенок, которому посчастливилось найти квоту, поступает в отделение. Если у него самый обычный лейкоз, который уже давно успешно лечится во всем мире, назначают несколько блоков химиотерапии. После них организм отравлен, иммунитета нет. И в этот момент очень опасно подхватить какую-то даже самую незначительную болезнь, которую здоровый человек просто не заметит. Она может привести к трагедии. Ребенка могут вылечить от рака и не успеть спасти от грибковой инфекции. Чтобы подобного не случилось, нужно несколько раз в день — от нескольких дней до многих месяцев — применять препарат, один флакон которого стоит 600 евро. Вы можете показать семью, которая может где-нибудь на 1800 евро в день в течение долгого времени закупить лекарства для своего ребенка? Вот эти противогрибковые препараты нужны всегда.

И всегда нужна донорская кровь. А если требуется трансплантация костного мозга и кровь донора костного мозга — история может тянуться месяцами, годами. У нас нет таких доноров. А найти в Западной Европе то, что подойдет для жителя Сибири — очень сложно. Чтобы узнать, подходит ли данная кровь для конкретного ребенка, необходимо сделать множество анализов, и на них тоже нужны огромные деньги. А ведь затем эту кровь надо доставить в Россию. И получается, что трансплантация, при том что сама операция бесплатная, реально обходится от 15 тысяч евро и выше.

Стеклянные стены и специальная система вытяжной вентиляции в боксе помогают избежать внешних инфекций, безопасных для людей с нормальным иммунитетом, но смертельных для детей после пересадки костного мозга. Но даже в этих условиях, при строгом соблюдении требований врачей, к детям можно приходить! В стене бокса есть дверца для передачи лекарств и предметов, через нее же можно и поговорить. Попаданию микробов извне при этом препятствует сильный поток воздуха, выходящий из проема.

Испытание, через которое надо пройти

— Вы крестились уже будучи взрослым человеком. Что побудило Вас тогда к такому решению?

— У меня возникли проблемы с позвоночником — болезнь, которая, как говорили врачи, помешает мне стать актрисой. В тот момент я надеялась на чудо. Это был такой неосознанный, панический поступок, который нужен был мне для того, чтобы продолжать что-то делать и надеяться, что все хорошо закончится.

То, что я приняла Крещение, очень много значит для меня. Когда я прихожу в храм помолиться за какого-нибудь ребенка, у меня не возникает сомнения, душевного блуждания. Я знаю, что это нужно, что это не формальность, а — живое, настоящее.

— Почему мы часто обращаемся к Богу именно тогда, когда возникают какие-то проблемы?

— Потому что Ему можно верить. Потому что человеку нужно объяснить себе даже боль, болезнь, страдания: за что, почему, для чего? Что это за этап в жизни, почему именно этот путь? Почему мой крест — такой, а твой крест — другой? Но оба нужно нести. С Богом нести легче. То, о чем я сейчас говорю, не имеет отношения к специфическим разговорам некоторых «добросердечных» граждан. Есть такие люди, которые приходят в больницу и говорят бедным мамочкам, которые итак не в себе: «Ага, ты с мужем развелась, вот у тебя ребенок и заболел». Говорят на полном серьезе, взрослые люди… А этой мамочки уже почти нет — она вся сплошной седой сгусток беды. Такие высказывания, думаю, вообще не имеют к вере никакого отношения.

Наверное, я еще не пришла к тому, чтобы постоянно посещать службы, жить церковной жизнью. Я и не исповедовалась ни разу. Потому что, по большому счету, у меня в голове бардак. Есть вера, и я твердо на ней стою. Но дальше… Не удалось пока встретить священника, который бы помог разобраться в моих вопросах. А к тем, с кем ➥

приходилось общаться, не возникало полного доверия. Хотя я понимаю, что никто не обязан мне доказывать, что он — светлый и чистый. Нужно разбираться с собой.

И, пытаясь разобраться, я особенно отчетливо понимаю, как наш Фонд важен для меня. Ведь иногда живешь и думаешь, что все делаешь хорошо. А по большому счету: хорошо ли? а можно ли лучше? Мы стараемся этими вопросами не задаваться, потому что становится страшно — перед Богом. У меня очень большой уровень требовательности к себе, как к актрисе. И не так много фильмов и спектаклей, после которых можно сказать: «Да, эта работа открывает двери к чему-то высшему». Поэтому Фонд для меня — реализация потребности быть настоящей — такой, чтобы не стыдно.

> Я точно знаю, что с моей смертью ничего не закончится, я пойду куда-то дальше и, может, потом встречу этих детей — и тех, кого удалось спасти, и тех, кого нет…

— Благотворительность и вера в Бога как-то соотносятся?

— Думаю, что напрямую. Если думать, что с нашей смертью все закончится, то, наверное, правы те люди, которые не хотят никому помогать. Это действительно бессмысленно. На самом деле, в этом случае нужно получать удовольствие по максимуму, отрываться по полной программе. Но я точно знаю, что с моей смертью ничего не закончится, я пойду куда-то дальше и, может, потом встречу этих детей — и тех, кого удалось спасти, и тех, кого нет... Вера дает силы делать что-то для других.

А, с другой стороны, мне кажется, что именно помощь другим ведет к Богу. Недавно мы выпустили небольшой календарь, в который вошли работы наших детей, принимавших участие в специальной выставке. Выставка и календарь посвящены памяти священника Георгия Чистякова, который до последнего дня своей жизни помогал больным детям. К сожалению, я его уже не застала. В календаре — цитаты из книг отца Георгия. Например, такая: «Вера в то, что у Бога все живы, дается нам, только если мы делаем все для спасения жизни тех, кто нас окружает».

— Вы продолжаете общаться с детьми, которые уже выписались?

— Редко. Как показывает опыт, маленькие стараются не вспоминать обо всем, что связано с лечением, стремятся забыть, как страшный сон. Но когда встречаешь их, живых и здоровых, — это что-то невероятное! На афише нашего первого благотворительного концерта была фотография Люси Афанасьевой — тоненькая шейка, прозрачная, лысенькая, трогательная девочка. Через три года она приехала к нам — здоровая, повзрослевшая, с длинными густыми волосами, красавица. А недавно на благотворительной выставке в ГУМе я встретила парня, который у нас лечился, его зовут Дима. Подходит — молодой, за руку с очаровательной девушкой — и говорит: «Знакомьтесь, это моя девушка». И я вспоминаю, как мы боролись за жизнь этого мальчика и у меня — мурашки по коже. И такая радость, будто это родной сын знакомит меня со своей невестой. ■

Записала Оксана ГОЛОВКО
Фото предоставлены фондом «Подари жизнь»

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II

АЛЬФА и ОМЕГА

Издается с 1994 года

№1 (51) 2008 г.

В НОМЕРЕ:

Книга Руфи: новый перевод
Экзегеза Оригена
Святитель Иоанн Златоуст — богослов и философ
Святые Отцы о покаянии
Беседа о чести
Церковь и психиатрия

Подписка по каталогам:
Роспечати: 47100 (полугодовой), 82549 (годовой);
«Пресса России»: 15018 (полугодовой), 16386 (годовой).

Информационная поддержка — журнал «ФОМА»

www.foma.ru

№1 (51) 2008 АЛЬФА и ОМЕГА

Журнал "Альфа и Омега" можно приобрести

Москва:

в книжной лавке храма Святой мученицы Татианы (Домовая церковь МГУ) по адресу: Большая Никитская, д. 1 (метро "Боровицкая", "Библиотека им. Ленина")

в магазине "Троицкая книга" по адресу: 2-й Троицкий пер., д. 6а, "Митрополичьи палаты" (метро "Цветной бульвар"), тел. 681-20-09

в храме Святой Троицы в Хохлах по адресу: Хохловский пер., д. 12 (метро "Китай-город", выход к ул. Солянка)

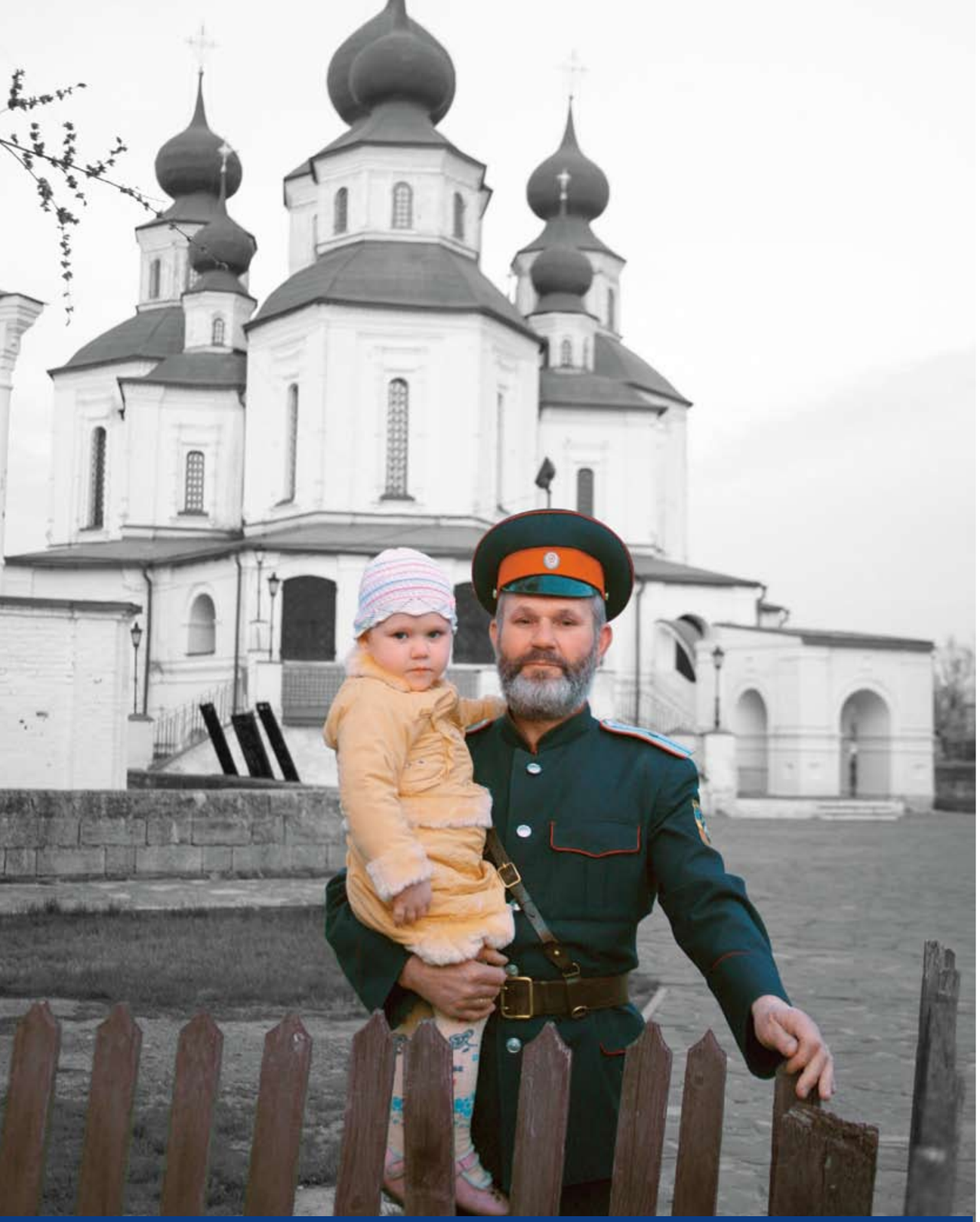
в храме преподобных Зосимы и Савватия Соловецких в Гольянове по адресу: Байкальская ул., д. 37а (метро "Щелковская", авт. 3, 68, 171 до ост. "Аптека")

Санкт-Петербург:

в магазине "СЛОВО" по адресу: Невский пр., 22-24, тел.: (812) 312-52-00, заказ через интернет: www.slovo.net.ru
на Успенском подворье Оптиной пустыни по адресу: наб. Лейтенанта Шмидта, 27, тел.: (812) 321-74-63

на подворье Валаамского Спасо-Преображенского монастыря по адресу: Нарвский пр., 1/29, тел.: (812) 252-64-11
в Князь-Владимирском соборе по адресу: Ул. Блохина, 26, тел.: (812) 233-54-04

Смысловая география



Смысловая география

Ростов-на-Дону: казачество

Ростовская область — южный регион, российские ворота на Кавказ, традиционно казачья земля. Дон всегда занимал особое место в общественной и политической жизни страны. Сохранилось это и сегодня.
Для того чтобы представить свой регион читателям «Фомы», глава Ростовской епархии архиепископ Пантелеймон и заместитель губернатора области Александр Бедрик согласились вкратце ответить на шесть наших вопросов.

Культура, молодежь, казаки

6 вопросов архиепископу Ростовскому и Новочеркасскому ПАНТЕЛЕИМОНУ

— Что является главной проблемой Ростовской области?

— Сегодня наша главная проблема — возрождение великих историко-культурных ценностей, укрепление духовных и нравственных основ жизни. Если мы будем сообща работать в этом направлении, это станет залогом решения всех нынешних проблем региона.

— А какова главная гордость региона?

— И гордость, и главное богатство региона — это люди. Все переписи населения свидетельствуют, что здесь православного населения проживает намного больше, чем в других регионах России. В дни церковно-общественных торжеств на Донской земле это по-особому чувствуется и проявляется.

— Что, по-Вашему, сегодня больше всего заботит молодежь на Дону?

— Молодежи свойственно стремление к высоким светлым идеалам жизни. Сегодня я вижу много молодежи в храмах, и это очень радует. Среди духовенства Ростовской-на-Дону епархии две трети молодых священников.

— Что в первую очередь Ваш регион может дать всей России и всему нашему обществу?

— Думаю, для всей России будет важен и полезен опыт воспитания молодежи, полученный в казачьих кадетских корпусах и школах. За полтора десятка лет, которые в нашем Донском регионе ведется эта работа, казачья система воспитания сумела доказать свою востребованность и эффективность.

— Хорошо ли Ваш регион известен в остальной России? Есть ли какое-то общее заблуждение о нем?

— Не всем известно, что столица Донского края, город Ростов-на-Дону, один из немногих российских городов, названных в честь святого. Указом императрицы Елизаветы Петровны в 1761 году новая военная крепость на южных границах страны была названа в честь только что прославленного во святых святителя Димитрия Ростовского, выдающегося подвижника Русской Православной Церкви XVII–XVIII веков.

— Какое место следует обязательно посетить людям, приехавшим на Дон?

— Без сомнения, оба кафедральных собора Ростовской-на-Дону епархии — в городе Ростове-на-Дону и в городе Новочеркасске. Старейший храм Святителя Николая Чудотворца города Таганрога, где покоятся в раке святые мощи блаженного Павла Таганрогского.

Православный Азов бережно хранит героическую историю донского казачества. В каждом храме города есть Азовская икона Божией Матери, которая спасла казаков от неминуемой гибели в осажденной врагами крепости. Ее историю знает каждый азовчанин от мала до велика.

Донская земля богата православными святынями, история которых неразрывно связана с историей региона и нашего Отечества. ■

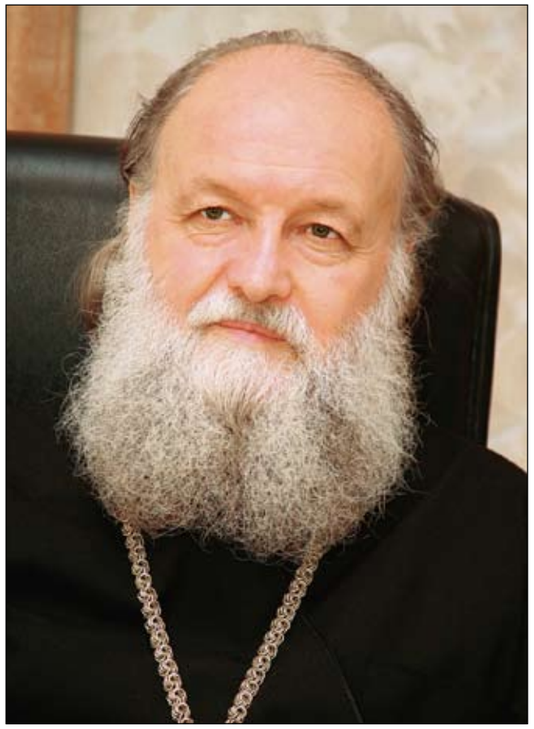


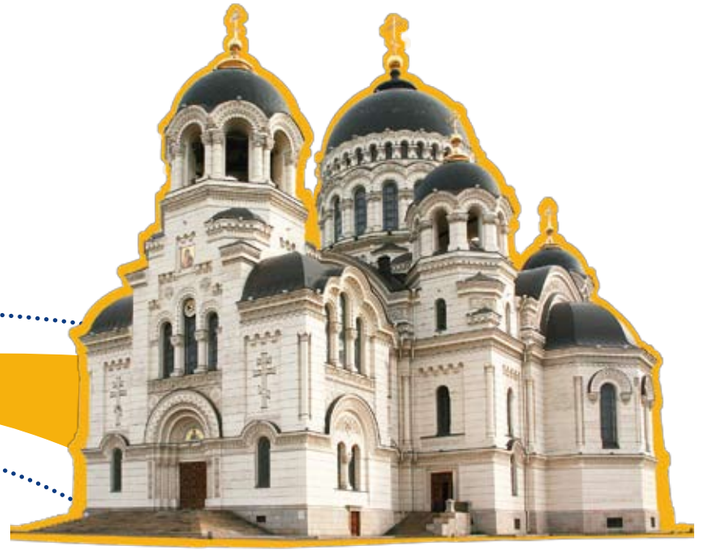
Фото Владимира Ештокина

РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

PhotoXpress

Станица Вешенская — родина писателя Михаила Шолохова, заслужившего особую любовь и уважение своих земляков. Шолохов не только воспел Донскую землю в своих книгах, но и, рискуя собственной жизнью, выступал в защиту жителей верхнего Дона от раскулачивания. Памятники Шолохову и его персонажам можно встретить по всей области. Имя писателя носит один из главных проспектов Ростова-на-Дону.

Волгодонск. Пуск двух первых реакторов Ростовской АЭС предполагается провести уже до 2010 года.



Новочеркасск. Вознесенский кафедральный собор города — третий по размерам православный храм Европы. Строился он на средства донских казаков и до сих пор остается предметом их гордости.

Ростов-на-Дону — крупный транспортный узел, соединяющий центральную Россию с Кавказом и черноморским побережьем. Через город следует большая часть «курортных» поездов и проходит объемный грузопоток. Здесь же расположено управление Северо-Кавказской железной дороги и крупный профильный вуз — Ростовский государственный университет путей сообщения.

Хутор Недвиговка. Развалины древнего греческого города Танаис. По мнению ученых, здесь еще в I веке нашей эры возникла христианская община, скорее всего, самая древняя на территории современной России. Сейчас здесь расположен крупнейший в стране археологический музей-заповедник под открытым небом.

Ростов-на-Дону. Змеевская балка. Здесь во время оккупации города фашистами были казнены около 30 тысяч его жителей, преимущественно евреев.

■ Население Ростовской области — **4,2 миллиона человек**, более миллиона из них проживают в Ростове-на-Дону.

■ Площадь области — **100 тысяч квадратных километров**, область **протянута с юга на север на 500 километров**.

■ **От Москвы** до Ростова-на-Дону **1109 километров**.

■ **Область граничит** с Краснодарским и Ставропольским краями, Воронежской и Волгоградской областями, республикой Калмыкия и Украиной.

■ На территории области проживает **более сотни национальностей**. Основные из них: русские, украинцы, армяне, турки, белорусы, татары и так далее.

■ В 1779 году **армяне**, выходцы из Крыма с разрешения российских властей основали крупное поселение Нор-Нахичевань, ставшее впоследствии одним из районов Ростова-на-Дону.

■ **Ростов-на-Дону** основан как крепость в середине XVIII века. 6 апреля 1761 года по указу Екатерины II получил свое имя **в честь митрополита Ростовского и Ярославского Димитрия**, причисленного Церковью к лику святых.

■ **Наиболее крупные города области**: Ростов-на-Дону, Новочеркасск, Таганрог, Новошахтинск.

■ В течение нескольких веков **область Войска Донского являлась самостоятельным республиканским государством**, основу которого составляло казачье самоуправление. Дон был постоянным союзником Московского царства, но официально вошел в его состав лишь в XVII веке.

■ На территории современной Ростовской области родились писатель **Антон Чехов**, маршал **Семен Буденный**, актер **Ростислав Плятт**.

■ Долгое время на Дону не было своей епархии Православной Церкви, а духовенство составляли вдовые священники из Москвы и монахи из Киевской митрополии, прибывавшие сюда по просьбе казаков. Это обусловило особые традиции церковного устройства на Дону. Долгое время священники здесь либо напрямую избирались казачьим Кругом, либо проходили обязательную процедуру одобрения с его стороны. Приходы имели широкую автономию, так как связь с правящим архиереем у их настоятелей была осложнена расстояниями и напряженной обстановкой в регионе. Ситуация начала постепенно меняться лишь в XVII–XVIII веках. ■

«РОСТОВ-НА-ДОНУ. Какие ассоциации у Вас возникают, когда Вы слышите название этого города?»

Место проведения опроса: Россия, все округа. **Время проведения:** 30 апреля 2008 года. **Заказчик:** Журнал «Фома». **Исследуемая совокупность:** экономически активное население России старше 18 лет. **Размер выборки:** 1 000 респондентов.

«Река Дон» — 15%

«Великий город на Великой реке!»;
«Волга-матушка, Дон-батюшка»;
«Красивая река. Хочу купаться!»;
«Ночная река смотрит в небо, отражая и забирая себе свет всех звезд. Что она видит или видела когда-то?..»

«Донское казачество» — 9%

«Город казаков»;
«Казаки с шашками»;
«Казаки. Чечня. Кавказ»;
«Казачество, хлеб-соль, богатый, хлебородный край!»

«Стихотворения, песни, поговорки, литература» — 14%

«По Дону гуляет казак молодой!»;
«В славном городе Ростове-на-Дону...»;
«Ростов-папа, Одесса-мама»;
«Роман „Тихий Дон“ Михаила Шолохова»;
«Верней нет вывода простого.
Как тут мозгами не верти:
Живее города Ростова
На нашем юге не найти!»

«Отдых, поездка к морю» — 3%

«Азовское море»;
«Через этот город поезд идет к морю»;
«До Анапы — 470 км...»;
«Отпуск. Юг. Жара».

«Краснодарский край, тепло, юг» — 12%

«Город в Краснодарском крае»;
«Город на юге России»;
«Жара и пыльные улицы»;
«Солнце, лето, вода, пляж»;
«Тепло, много фруктов и овощей».

«Бандиты» — 5%

«Бандитизм и беспредел»;
«Бандитский городок»;
«Раньше там было много, скажем так, хитрых людей»;
«Медвежатники»;
«Разбои, грабежи».

«Родина, друзья, любимые, родственники» — 7%

«Бабушка, старый дом, сад, яблоки»;
«Друзья, вареные раки с пивом на причале»;
«Город детства и юности.
Ворота Северного Кавказа.
Ростсельмаш»;
«Город предков»; «Дом родной».

«Замечательный большой город с хорошими жителями» — 8%

«Достойный город!»;
«Большой солнечный город, хорошие люди»;
«Красивый город — мосты, степь, солнце, прогресс»;
«Красивая архитектура»;
«Я хотел бы работать и жить там вместе с семьей».

«Затрудняюсь/ не хочу отвечать» — 14%

«Не был я там...»;
«Никаких ассоциаций — просто город»;
«Это что — город так называется?»

«Другое» — 13%

«Вкусные вареные раки!»;
«Белая гвардия. Деникин»;
«Милиция, речная рыба, РостСельМаш»;
«Старый мост все-таки красив...»;
«Семечки, вертолетный завод»;
«Штаб Северо-Кавказского военного округа»;
«Арбузы, помидоры, клубника, рыба, черешня».

Игорь РОМАНОВ, доктор социологических наук, руководитель проекта «Берег России»

Казачий город у трех морей

Конечно, вполне естественно, что подавляющее большинство участников опроса связали город Ростов-на-Дону с рекой, на которой он находится. Это ассоциация прямая, можно сказать примитивная, заложенная в самом названии города. Но, так уж получается, что наше экономически активное население в основном слабо знакомо со смысловой географией.

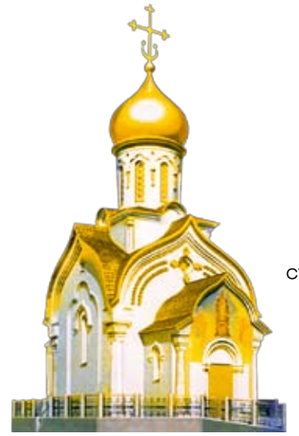
Кстати, в названии города содержится, прежде всего, имя великого русского святого Димитрия Ростовского. Об этом никто из опрошенных не вспомнил. Лишь кто-то отметил, что в городе есть православный собор: «Большой, красивый город с огромным собором на берегу Дона». Речь, по всей видимости, идет о кафедральном соборе Рождества Пресвятой Богородицы, построенном по подобию Храма Христа Спасителя в Москве. Правда, кроме этого высказывания, больше никто не упоминал о величии ростовских православных храмов.

Не многие вспомнили о том, что Ростовская земля — это исторический центр российского казачества. Эти ассоциации родились всего у 9% опрошенных.

Похоже, что память и воображение большей части респондентов рисуют Ростов как такой южный развлекательный городок на большой реке. Конечно, в некоторой степени это совпадает с реальностью. Однако, за этим теряется большой исторический, культурный и геополитический смысл этого города.

Некоторые респонденты просто допускали грубые неточности, относя Ростов-на-Дону к Краснодарскому краю, в то время как город является столицей Ростовской области и всего Южного федерального округа.

Начиная свое существование как крепость для защиты южных рубежей России, Ростов-на-Дону по сей день имеет важнейшее геостратегическое значение. Город и сегодня остается, по сути, форпостом России на южном направлении, на выходах к трем морям: Азовскому, Черному и Каспийскому. На наш взгляд, Ростов-на-Дону необходимо рассматривать как точку опоры русского Православия и геополитики России в выстраивании отношений со странами Закавказья, Ближнего Востока и Средиземноморья. ■



Особые отношения

В сентябре 2007 года в Ростове-на-Дону был заложен храм святого благоверного князя Димитрия Донского, инициаторами строительства которого выступила группа сотрудников ФСБ и милиции. Сами они признаются, что их отношение к вере и поиски Бога — сложная и серьезная тема, на которую, разумеется, наложила отпечаток профессия.

Новый храм будет расположен на территории между двумя военными госпиталями — ГУВД и ФСБ. Выбор этот не случаен. Ни для кого не секрет, что ростовские военные учреждения несут особую функцию — область была и остается ближним тылом операций на Кавказе. Да и сотрудники местных «органов» почти все имеют за плечами командировку в Чечню.

Потому, наверное, у ростовских военных, как когда-то и у казаков — особые отношения с Богом. Гораздо более серьезные.

— У меня все по классической схеме было: когда все хорошо — считаем, что Бога нет, а как прижмет — сразу же о нем вспоминаем, — говорит, не вдаваясь в подробности, полковник ФСБ **Виталий Перетокин**. — Конечно, все это не просто было. Представляете: у меня от дома, где я живу, до храма ближайшего было сто метров, а я туда несколько дней шел. Сделаю пару шагов, останавливаюсь и думаю: «Что я там делать буду? Что я туда, вообще, тащусь?», назад отступаю. Потому вспоминаю знакомых верующих, серьезных, уважаемых людей, снова думаю: «Видимо, есть там что-то, если неглупые люди туда ходят...» Вот так вот еле к храму и дошел.

Строительство церкви при военном учреждении воспринимается сегодня как дань новой традиции и не более того. Обычно принято считать, что его строители занимаются этим для галочки, а стройка превращается в «обязаловку» для всех. В данном случае это не так. Самой стройкой увлеченно занимаются сравнительно небольшая группа сотрудников, но эти люди действуют вполне осознанно.

— У нас несколько целей, — признается Виталий Перетокин. — Первая —это, конечно, объединиться в едином приходе с нашими верующими коллегами. Все-таки у нас есть своя специфика, свои особые проблемы и, наверное, вместе нам бы было их легче решать. Второе, и не менее важное: это покаяние. Тяжелый шлейф, который тянется за нашей организацией, никуда со временем не делся. Да, лично мы не имеем никакого отношения к тому, что происходило в 30-е годы, и тем не менее, строительство храма для нас тоже своего рода молитва о прощении наших коллег и попытка найти нашему ведомству новое место в новой России. Ведь если храм станет настоящей общиной — это будет прекрасно. Мы ведь замечательно понимаем, что происходит вокруг. Я сам и мои коллеги, люди старшего возраста, начинали свою карьеру еще в КГБ СССР. Нам уже трудно изменить себя, да и 90-е с их развалом нам всем тоже прекрасно памятны. Потому наша надежда — исключительно на молодое поколение. Может быть, благодаря нам наши молодые коллеги станут лучше нас.

Инициатором строительства храма стал лично начальник Управления ФСБ по Ростовской области генерал-полковник **Николай Бритвин**.

— Я бы не назвал себя глубоко воцерковленным, — говорит он. — А что касается храма… Знаете, еще лет семь назад человек, сидящий в моем кресле, посчитал бы бредом эти слова, но сегодня я могу твердо сказать: да, в ФСБ есть по-настоящему верующие сотрудники. Возможно, их немного. Но, откровенно говоря, им я особенно доверяю, знаю, что эти люди будут честно служить стране, а не самим себе. Точно так же, я прекрасно понимаю, что в Церковь никого нельзя загнать строем. Отношения с Богом — глубоко личный процесс, а уж для военного человека, тем более, прошедшего экстремальные обстоятельства, он становится особенно важным, и в то же время сложным. Но все-таки мне бы хотелось, чтобы в будущем у наших ребят была возможность сплотиться вокруг своей веры, без которой невозможно представить тысячелетнюю историю и будущее России. Я уверен, что Православие поможет не только им, но и всей нашей стране. ■

На рисунке – макет будущего храма святого благоверного князя Димитрия Донского.

На площади в станице Старочеркасская выставлены на всеобщее обозрение ворота турецкой крепости Азов — главный трофей казачьего похода 1637-43 годов. Тогда донским и запорожским казакам удалось силами восьми тысяч бойцов не только захватить стратегически важную крепость, но и удерживать ее в течение шести лет, обороняясь от превосходящих их в разы турецких войск.

Казаки...

В поисках своего будущего

Казачья культура Дона — уникальное и мало исследованное явление. Вопреки гонениям и кровавым войнам, ей удалось сохраниться, пройдя через XX век. Но сегодня ее существованию угрожают новые опасности. Впервые для казаков главное — не сразиться с внешним врагом и даже не выстоять в гонениях, а понять самих себя и найти ту основу, ради которой казачество существует сейчас, в России XXI века.

Вопреки истории

Вечером на улицах станицы Старочеркасской включают декоративные фонари. Мир вокруг поражает своим спокойствием и ухоженностью. Люди при встрече здороваются друг с другом, дети играют возле местной достопримечательности — на центральной площади здесь до сих пор лежат ворота турецкой крепости Азов, которые казаки привезли сюда как трофей еще в XVII веке. Никаких следов кризиса.

Но стоит немного вникнуть во внутренний ход ее жизни, как становится ясно: Старочеркасская живет, в основном, прошлым. Некогда столица Донского государства, сегодня она все больше напоминает памятник самой себе. Ее храмы до сих пор стоят закрытыми, территорию Старочеркасского монастыря монахи делят с музейщиками. Последние установили в монастырском дворе сцену, на которой проходят шумные концерты, собирающие вокруг толпы распивающей пиво молодежи…

История Старочеркасской — история всего донского казачества. В начале XIX века станица утратила статус столицы, а казачество к тому времени уже потеряло большую часть былых вольностей. Еще через сто лет она оказалась и вовсе опустошена.

«Расказачиванье» шло по всему Дону, но в низовьях, рядом с Ростовом, советская власть добилась особо высоких показателей. Большинство нынешних жителей Старочеркасской — потомки тех, кого переселили сюда из России и с Украины, чтобы закрыть «демографическую» дыру, возникшую после тотального уничтожения казаков. Репрессии 20-30-х годов оставили здесь не более десяти процентов коренных жителей.

К тому времени, казалось, можно уже забыть о казачестве. Сделано для этого было немало. Репрессии, гонения на Церковь, попытка выкорчевать все, вплоть до бытовой культуры — даже за ношение типичной здесь одежды, казачьих штанов с лампасами, полагалась статья. Все это подчеркивало, что новой власти казаки не нужны.

Разумеется, так было до лета 41-го…

Мы застали его как раз, когда он возвращался с работы.

— Можно вас сфотографировать?

— Пожалуйста! Но, может, я тогда переоденусь схожу? Что мне в рабочей одежде-то позировать?

Получив наше согласие, он удаляется и через какое-то время предстает перед нами в парадной казачьей форме, буквально преобразившей владельца. Обычный сельский дедушка превратился в кошевого атамана** станицы Старочеркасская.

Как настоящий казак, форму он надевает лишь по случаю: на праздники и в храм, где помогает в алтаре. Говорит, сперва стеснялся ходить так на службу, думал, что это будет как-то слишком вычурно. Но настоятель сам попросил приходить в традиционном мундире, ведь это — тоже своего рода символ, связующее звено между прошлым и настоящим.

— Сейчас много ряженых, никто же не мешает тебе пошить форму и сказать что ты — казак, — говорит Владимир Павлович. — Но казака свои всегда узнают. Вот я в Москве недавно был, там на службе в храме казаки кубанские были — сразу видно, что настоящие.

— А как это понять?

Кадеты Новочеркасского казачьего корпуса после занятий стрелковой подготовкой.

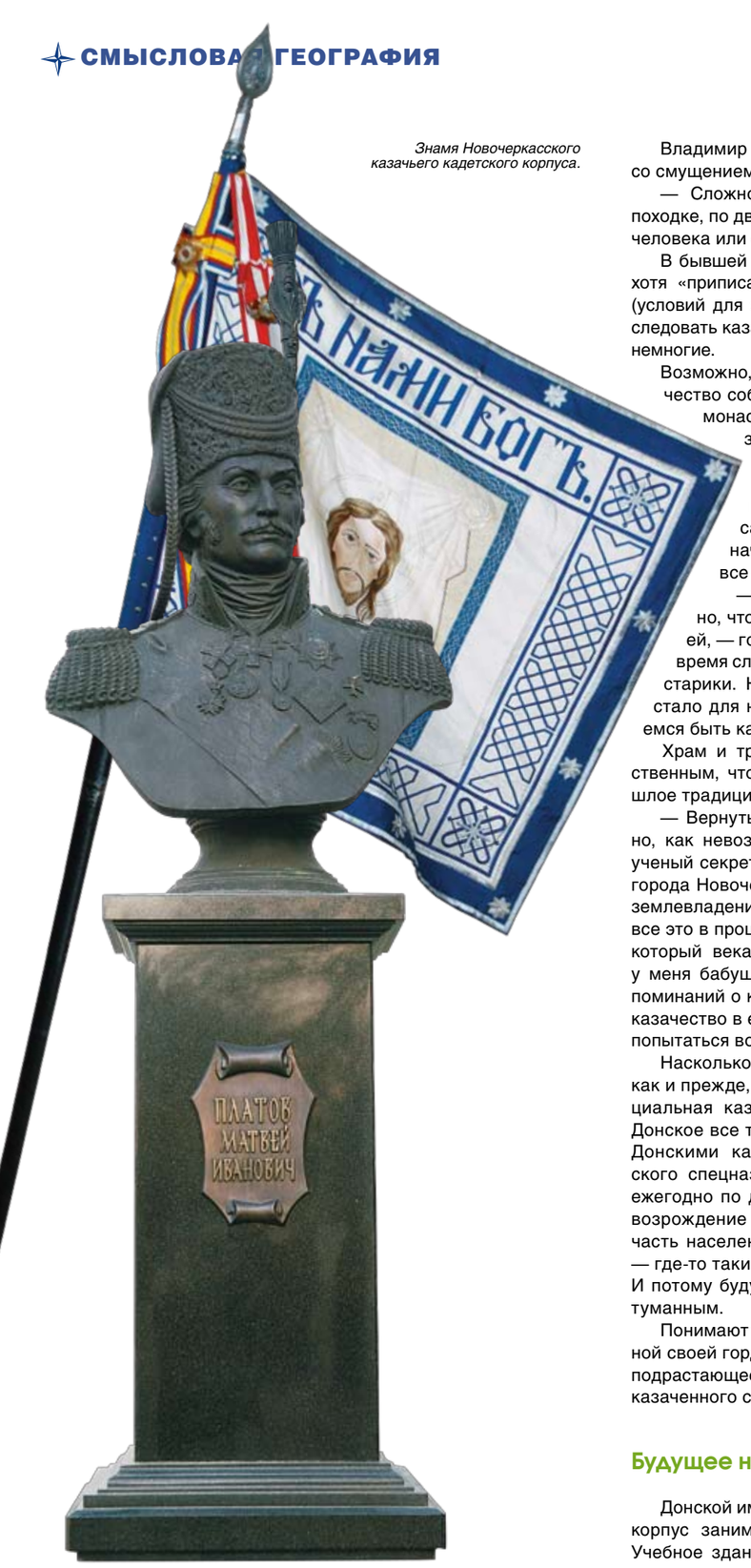
В войну Пятый Донской казачий кавалерийский корпус прошел от Кизляра до Альп. Его бойцы, казаки-добровольцы, буквально забросали своими трупами наступавшие на Сталинград немецкие части. На лошадях с гранатами бросались в атаку — и побеждали. Среди бойцов корпуса — одиннадцать Героев Советского Союза.

Военные подвиги, да пожалуй, еще знаменитый «Новочеркасский расстрел» 62-го года, крупнейшее послевоенное восстание рабочих против советской власти* — лучше всего характеризуют «казачий дух» с его готовностью умереть за родину, но не пойти на поводу у государства. Тот самый загадочный менталитет, который на сотню лет пережил казачье сословие и казачье землевладение, спокойно обошелся без внешних атрибутов вроде формы, лошадей и прочего…

— Это у меня вместо коня, — шутит, подъезжая к нам на велосипеде, **Владимир Павлович**, пожилой мужчина с аккуратной седой бородой. Родовитый казак (старые казачьи семьи, как настоящая аристократия, ведут учет своим предкам) он с первого дня работал над восстановлением монастыря, открывшегося в Старочеркасской в 90-х годах, а сейчас трудится там же, занимается подсобным хозяйством.

*«Новочеркасский расстрел» — события 1-2 июня 1962 года, когда повышение цен на продукты питания и одновременное снижение расценок за работу вызвало беспорядки на Новочеркасском электровозостроительном заводе. При попытке захватить здание горкома толпа восставших рабочих была расстреляна войсками. По приблизительным данным погибло 24 человека. — *Ред.*

**Кошевой атаман — традиционное название руководящей должности в казачьих общинах. — *Ред.*



Матвей Иванович Платов — атаман Донского казачьего войска, герой войны 1812 года. Участвовал во всех войнах конца XVIII — начала XIX века.

Знамя Новочеркасского казачьего кадетского корпуса.

Владимир Павлович задумывается, потом признается со смущением:

— Сложно сказать. Мы это просто чувствуем: по походке, по движениям, по выражению лица. В душе это у человека или он просто притворяется…

В бывшей столице Дона казаков осталось немного. И хотя «приписаться» к казачеству может любой человек (условий для этого два: православная вера и готовность следовать казачьим правилам), пополнить их ряды спешат немногие.

Возможно, поэтому почти все старочеркасское казачество собралось в одном месте — оно работает при монастыре, благо дел там хватает. Большая часть зданий уже восстановлена, сейчас возрождается подсобное хозяйство.

С появлением монахов жизнь станичных казаков изменилась кардинально. Хотя сами они честно признаются: многие из них начали ходить в храм уже в возрасте и еще не все понимают в Православии.

— Почитайте Шолохова, там хорошо показано, что случилось с казачеством перед революцией, — говорит Владимир Павлович. — Молодежь во время службы стояла на улице, в церкви были только старики. Наверно, это отпадение от Православия и стало для нас роковым. Так что сейчас все мы стараемся быть как можно ближе к монастырю.

Храм и традиции военной службы оказались единственным, что связывает казаков с их уходящей в прошлое традиционной культурой. Но так ли это мало?

— Вернуться к былому казачьему укладу невозможно, как невозможно вернуть назад XIX век, — считает ученый секретарь «Музея истории Донского казачества» города Новочеркасска **Любовь Несмеянова**. — Казачье землевладение, функции особого служивого сословия — все это в прошлом, а без этого невозможен уклад жизни, который веками формировал казачий менталитет. Вот у меня бабушка — казачка, в нашей семье много воспоминаний о казачьем прошлом, но что из того? Поднять казачество в его исконном виде уже нельзя. Можно лишь попытаться возродить его дух…

Насколько это так — судить сложно. Все-таки Дон, как и прежде, остается опорой страны, а нынешняя официальная казачья организация — Всевеликое Войско Донское все так же служит кузницей армейских кадров. Донскими казаками гордятся подразделения армейского спецназа, ВМФ и кремлевский полк, в который ежегодно по договору поступает пятьдесят казаков. Но возрождение казачьих традиций охватило лишь некую часть населения в прошлом полностью казачьего Дона — где-то таких людей оказалось больше, где-то меньше. И потому будущее казачества, действительно, остается туманным.

Понимают это и сами казаки. Возможно, потому главной своей гордостью и надеждой они все чаще называют подрастающее поколение, свободное от стереотипов рассказаченного советского прошлого.

Будущее не без прошлого

Донской императора Александра III казачий кадетский корпус занимает бывшее здание детского интерната. Учебное здание, похожее на обычную школу, столовая, спортивная площадка… Ребята учатся здесь, начиная с седьмого класса, живут на казарменном положении целую неделю, на выходные уезжают домой.

Кроме стандартного набора дисциплин обязательны военная и интенсивная физическая подготовка. Стрелять и собирать автоматы учат всех, кавалерийские навыки преподают по желанию для небольшой группы. Умение ездить верхом для молодых казаков уже не самое главное.

Куда больше внимания уделяют здесь истории Дона и обязательным для всех учащихся «Основам православной культуры». На территории корпуса собираются строить свой храм, а пока водят ребят в соседний, настоятель которого является официальным духовником корпуса. Преподаватели с удовольствием рассказывают о том, что среди кадетов немало тех, кто искренне ходит на церковные службы, исповедается и причащается.

Впрочем, точно также никто не отрицает и того, что Православие здесь — это в первую очередь элемент воспитания.

— Вера — обязательная часть нашей традиции, — говорит руководитель корпуса казачий полковник **Юрий Филеев**. — А традиция для нас особенно важна, ведь девиз казаков — «Верны заветам старины». Родина, Православие, Дон... Я уверен, что эти идеалы сохранились до сих пор. Сегодня для возрождения казачества нам надо взять наше прошлое и приспособить к будущему. Тогда казаки займут свою нишу в российском обществе.

Всего на Дону одиннадцать казачьих кадетских корпусов. Новочеркасский корпус — один из старейших, он был основан 1991-м, а полноценную работу начал в 93-м. Как рассказывают жители города, первый набор в него не вызвал особого энтузиазма — его почти полностью составили сироты, чьи родители погибли в Приднестровском конфликте.Зато уже через год самих новочеркасцев, желающих отдать детей в корпус, оказалось так много, что возник серьезный конкурс.

Держится он до сих пор — сегодня на одно место в корпусе претендует около десяти человек. За это время прошло уже одиннадцать выпусков, и хотя поговаривают, что уровень знаний здесь не так уж и высок, среди бывших кадетов немало людей с двумя высшими образованиями и кандидатов наук, но нет ни одного уголовника.

Секрет успеха казачьего корпуса прост: ребятам в нем дают то, чего больше всего не хватает сегодня молодежи, особенно в провинции — цель и умение к ней двигаться, невзирая на внешние обстоятельства.

— Самое сложное, когда приходят родители, чаще всего матери-одиночки, и просят взять ребенка, которого они уже порядком запустили, — говорит офицер-воспитатель **Павел Трофимов**. — Проблема в том, что наша система подразумевает поступление сюда ребят в возрасте десяти-двенадцати лет. Тогда пареньку нравится наш армейский распорядок, наши традиции, для него это своего рода игра. А в десятом классе корпус для него — ссылка. Ему трудно здесь, нам трудно с ним, а родители не хотят его забирать, как бы он ни угрожал, что сам сбежит — ведь им больше некуда его деть...

Юрий Филеев особенно гордится тем, что его корпус стал кузницей кадров для армии, хотя и тех из кадетов, кто выбрал гражданскую стезю, не осуждает.

— В первом выпуске немногие выбрали военную карьеру после выпуска, сейчас таких большинство, и это нас радует. Но все-таки наша главная задача — воспитать человека, преданного своей стране, а уж будет он военным или гражданским служащим — это не так важно, — говорит он.

В отличие от общеобразовательных школ в корпусе не боятся слова «воспитание». Наоборот, здесь повторяют его регулярно, может быть, даже слишком часто. Это ➥

Перед началом крестного хода «Под звездой Богородицы». На Дону казаки традиционно помогают в организации и охране всех крупных церковных мероприятий.

своего рода реакция на окружающий мир, из которого сюда приводят «запущенных» детей.

И воспитание здесь свое, особое.

— Мы не просто кадетский корпус, наша цель — не просто военная подготовка, — говорит заместитель по учебно-воспитательной работе начальника корпуса **Владимир Косинков**. — Для нас важно, чтобы традиция жила. Вот сейчас модно ходить в храмы, исповедоваться даже. Но нужно ведь жить христианством, а это совсем другое! И казачество — это тоже, прежде всего, особенный образ жизни и мысли. Нельзя просто нацепить на себя эмблемку, штаны с лампасами и считать себя казаком. Мы вот были в другом корпусе, ведь казачьих корпусов по России семьдесят штук! Заходим там в столовую, ребята наши встали, начали молиться, как это у нас принято, а местные на них глазами огромными смотрят как на клоунов, даже те, кто в кухне был, прибежали. Казаки, называется! У нас тут на Дону таких тоже хватает, поверьте… Но это на их совести, а вот наши ребята будут настоящими.

Девочка из младшей группы ансамбля «Лазорики» в традиционном русском костюме.

Весной Дон широко разливается, однако в остальное время значительно уступает в размере другим крупным рекам, к примеру, Волге. Однако это не мешает ему оставаться важной судоходной артерией, способной пропускать крупные суда класса «река-море».

Лазорики

Официальный юношеский войсковой ансамбль Всевеликого Войска Донского «Лазорики» репетирует в недрах огромного здания ДК «Ростсельмаш». Найти их оказалось непросто: сперва пришлось побродить по этажам, лестницам и переходам.

Просторный танцевальный зал, отведенный для репетиций, оказался проходным, через него регулярно сновали дети из кружка, который занимался в соседней комнате. Старшая группа «Лазориков», состоящая исключительно из девушек, отрабатывала танец с казачьими шашками.

— Вполне традиционный женский казачий танец, — объяснила их руководитель **Елена Балышева**. — У нас так всегда на Дону было: мужчины шли на войну, жены оставались с детьми, готовились, если что, защищать дом. Вот и в ансамбле у нас так же вышло. Мальчишки от нас рано уходят: делать карьеру, чтобы содержать семью. Зато девчонки почти все остаются. Денег в ансамбле, сами понимаете, немного. Приходится на свадьбах петь, в ресторанах… Хотя, знаете, нас это не сильно расстраивает. Если люди хотят народную песню вместо попсы слушать — это разве плохо?

Лазорик — донской степной тюльпан. В свое время с подачи Шолохова был занесен в «Красную книгу»: к середине XX века их почти не осталось. И только последние несколько лет что-то в природе опять изменилось, так что лазориков опять стало больше.

Теперь каждую весну, как и сто лет назад, степи вокруг Дона расцвечивают красные тюльпаны.

Елена Балышева верит, что, подобно цветку, не пропадет и казачья песня.

— У нас фольклор не любят, потому что не знают, — говорит она. — Вот скажешь: «народная песня» — и все сразу Кадышеву представляют. Люди и не подозревают, какая глубокая у их народа культура, какая она разнообразная, а ведь это зеркало нашей истории и нашей души.

Действительно, казачья песня — настоящий памятник не только культурный, но и исторический. Возможно, потому в советские годы от него и старались оставить лишь некую «фасадную» часть. Конечно, веселые песенки и бойкий танец вприсядку (не в пример степенному хороводу северной России) — все это было и остается важной частью казачьего фольклора. Но еще больше в нем песен о войне, о смерти, о разлуке с домом, о Боге…

Казачий фольклор — политически актуален по сию пору. Он хранит память о веках свободного демократического государства, оплаченного большой кровью. «Право» крепостного можно было получить просто так, право на Дон — нужно было завоевать. И казачья песня — живое свидетельство этого. — Мы ездим по дальним станицам, там все еще поют такие казачьи песни, — говорит Елена Балышева. — Да, это уходящая культура, но ее нужно помнить. Во-первых, чтобы понять само казачество, история которого не сводилась к одним лишь войнам и кровопролитиям. А, во-вторых, потому что казачий фольклор вполне может стать основой для современного искусства, получить развитие. Думаю, если мы не позволим прерваться традиции, найдем для нее новые формы, она еще сыграет свою роль в российской культуре.

Слово без определения

— Жаль, что казаки опоздали, — говорит руководитель отдела по работе с казачеством Ростовской епархии **священник Вадим Толмачев**. — Они были особенно нужны в 90-е, когда в государстве царил раздрай. Казачество с его опытом настоящей демократии, умением отличать волю от анархии могло бы сыграть тогда важную роль. Но оно само переживало кризис. Отовсюду набежали бандиты и политические проходимцы, нацепили бутафорскую форму, попытались встать у руля казачьего движения. Такое «казачество» уже в прошлом, но и ситуация в стране изменилась: государство стало сильнее. А история учит, что казаки нужны России, когда она слаба и беззащитна. Сильной империи с ними бывает трудно. Так что главное для казачества сегодня — найти себе подходящее место в новых условиях, да и просто найти себя.

Сам отец Вадим сравнивает современный период казачьей истории с сорокалетним хождением евреев по пустыне. Говорит, что ему еще долго придется изживать свое прошлое: безумные 90-е, а, главное, безбожие советской эпохи, которое до сих пор бьет по казачеству.

В свое время именно Православие стало цементом, соединившим донских казаков. Вера превратила разрозненные разноплеменные ватаги вольных людей в единый народ, со своим укладом, своей культурой и традициями.

Сегодня и культура, и традиции остались в прошлом.

Казачество вновь удерживает только одно — Православие. Беда лишь в том, что люди зачастую уже не понимают, что это такое.

— Для многих казаков Православие — это своего рода средство самоидентификации, а не вера в Христа, — говорит руководитель молодежного отдела Ростовской епархии **священник Сергей Красников**. — Они видят в нем только традицию, и это мешает им верить. Увы, с этим уже ничего нельзя сделать. Серьезно перевернуть жизнь тех, кто вырос в безбожные годы, мы уже не сможем, а потому главная наша надежда все-таки на подрастающее поколение, которое воспитывается в новой среде и может сознательно прийти к вере, о которой знает с детства. Конечно, это сложнее, чем просто назваться «православным по рождению», и к настоящему глубокому пониманию веры придут не все. Но христианство перестанет быть мертвой буквой традиции, оно оживет. Никогда не было такого, чтобы казачество поголовно состояло из глубоко воцерковленных и крайне благочестивых людей. Но те, кто верил по-настоящему, всегда занимали особое место в казачьей истории и во многом формировали ее. Это заметно уже сейчас по молодым верующим казакам. Скажем, у нас на приходе очень много таких ребят, и все они прекрасные, умные и очень честные люди, для которых вера — не просто традиция…

Казаки — загадка современной этнографии. Во времена Российской империи казаков считали особым сословием, а их историю возводили исключительно к беглым крестьянам северной Руси. Сегодня все чаще говорят о казаках как об отдельной национальности или, точнее, субэтносе. Причина тому проста — сословий больше не существует, и определить, что же такое казак, достаточно сложно.

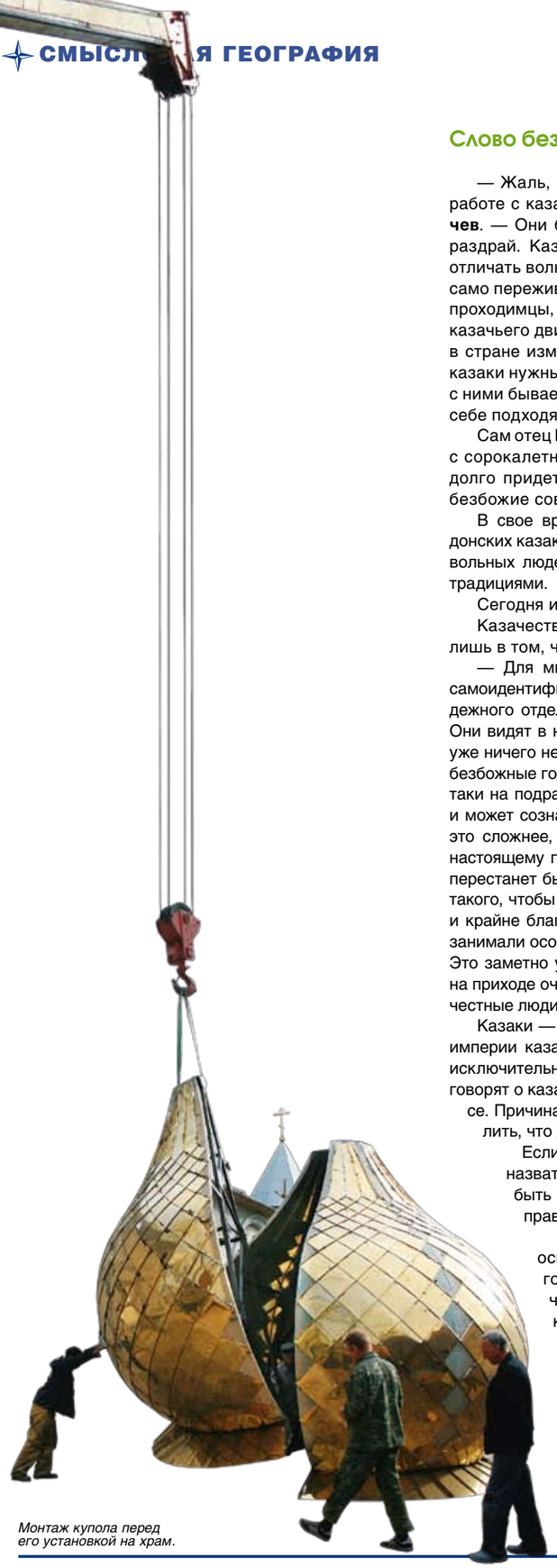
Если подойти к вопросу чисто номинально — казаками может назвать себя большая часть нынешних ростовчан. Но можно ли быть казаком просто по праву рождения, не живя по казачьим правилам, оторвавшись от казачьих традиций?

«Слава Богу, мы — казаки!» — старый девиз, лежащий в основе самоопределения этого уникального общественного и исторического явления. Но сегодня жить лишь этими четырьмя словами уже невозможно. Как невозможно стать казаком, просто сшив себе бутафорскую форму.

— Казак — в первую очередь православный патриот, — любят говорить на Дону.

И в прошлом веке казаки смогли доказать свой патриотизм вопреки государственным преследованиям и общественному презрению. Впереди самое главное — доказать свою веру. Не столько окружающим, сколько самим себе. ■

Алексей СОКОЛОВ
Фото Владимира ЕШТОКИНА



Монтаж купола перед его установкой на храм.

Пространство культуры

Высшее образование души

Ярослав СКВОРЦОВ о работе преподавателя и профессии журналиста

Бард Александр Дольский утверждает: «Чтобы судьбу, как задачку, решить, мало постигнуть азы мирозданья. Есть еще образованье души — самое высшее образованье». Эти строчки декан факультета международной журналистики (МЖ) МГИМО Ярослав СКВОРЦОВ процитировал в разговоре о преподавании в вузе. Как должны между собою соотноситься профессионализм и мировоззрение будущего журналиста? Об этом и многом другом — наш разговор с преподавателем, который больше журналист, и журналистом, который больше преподаватель.

Фото Олега Черёмина

Ярослав Львович СКВОРЦОВ родился в 1967 году в Москве. Окончил факультет Международной журналистики МГИМО (У) МИД СССР в 1989 году. Работал обозревателем по странам Западной Европы в редакции «Литературной газеты»; обозревателем, заместителем редактора, а позже — редактором отдела финансов в издательском доме «КоммерсантЪ»; заместителем главного редактора в газетах «Русский телеграф» и «Время новостей». Руководил Московским бюро журнала OST in WEST (Мюнхен, Бавария), был членом редакционной коллегии журналов «Компания» и «Популярные финансы». Сотрудничает с рядом интернет-ресурсов, альманахом «Лаборатория рекламы, маркетинга и Public Relations, а также еженедельником «Огонек». Член редсовета журнала «Фома». В 2004 году стал одним из основателей учебного центра РАМИ «РИА Новости». С 2001 года — заместитель декана факультета Международной журналистики МГИМО, с 2005 года — декан. Лауреат премии Союза журналистов России за лучшее журналистское произведение на экономическую тему 1993 года, премии Ассоциации российских банков 1999 года. Кандидат социологических наук. Владеет немецким, английским, французским языками. Женат, имеет сына.

Между человеком и профессионалом

— Сегодня много говорят о том, что образование превращается в технологическое обучение студента навыкам, а воспитательная составлающая уходит. Как Вы к этому относитесь?

— По поводу этой тенденции часто высказывают опасения. Но знаете, есть и другая сторона. Любой преподаватель может очень легко оправдать свою некомпетентность примерно так: «Не пристало мне заботиться о навыках... Придумывать заголовки, работать в кадре, верстать газетную полосу — всему этому студента научат на практике! Мы же в высшей школе должны вложить в него душу...»

— То есть, с Вашей точки зрения, воспитания в образовании быть не должно?

— Ну почему же? Воспитательная составляющая, безусловно, должна быть в образовании. Потому что образование — это процесс созидания новых навыков, новых знаний — а значит, и новой личности. Просто между передачей навыков и мировоззрением должно быть равновесие. Не бывает такого, чтобы преподаватель, читая лекцию, говорил: это имеет отношение к обучению, а это к воспитанию. А мы почему-то хотим, чтобы либо одно, либо другое. «Что Вы делаете, зачем Вы учите его держать напильник? Вы душу в него вложите». Или: «Расскажите ему, что такое молоток — больше от Вас ничего не требуется».

— А как в таком случае воспитательная составляющая реализуется?

— Там, где возникает человеческий фактор, возникает и воспита- ➥

Фото Елены Головань

Пространство культуры

тельная составляющая. Потому что система отношений «учитель-ученик» изначально предполагает, что «крошка сын к отцу пришел». То есть человек пришел с чем-то конкретным, с какой-то целью. И здесь огромную роль играет личность преподавателя: ведь образование души осуществляется через общение с человеком. С учителем, который может быть примером, авторитетом. А вот для того, чтобы такое право быть наставником заслужить, учителю нужно исполнять те функции, которые изначально приписаны работе преподавателя — обучить тонкостям своего ремесла. Научить каким-то конкретным навыкам и вещам. Рассказать, поделиться, делая это искренне, неформально.

Среди преподавателей бывают разные люди. Для одних звонок прозвенел — и все: «Я свое отчитал. И в журнал два часа могу записать». Есть второй вариант. У преподавателя пара пропадает, он приходит в деканат и спрашивает: «Когда я могу им пропущенную лекцию прочитать?» Не в двух часах дело-то. Важно, чтобы студенты эту тему знали. Есть третий случай: это «сумасшедшие» преподаватели, которые специально остаются после работы — и проводят со студентами ролевые игры, устраивают поездки, встречи с разными людьми. У нас на факультете потребность во всем этом вылилась в появление Клуба МЖ. И все это — из желания чем-то поделиться, что-то рассказать. И такое общение как раз дает воспитательную составляющую.

— То есть разговор о ценностях может идти в формате преимущественно околоучебной деятельности?

— Не только. Ведь воспитание в вузе — это по большому счету создание правильного климата — такой обстановки, в которой человек пошлый и грубый чувствовал бы себя некомфортно. Простой пример: лектор закончил читать лекцию, вышел из аудитории — и кто-нибудь из студентов говорит: «Да уж — полное фуфло». А остальные слушают — и воспринимают подобные слова как нечто нормальное. Но очень важно, чтобы в аудитории нашелся другой студент, которого преподаватель зацепил настолько, что тот отреагирует на слова своего однокурсника: «Почему же ты это самому лектору не сказал? Почему, когда тебя спрашивают на парах, ты двух слов связать не можешь, а тут вдруг разошелся: мол, «профессор лопух — сам ничего не понимает». Знаешь, такая двуличность не делает тебе чести». Преподаватель должен постоянно «прощупывать» своих студентов. Слушать их мнения. Обсуждать их доклады. Читать их материалы. Зачем? Чтобы понять студента до конца — не просто как человека, пришедшего на пару, но и как человека вообще.

— А где та золотая середина между обучением навыкам и образованием души?

— Мне кажется, ее очень просто найти, если подходить к студенту как к человеку, которого... по-настоящему любишь. Не в том смысле, что жалеешь и закрываешь глаза на его ошибки и прогулы. Но просто хочешь сделать так, чтобы, выйдя из стен института, он не наступал на одни и те же грабли и чувствовал себя в жизни уверенно — и в профессиональном, и в человеческом плане. При таком подходе и с навыками, и с мировоззрением у него все будет в порядке.

— А насколько важна ценностно-воспитательная составляющая для журналистов?

— Знаете, часто возникает вопрос: чем должен отличаться православный врач от просто врача? Как правило, ответ дается примерно такой: «Православный врач сначала помолится, а потом станет оказывать помощь». Но если человек истекает кровью, то молиться, простите, некогда. Вернее, молиться надо — но про себя. А отличие, на самом деле, в одном: можно просто механически делать работу — удалить, зашить, прочистить, а можно относиться к чужой боли как к своей. К любой работе важно подходить с душой. А с чем ты имеешь дело: с живым пациентом или печатным текстом — вопрос второй.

За семь лет преподавания в вузе у меня было два студента, которым я в разные годы говорил одну и ту же фразу: «Молодой человек, вы будете великим журналистом. У меня к вам только одна большая просьба — нигде никогда и никому не говорите, что вашим преподавателем был я. Вы приобрели великолепные профессиональные компетенции. Но что касается человеческих качеств, под этим я подписаться не готов. Потому что *этому* я вас не учил».

— Два студента за семь лет — это много или мало?

— Думаю, много. При этом я не считаю себя максималистом.

Образование или школярство?

— Последние пятнадцать лет Россия активно пытается брать пример с Запада. Насколько эффективна эта политика в плане образования?

— Очень часто те или иные западные образовательные модели не приживаются в России. Что поделаешь — другая ментальность. Знаете, в чем разница между нашими студентами и американскими? В мотивации. Она либо есть, либо нет. На чем основана система высшего образования в США? На первое занятие лектор приносит силлабис своих предстоящих лекций. То есть конспект всех тем на предстоящий семестр с указанием основных позиций, литературы и т. д. Что будет делать российский студент? Возьмет конспект — и в следующий раз преподаватель увидит студента только на зачете... А американский? Перед каждым занятием он прочитывает предстоящую тему — и урок начинается с фразы входящего преподавателя: «Какие ко мне есть вопросы?» И студент спрашивает. И по этим вопросам видно, что он готовился к этой встрече. И что он пришел заинтересованным. И как ни странно, именно консультация — не лекция, не семинар, не мастер-класс — является самой эффективной формой обучения.

— А почему же эта система не срабатывает у нас?

— Потому что в нашем сознании слишком укоренилась такая вещь, как школярство. Главные образовательные средства при такой системе — это розги, постоянные контрольные, вызовы родителей в школу, зловещие записи красной ручкой в дневнике... Словом, это *система принуждения*. Но одного человека это дисциплинирует и заставляет быть строже к себе, а вот в другом вызывает внутренний протест. А потом вчерашний школьник приходит в институт и... для него начинается «не жизнь, а малина»: никто с плеткой не стоит, никто не заставляет, спрашивают не на каждом уроке, а раз не спрашивают, значит, можно не ходить. Ведь школярство не подразумевает добровольного обучения, не подразумевает вовлеченности ученика в процесс: написал работу, сдал — и забыл обо всем. Поэтому сегодня — к сожалению — многие студенты просто не понимают, что они хотят получить на выходе. Они заинте- ➥

Ярослав Скворцов со студентами и коллегами в Сарове. Фото протоиерея Игоря Пчелинцева

Вручение студенческих билетов, 2006 год. Фото из архива Клуба МЖ

ресованы в дипломе, а не в новых знаниях. То есть не в образовании.

— А что можно противопоставить школярству в вузе?

— Честную работу преподавателя. С этим тоже не все сегодня просто. Один пример: нынешние требования госстандарта в области образования позволяют МГИМО соответствовать этому стандарту только на пятьдесят процентов. В остальном от него можно отступать. И большинство преподавателей воспринимают это, казалось бы, вполне резонно и тоже, кстати, в духе школярства: «Вот здорово — «обязалово» свелось до половины. Все остальное — делаю как хочу». Но ведь, на самом деле, имелось в виду совершенно другое: если есть в этом стандарте то, что я могу улучшить, то ровно половина — в моем распоряжении! На пятьдесят процентов я обязан выполнить стандарт как по готовому рецепту — без отступлений. Но в остальном — я имею полное право придумать новую схему, предложить новую литературу по этой теме и т. д. И дальше этой схеме следовать. Конечно, это удвоенная, а то и утроенная работа. Но если она будет делаться, то наверное, школярство будет сходить на нет. Тогда студента можно будет «зацепить» и дать понять: ему нужно знание, а не просто диплом. Это и будет образованием. Работать так, разумеется, трудно. Но «трудно» — от слова «труд». А не от слова «усталость».

Дело чести

— Сейчас при МГИМО строится православная церковь, Вы являетесь старостой прихода. Насколько храм важен для образовательного процесса?

— Думаю, полноценно говорить об этом можно будет, только когда храм построят. Пока можно разве что поделиться некоторыми соображениями. Вы наверняка помните, какая полемика развернулась года два назад, когда было принято решение о строительстве храма при МГИМО. Многие искренне возмущались: не нарушение ли это закона об отделении Церкви от государства, не подавление ли это свободы совести? Как это так — в светском вузе — и вдруг храм? Тогда нам пришлось объяснять, почему это нужно — причем нужно не только верующим православным людям, но и вообще всем студентам и преподавателям.

Увы, многие из нас до сих пор еще живут прежними представлениями о том, что означает «светское» — для них это синоним атеистического. В советской Конституции за словами «Церковь отделена от государства» следовало дополнение «и школа от Церкви». В российской Конституции такого, однако же, нет (см. статью 14). Поэтому храм при вузе — это вовсе не нарушение закона. Вот если бы студентов заставляли его посещать и не допускали бы в противном случае до экзамена — вот тут нарушение было бы несомненным. Но ведь такая глупость никому из нас и в голову прийти не может. Вера — дело добровольное, очень личное, сокровенное.

Но студенты МГИМО — будущие журналисты и будущие дипломаты, которым предстоит защищать интересы нашей страны на мировой арене — ничего не потеряют от возможности лучше узнать духовную традицию, лежащую в основе российской культуры. А для кого-то (причем не только студентов, но и преподавателей) этот храм может стать первой ступенькой в мир Православия. Не секрет, что ищущему человеку подчас психологически очень трудно пойти в церковь: он боится столкнуться там с чуждыми ему людьми, боится по незнанию вызвать в свой адрес агрессию. Здесь же, в храме при родном университете, где прихожане — такие же студенты, ему будет проще преодолеть этот понятный барьер.

Но это — в будущем, а пока идет строительство храма. И должен сказать, что оно во многом образовывает меня самого. Объясню, почему: мы встречаем огромное количество трудностей на нашем пути. И есть бытовое понимание — возникла некая задачка, одним способом она не решается, значит, мы попробуем зайти с другой стороны. Но когда говоришь об этом настоятелю храма, священнику Игорю Фомину, он может очень спокойно ответить: «Не стоит. Еще не время. Раз все сейчас так произошло, то пока надо смириться». Конечно же, можно было бы написать бизнес-план — и года через три храм был бы построен. Но церковь — это не просто сооружение. И построить ее для того, чтобы отчитаться перед начальством, я себе позволить не могу.

В этом плане строительство храма — большая школа. На многие вещи я стал смотреть по-другому. Но относительно спокойно я вздохну только тогда, когда у храма святого благоверного Александра Невского при МГИМО появится хотя бы фундамент. И для меня это — дело чести.

Покорить космос или подмести улицу?

— Можем ли мы говорить о том, что в России на сегодняшний день сложилась система общественных СМИ?

— Думаю, не можем. В общественных СМИ должен быть слышен голос общества, но у нас сегодня он даже не угадывается. И говорить о нашем обществе, как о некоем целостном организме со своим голосом, который может быть трансформирован и передан, пока, увы, не приходится. Потому что российское общество сегодня — слишком разнородно. Просто внутри каждого отдельно взятого человека нет осознания себя как гражданина России. Как москвича или петербуржца — да. Как инженера или преподавателя — тоже. Но нет осознания себя частичкой того, что называется народом Российской Федерации.

— А что можно сделать, чтобы ситуация изменилась?

— Знаете, страховщики давно подсчитали, что человек начинает задумываться об обращении к их услугам тогда, когда его доход в месяц начинает превышать 300 долларов США. То есть когда уже есть смысл что-то страховать — велосипед, автомобиль, квартиру... И мне кажется, что общество начнет осознавать себя обществом, когда некие первичные задачи людьми будут решены. Это означает, что дети накормлены, потолок в квартире не протекает, в холодильнике есть продукты. Я разумеется, не имею в виду, что потребительские интересы ➥

всегда и во всем превалируют. Нет, конечно! Но общество обделенных и недовольных принципиально не может созидать. Это общество раздирающее, уничтожающее. Как «марши пустых кастрюль» в начале девяностых годов: люди, которые объединились по поводу общего врага и по принципу «против кого дружим», не в состоянии предложить позитивную программу. Они могут только протестовать и топтаться на месте.

— Допустим, станет у нас все хорошо в потребительском плане. Неужели сразу все изменится?

— Материальная стабильность — просто стартовая площадка. И остановиться на ней — то же самое, что сидеть в ракете, которая никогда не взлетит. Безусловно, главный шаг — это осознание себя обществом в моральном плане. Вот пример: можно по-разному относиться к немцам, но послевоенная Германия за одно поколение из нации морально подавленной превратилась в нацию, дающую повод говорить о себе с уважением. Казалось бы, нам, православным христианам, свойственно покаяние, но кто из российских лидеров за всю историю хоть раз сказал: «Простите, люди». Конечно, нотки покаяния можно услышать в выступлении Бориса Николаевича Ельцина 31 декабря 1999 года, когда он сложил с себя президентские полномочия. Вопрос неоднозначный, но все-таки, мне кажется, что говорить об этой речи как об акте покаяния не приходится. А Вилли Брандт, как мы помним, в Варшаве встал на колени — не как простой человек, а как канцлер ФРГ — и от лица немецкого народа попросил прощения за все, что было содеяно. Такое общество консолидируется вокруг осознания себя единым народом — со своим прошлым и настоящим. Со своими ошибками и со своими перспективами.

— А почему у нас так не получается?

— Владыка Георгий, архиепископ Нижегородский и Арзамасский, сказал однажды поразительно точную вещь: у русского народа есть великая миссия, которая одновременно является и его великой бедой. Мы можем «легко» покорить Енисей, построить ДнепроГЭС или первыми подняться в космос, но нам намного тяжелее покрасить забор, подмести улицу или просто убрать мусор, который мешает идти от калитки до дома. Мы не умеем жить в небольшой общине — среди самых близких. А именно с этого начинается общественное самосознание, и как следствие — сплоченное общество.

Если еще раз обратиться к старушке Европе, то там можно найти массу примеров, когда у людей есть общие интересы, которые ограничиваются очень небольшой территорией — своей областью, своим городом... Поэтому регионализация СМИ — доминирование газеты вашего края над любой общенациональной — является отличительной чертой СМИ Германии, Франции, Швейцарии... Житие в рамках тесного сообщества — вещь по-человечески вполне понятная и осязаемая. И в таком обществе будут появляться настоящие общественные СМИ.

— Существует клише, что СМИ призваны служить обществу? Вы бы согласились?

— СМИ служат не только обществу. Коммерческие СМИ, реализуя профессиональные амбиции журналистов, служат своему хозяину: и выражается это не обязательно в том, что они воплощают его мысли и его «заказ», а хотя бы в том, что отрабывают вложенный в них капитал.

Что же касается общества. Отвечая на вопрос «Служат ли современные российские СМИ обществу?» одной фразой, могу сказать: немногие и недостаточно. Но отдельным институтам отдельные российские СМИ, безусловно, служат. Например, в начале 90-х годов наблюдался небывалый подъем печатных СМИ. И на этой волне появилась газета «Инвалид». У нее было очень важное предназначение, ведь в то время тема инвалидов в обществе не поднималась: дескать, «давайте об этом не будем, чтобы не портить хорошее настроение». А в этой газете была поставлена конкретная задача: есть такое болезненное явление — и к нему надо привлекать общественное внимание. Это служение обществу? Безусловно. Но во имя кого? Во имя диалога общества и государства? Ничего подобного. Во имя диалога общества с самим собой. К сожалению, такие «ростки», как «Инвалид», очень быстро загнулись — по одной простой причине: не хватило финансовой поддержки.

— А сегодня подобные примеры можно встретить?

— Мне кажется, телепрограмма «Жди меня» — пример общественного служения. Другое дело, что на нашем телевидении таких примеров крайне мало. Что касается остального спектра СМИ: в середине 90-х годов частный коммерческий Издательский дом «Коммерсантъ» предложил обществу идею, которая жива до сих пор, — Российский фонд помощи, деятельностью которого руководит Лев Амбиндер. Журналист посредством ежедневной газеты помогает находить деньги на лечение тех, кто сам себе дорогостоящие лекарства или операции позволить не может. Причем через руки Амбиндера и его коллег деньги вообще не проходят. Он как журналист работает исключительно с информацией — делает так, чтобы тот, кто может помочь, узнал о том, кто в помощи нуждается. И сводит их. И это начинание сегодня получило продолжение. Этому же принципу сегодня следуют «Комсомольская правда», «РИА Новости». Конечно, не приходится говорить, что такие СМИ «от А до Я» занимаются только общественным служением. Но и в этом направлении они тоже усилия предпринимают.

Менять формулировки, не изменяя позиций

— А то, что принято называть «православной журналистикой», служит обществу, с Вашей точки зрения?

— Журналистика может быть православной по форме, а может быть православной по духу. Эта вторая — журналистика миссионерская. Она дипломатична и умеет гибко менять формулировки, не изменяя при этом позиций. Умеет подбирать правильные слова и ориентироваться в сложных коммуникационных ситуациях. А главное, она направлена вовне и доносит новое знание: то есть распространяет свои ценности в той среде, которая пока эти ценности не разделяет. А это — и есть миссионерство. И этого сегодня — очень мало. А вот другой журналистики — православной по форме — намного больше. Только миссионерством она не является. Потому что варится в собственном соку. Я часто оказываюсь на встречах православных журналистов — и порой у меня создается ощущение, что я попал в закрытую касту, где все разделяют общий круг интересов и пытаются друг друга еще раз в этом убедить. Узок круг этих людей. И они ничего не пытаются сделать, чтобы этот круг расширить.

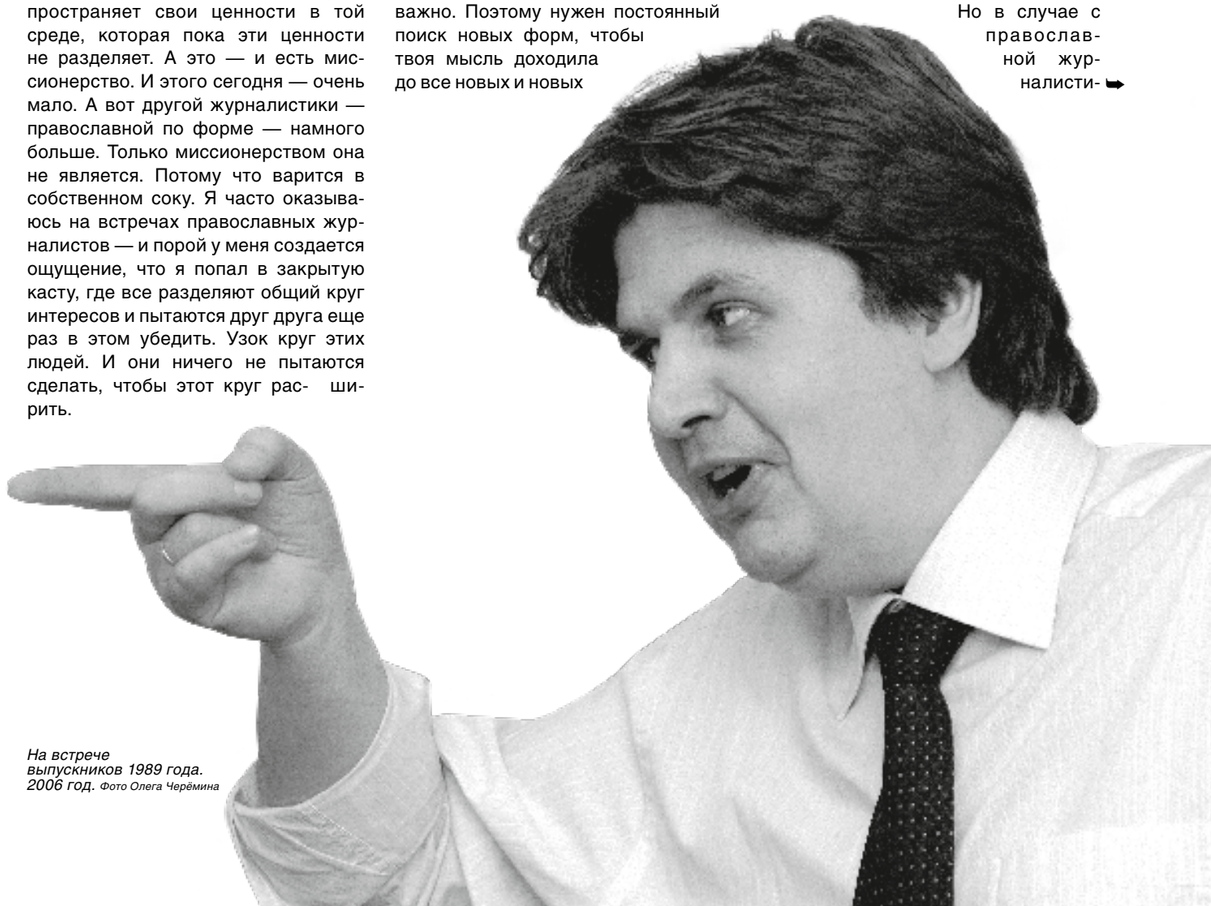
В свое время я занимался финансовой журналистикой. Нас таких на тот момент в Москве было человек пятнадцать. И вот мы собирались тесным коллективом и обсуждали собственные тексты. Однажды, когда наши жены нас слушали, одна из них спросила: «Скажите, а вы что — друг для друга все эти статьи пишете?» В православной журналистике сегодня происходит примерно то же самое. Как будто люди выпускают двадцать православных газет, чтобы читать их друг другу вслух. Но журналистика заканчивается тогда, когда образуется яичная скорлупа и круг людей, которым адресован твой текст, заранее определен. Если двадцать два православных человека соберутся, что-то обсудят, потом напишут об этом каждый в своей православной газете и это дойдет до двухсот человек, постоянно эти газеты читающих, это не будет массовой коммуникацией. Потому что новые люди сюда не подключатся. А это — принципиально важно. Поэтому нужен постоянный поиск новых форм, чтобы твоя мысль доходила до все новых и новых читателей. В журналистике должен быть не круг читателей, а открытая спираль.

К любой работе важно подходить с душой. А с чем ты имеешь дело: с живым пациентом или печатным текстом — вопрос второй.

— А как этого добиться?

— Представить себе свою аудиторию. Ведь часто бывает так: сходишь на мероприятие, заразишься атмосферой, которая там царит, и думаешь: «Ну сейчас напишу так напишу!» А потом вышел на улицу, сделал глоток свежего воздуха и понял: для твоего православного друга, разделяющего твои взгляды, такой текст подойдет. Но вот для других людей — пока далеких от твоих ценностей — такого подхода недостаточно. И твой текст в них «не попадет». И вот тут-то начинается журналистская работа: «Все считают так-то, а вот знаете, парадоскально, но факт...» И так далее. Словом, начинаешь нащупывать, как эту мысль обратить к людям так, чтобы это их «зацепило». Это вообще принцип журналистики как таковой — центральный момент ремесла!

Но в случае с православной журналисти- ➥



На встрече выпускников 1989 года. 2006 год. Фото Олега Черёмина

кой он приобретает особый смысл, потому что только в случае поиска новых решений возникает миссионерство. И тогда среди людей начинаешь слышать: «Помнишь, вчера мы с тобой на эту тему говорили? Смотри, как раз сегодня об этом пишут...»

Есть и другой момент: игра слоганами может быть ущербной. В свое время «Альфа-Банк» придумал себе девиз: «Банк для солидных клиентов». И потом кусал локти — люди просто испугались, что не впишутся в такие «рамки», и побаивались пользоваться услугами банка. А слоган в случае СМИ — это определение целевой аудитории. Но разве есть такая целевая аудитория, как православные люди? Получается, есть журнал «Пушкин» — «толстый журнал для читающих по-русски». Газета «Иностранец» — «для тех, кто уезжает навсегда, на время или остается дома». Газета «Чарка» — «для пьющих и непьющих». И журнал для православных.

Мы можем «легко» покорить Енисей, построить ДнепроГЭС или первыми подняться в космос, но нам намного тяжелее покрасить забор, подмести улицу или просто убрать мусор, который мешает идти от калитки до дома.

— А нужно ли в миссионерских целях писать на журнале, что он — православный?

— Знаете, я однажды заметил, что если в Нью-Йорке на такси есть наклейка «proud to be american», то за рулем будет обязательно сидеть какой-нибудь непалец в чалме. И о чем его ни спроси, он будет начинать свой ответ со слов: «Мы, американцы...» Это я к тому, что на обложке не обязательно писать слова «православный журнал». Это должно быть понятно просто по тому, что ты читаешь и чувствуешь: этот журнал делают православные люди. И этого не надо объяснять. Иначе может получиться, как в известном анекдоте: «Девушка, Вы москвичка?» — «Да, а шо?» С моей точки зрения, позиционирование себя как православного журнала — путь не совсем оправданый. А православная направленность должна читаться между строк. И читаться явственно. Ведь приходя в гости, мы не объявляем с порога: «Я — интеллигент в третьем поколении». Это либо заметно, либо нет.

— Вы говорите, что на обложке миссионерского журнала не обязательно писать «православный». Но как же наш «Фома», где это слово присутствует? Вы считаете это ошибкой?

— Как-то пару лет назад мы обсуждали этот вопрос с коллегами. Я тогда предложил оставить просто «журнал для сомневающихся». В чем? Да тут же «новый» читатель сообразит, в чем: посмотрит обложку, прочтет в оглавлении названия двух-трех материалов и поймет. Он же не глуп, читатель журнала «Фома», вовсе не глуп...

— Значит, православные издания, с Вашей точки зрения, — нонсенс?

— Как Вам кажется, журнал «Russia Profile» — православный? По форме — безусловно нет. Тематически — тоже. Но то, что его главный редактор — Андрей Золотов, прихожанин храма св. Татианы при МГУ, позволяет мне говорить, что этот журнал — по своему духу именно православный. Но при этом спросите кого-нибудь: «Золотов — православный журналист?» Ответят: «Да с чего Вы взяли?» И, тем не менее, я абсолютно уверен, что его можно назвать православным журналистом. И его журналистика — смыслово православная. А не формально. Потому что он на своем рабочем месте не делает ничего, что противоречило бы его мировоззрению как православного.

Или другой пример. Кирилл Харатьян — заместитель главного редактора «Ведомостей», а до этого замглавного редактора «Коммерсанта». Он по-настоящему православный журналист — то есть православный человек, который профессионально занимается своим делом — журналистикой.

— А что значит «по-настоящему православный»? В чем это проявляется?

— В том, что человек становится *иным.* Он создает вокруг себя особый климат. Что когда он уходит, ощущаешь потерю. А объяснить это... Как объяснить? А что такое, например, Божья благодать? В ощущении крыльев за спиной? Во внутренней уверенности, что тебя Кто-то ведет? Невозможно сказать — у каждого по-своему. ■

Беседовал Константин МАЦАН

Павел Иванович
НОВГОРОДЦЕВ
(1866–1924)

Любовь высекается страданием*

По православному сознанию любовь есть больше, чем обычное свойство нравственно-доброй человеческой воли: любовь есть чудо. По удачному выражению одного духовного проповедника, она или порождается продолжительным воспитанием в себе чувства добра, или высекается страданием, посещающим человека, или вымаливается у Бога молитвою. И в качестве чуда, любовь в этом смысле и творит чудеса, и невозможное делает возможным. И именно потому, что это не человеческое лишь свойство, а дар свыше, дар Божией милости. Это не просто любовь, а любовь во Христе, просвещенная и перерожденная соприсутствием Божией благодати.

«Существо русского православного сознания», 1923

*Заголовки текстов этой рубрики даны редакцией журнала «Фома».

Кино про взрослых. Но для детей

Еще раз о воспитании и морализаторстве

Что такое детское кино? Зачем оно нужно и насколько актуально в наше время? И имеет ли право кинематографист выступать в роли учителя? О детском кино сегодня и завтра размышляет сценарист и режиссер Иван ПОПОВ, автор таких детских картин, как «Котенок» и «Радости и печали маленького лорда».

Маленькие черты большого мира

— Что такое, в Вашем понимании, детское кино как жанр?

— Это такое кино, которое детям доступно. Вернее, которое доступно и детям тоже. Потому что кино все же не должно быть «узкопрофильным», это искусство с очень широкой сферой действия. И если ставится задача снять кино для детей, а фильм оказывается интересен и взрослым — это большая удача режиссера.

— А как Вы в процессе съемок понимаете, что будет доступно детям, а что нет?

— Я для себя определил своего потенциального зрителя. Это — мои собственные дети. У меня их пятеро. Старшему сейчас 25 лет, младшему — десять. Как видно, разница значительная. Старший уже даже и не ребенок. И все же я думаю о том, как отзовется та или иная сцена в сердце каждого из них. Иногда даже отрывки им показываю, чтобы понять, в том направлении двигаюсь или нет.

— Насколько важно для детского кино присутствие на экране ребенка в качестве действующего лица?

— Знаете, можно снять замечательное детское кино, где не будет ни одного ребенка-персонажа и, как следствие, ни одного ребенка-актера. Я, например, сейчас снимаю фильм про Царевну-лягушку. Думаю, что получается именно детское кино: сказочный сюжет как минимум — уже отсылка к вполне конкретной аудитории. Но в этом фильме детей нет и быть не может. Это, если угодно, кино про взрослых. Но для детей.

Мне порой приходит мысль, что смотреть на себя самих на экране детям хочется в последнюю очередь. Своих сверстников и свойственные им отношения они могут увидеть и в школе. И наоборот: детям очень важно понемногу открывать для себя взрослую жизнь. Она, мне кажется, вызывает у них самый живой интерес. Именно приоткрытие большого мира в доступной для детей форме и делает ту или иную картину детским кино.

Фото Владимира Евтюкина

Иван Александрович ПОПОВ родился в 1960 году в Москве. Режиссер, сценарист, художник. Окончил Московский полиграфический институт по специальности «художник-график» и Высшие курсы сценаристов и режиссеров (мастерская В. Меньшова, 1993 год). Автор картин «Басурман», «Котенок», «Украденная сила», «Радости и печали маленького лорда». Женат, отец пятерых детей.

Американские мальчишки с раннего детства имеют свой бизнес — и очень этим гордятся. Кадр со съемок фильма. Фото предоставлено компанией «Профит»

— А какие черты большого мира открывает детям фильм «Радости и печали маленького лорда»?

— Я не ставил бы вопрос так конкретно. Просто маленький зритель этой картины видит странный мир, который существует по своим законам. Есть взрослый человек, старый английский лорд, дед юного героя, загородившийся от всех и вся. Он должен растопить лед в собственном сердце. И для него это — подвиг. Есть мама мальчика, которую любовь к сыну заставляет, с одной стороны, привезти его в Англию, чтобы он мог получить нормальное образование, а с другой — согласиться на «пытку»: видеть сына раз в неделю и понимать, что свекор ее презирает. И для ребенка здесь многое непонятно. Почему он не может видеться с мамой чаще? Оказывается, в душе дедушки есть противоречивое чувство, понять которое ребенок не в силах. Ведь оно рождено в мире, где слишком много бытового и социального. То есть наносного. Но эту противоречивость — оказывается! — может снять искренность детского сердца, которое живет по закону неподдельной любви...

Ненормальная норма

— В чем, с Вашей точки зрения, заключается принципиальная особенность детского кино?

— В детском кино очень важно, чтобы восприятие шло не только от головы, но еще и от души. Это, конечно же, важно для любого фильма. Но для детского — особенно. Ребенка в чем-то сложнее «зацепить», чем взрослого. Мы в этом плане более «всеядные», а дети на эмоциональном уровне — публика намного более требовательная.

Знаете, вспоминаю, как снимал свою первую детскую историю — фильм «Котенок». Уже на этапе работы над сценарием я четко понимал, в какие моменты зрители должны испытать наибольшее эмоциональное переживание. Четко видел, где я буду «нажимать на педаль», чтобы зал «загудел». Но с фильмом «Радости и печали маленького лорда» все было по-другому. Приступая к съемкам, я был просто в ужасе. Понял: в таком фильме не может быть «экшн» — никто не кричит, не бегает, не летает, особенных «кошмаров» тоже не происходит. Речь идет всего лишь о человеческих отношениях — «тихих», хотя и внутренне непростых. Идут размеренные разговоры. Один пейзаж сменяет другой. И я по-настоящему боялся, не скучно ли ребенку смотреть такой фильм. А главное — будет ли он сопереживать. На премьерном показе я страшно волновался. И больше наблюдал за залом, чем смотрел на экран. Но вроде бы все было в порядке. Та самая необходимая «реакция от души» в зале была.

— Если сюжет был нединамичный, почему же дети не заскучали?

— Знаете, книжку, по которой был снят фильм «Радости и печали маленького лорда» — повесть Френсис Бернетт «Маленький лорд Фаунтлерой», я читал когда-то давно — еще с первым сыном. И в тот момент это произведение не вызвало у меня какого-то особого интереса. Прочитал — и прочитал. И только когда мы стали работать над фильмом, у меня вдруг появился на эту историю довольно неожиданный взгляд. Я понял, что главное в ее сюжете — система правильных ценностей. Сравните, скажем, с классикой детской литературы — «Приключениями Тома Сойера». Плохое поведение, поступки «против правил» буквально воспеваются в них. И установка «делать как нельзя» становится для героев своего рода принципом жизни. Нравственным образцом. А в «Радостях и печалях маленького лорда»? Здесь все иначе. Это — история о *правильных поступках*. Мальчик сознательно делает правильные вещи: например, по-доброму разговаривает со слугами или отдает бедной крестьянской семье свою любимую лошадь. Причем так поступить приходит в голову только ему одному.

Я понял тогда, в начале съемок, что именно сейчас хочу снять кино, которое показывало бы красоту правильности. И ниша «кино о правильных вещах» практически не занята. Об этом сегодня почти не говорят. Может быть, поэтому детям и не было скучно смотреть такой фильм.

Можно ли быть моралистом

— Не боитесь, что Вас с такими установками назовут моралистом?

— Некоторый иронический оттенок у слова «моралист» присутствовал всегда, но в наше время он, увы, стал преобладающим. Если за попытку разговора о доброте можно быть удостоенным презрительной оценки — это тревожный знак... Знаете, лично мне неинтересна картина, если она говорит о чем-то, что идет вразрез с общечеловеческими ценностями.

— И, тем не менее, если бы человек сказал Вам: «Не понравился мне фильм. Не люблю, когда режиссер слишком назидателен», что бы Вы почувствовали? ➥

— Все зависит от того, что побуждает его говорить так. Возможно, у него просто жизненный этап такой: то, что я показываю, ему неинтересно. Сейчас это кино не для него. И это — нормально.

Но бывает и по-другому: попытка сказать о том, что объективно является правильным, встречает отторжение — в силу уже сложившейся у человека системы ценностей. Системы, которая противоречит всем нормам. Но он не хочет с ней расставаться, а все прочее воспринимает как покушение на личную свободу.

— Готова ли публика сегодня воспринимать «кино о правильном»?

— Сегодняшняя публика, конечно, с большей охотой пойдет смотреть комедию или боевик. Но это не означает, что режиссерам, которые хотят делать другое кино, надо прекратить заниматься профессией. Если хотя бы в кого-то добрый фильм попадет — это уже немало. Живая эмоция режиссера обязательно «зацепит» зрителя. А формально «залакированный» фильм даже самого чувствительного человека оставит равнодушным.

Не учебник морали

— Значит, кино должно выполнять воспитательную функцию?

— Скорее, да, чем нет. Все-таки должно что-то в человеке шелохнуться. Пускай на миллиметр. Хотя при этом я всегда очень боюсь, когда это начинают делать нарочито. И надеюсь, что в «Радостях и печалях маленького лорда» нарочитости удалось избежать. Фильм должен оставаться фильмом, а не превращаться в учебник морали. Мне кажется, в кино не должно быть воспитания как самоцели. Не киношное это дело. Это задача семьи, Церкви... А кино может в этом им *помогать*. Тем более в России...

— Почему *тем более в* России?

— Насколько я могу судить, в нашей культуре совесть всегда была краеугольным камнем. Сложно найти русского классика, для которого нравственность не была бы центром мировоззрения и творчества.

— И русское кино сегодня должно эту традицию продолжать?

— С одной стороны, да. Но с другой стороны, мне кажется, разговор о нравственности в каком бы то ни было произведении искусства — книге, фильме — не может быть намеренно инициирован. В том смысле, что классики русской литературы просто писали так, как диктовала им душа. И получалось произведение о нравственности. Ведь оно рождалось в русской культуре. А культура эта сформирована Православием — с его глубокими нравственными нормами. Не дерзну ставить себя в один ряд с классиками, но желание поговорить о «правильных вещах» в «Маленьком лорде» в моем случае тоже не было рациональным актом, а возникло, опять же, исподволь. Выросло из каких-то интуиций. И сформированы они, наверное, тем, что я православный. Принадлежу к православной культуре. И когда снимаю кино, не могу не соотносить все, что я делаю, с собственной верой.

Маленький Сэдрик со своей мамой, обвиненные в самозванстве, вынуждены уехать из замка старого графа, дедушки Сэдрика. Кадр из фильма. Фото предоставлено компанией «Профит»

Снимать «по-православному»?

— Неужели Вы хотите сказать, что снимаете «по-православному»? Как это может быть? Православные мизансцены, православные диалоги?

— Такого, конечно же, не происходит! Я хочу, чтобы кино получалось православным по духу. И для этого вовсе не обязательно вставлять в сценарий роль монаха. Ведь этот дух не всегда проявляется в каких-то конкретных вещах. Я по первому образованию художник и понимаю: если я хочу, чтобы картина была теплой, светлой, это не значит, что первым делом я нарисую на ней купола и кресты. Это может быть совершенно нейтральный пейзаж. И в кино то же самое. Есть конечная цель — чтобы зритель чувствовал свет и теплоту. А это и есть тот самый православный дух.

Хотя при этом мне кажется, что, снимая современную историю, совсем пройти мимо непосредственно православных атрибутов — храмов, икон — тоже было бы неправильным. Ведь сейчас люди готовы к тому, чтобы все это вернулось в искусство. И человек должен снова учиться все это правильно и живо воспринимать. В каких конкретно формах и объемах — сложно сказать. Это будет зависеть от конкретного сюжета.

— Можно ли назвать фильм «Радости и печали маленького лорда» фильмом, православным по духу?

— Наверное, об этом зрителям судить. Но надеюсь, что да. Но я хотел бы пойти дальше — снять собственно православное кино.

— Что это такое, по-Вашему?

— Это картина на православный сюжет — история о святом или, скажем, о жизни монастыря, как в фильме «Остров». Кстати, этот фильм, с моей точки зрения, — единственный на сегодняшний день удачный пример кино на православную тему.

— А как Вы считаете, почему этот пример — единственный?

— Снимать православную картину очень... опасно! Потому что такое кино режиссер не имеет права сделать плохо. Вообще кино нужно делать хорошо. Но если «обыкновенный» фильм может человеку не понравиться и забыться, то плохо снятый православный сюжет грозит более серьезными последствиями — он может оттолкнуть сомневающегося человека от Церкви. А вот это уже будет катастрофой! И именно этого я опасаюсь, думая о своем возможном православном кино. Ведь когда делаешь «обычную» картину, рассуждаешь относительно спокойно: «Сделаю так или так. Ну а не получится — все по-другому сниму». А тут трудней. Тут меньше пространства для маневра. А ответственность на художнике, который делает православное кино, — больше.

От амулета до крестика

— Как Вы сами пришли к вере?

— В школе у меня был период язычества. Впрочем, заключалось это в абсолютно внешнем действии — ношении амулета. А однажды я нашел у бабушки старый крестик и решил, что его носить как-то приятнее, чем амулет. Ни о каком христианстве я тогда не думал. И крещеным, разумеется, не был. А в семнадцатилетнем возрасте мы со школьными друзьями ездили в Телави. Однажды гуляли — и нашли полуразрушенный православный храм. Уже точно не помню, как это получилось, но я заснул прямо на улице, рядом с храмом. И меня разбудил... священник. Спросил, почему я ношу крестик. Я ответил, что, дескать, почитал Библию, ознакомился — и решил, что буду носить. Он сказал, что для того, чтобы носить крестик, нужно быть крещеным. Тут я искренне удивился, потому что о Таинстве крещения слышал впервые. Мы с батюшкой немного поговорили, после чего он предложил мне покреститься. Я согласился. Наверное, в тот момент я не понимал, в чем смысл Таинства — просто доверился человеку. В этом же полуразрушенном храме меня по всем правилам крестили. Конечно, до воцерковления было еще далеко. Но постепенно я начал ходить в храм.

— Вопрос к Вам как к отцу пятерых детей: чего не хватает сегодняшним детям?

— Мне кажется, человеческой теплоты в общении друг с другом. Знаете, я очень рад, что мои дети ходят в православную школу. Там все — по-особенному. Не так, как в обычной школе. Там очень много детей из многодетных семей. И, скажем, взаимовыручка у них — в крови.

Я вижу, что дети здесь общаются в атмосфере любви и братства. Это, кстати, проецируется на учебу и очень благотворно на нее влияет. И я понимаю, что такого человеческого общения сегодня вообще крайне мало.

А что дальше?

— Каковы сегодня, на Ваш взгляд, перспективы детского кино? Будет оно развиваться, становиться востребованным?

— Я оптимист. Еще недавно все было настолько убито, что хуже уже точно не будет. Материальные условия, чтобы снимать кино, становятся лучше, а вместе с ними поднимается и уровень картин. Разумеется, что-то удается хорошо, что-то — хуже. Но в целом это — уверенное движение вперед. И у меня есть надежда, что и детское кино, как часть кинематографического процесса вообще, будет развиваться.

— Сегодня система координат перевернута, поэтому в детском кино актуальны «фильмы о правильных вещах». Но общество духовно растет и — будем надеяться! — в будущем традиционные ценности вернутся. Что тогда? О чем детское кино будет говорить через двадцать, тридцать, пятьдесят лет?

— О том же самом: о доброте и нравственности. Ведь тема правильных поступков — бесконечна. Кино о правильных вещах — не таблетка. Невозможно однажды взять — и сделать человечество нравственным навсегда. Потому что нравственность приобретается. И через двадцать, тридцать и пятьдесят лет появятся дети, которым также нужно будет подавать пример. И если даже ценности — дай Бог! — вернутся к норме, человеческую душу — душу ребенка — все равно надо будет воспитывать. Не в смысле «поучать», а в смысле «взращивать». И перед детьми наших детей будут вставать те же проблемы, что в свое время перед нами. Душа-то новая рождается. И этой душе также необходима азбука. Необходимо учиться различать, где плюс, а где минус. Поэтому мне и кажется, что детское кино — если оно говорит именно о правильных вещах — будет востребовано всегда. ■

Беседовал Константин МАЦАН

Пора весны. *Бумага, акварель, пастель. 2003 г.*

Экологический подвиг

в пастелях Алексея КРАВЧЕНКО

«Раннее утро». Медленно поднимается солнце. Сквозь дымку тумана пробиваются первые лучи. А где-то сверху уже розовеет небо. Холодно. Настойчивая зима не спешит отступать, и роща полна хрустального звона заиндевевших берез… Трава низко жмется к земле. Тяжелая от влаги, наполнившей воздух, она и подняться-то не может, да еще этот сильный ветер, несущий грозовые тучи. Вот-вот ливанет дождь, и проселочная дорога, вся в канавах и рытвинах, станет совсем не проездной. А в домах от перепадов электричества будет подрагивать свет. Так написан «Проселок».

В каждой новой картине Алексея Кравченко зритель улавливает неповторимое и изменчивое состояние природы. Больше, чем просто время года. Художник старается передать самые тонкие нюансы настроения, все, вплоть до запаха: здесь лес полон сырости, здесь стелется туман, тут дымка над уставшим и засыпающим после жаркого дня городом.

«Пейзаж ближе всех к изобразительному искусству, — считает Алексей. — В натюрморте, исторической картине, да и в портрете очень много литературы. Это все равно рассказ, — или случайно подсмотренный, или тематический, — про что-то конкретное. Пейзаж ценен, когда в нем нет литературы, но есть большая эмоция». «Я убежден: мы живем на уникальном пространстве, — продолжает художник. — Русский пейзаж чрезвычайно эмоционален, такого нигде больше нет. Как нет нигде, просто не может родиться, таких звучных названий, как „Над вечным покоем“ Левитана или как у Никиты Федосова — „Лают собаки“. Я много лет занимаюсь пейзажем, стараюсь делать его в русской традиции и считаю, что в первую очередь он должен быть искренен. Он не должен быть надуман, ведь интересничать в искусстве нельзя, как и нельзя быть равнодушным. Когда есть пристрастие, когда ты действительно с восторгом пишешь, это находит отклик».

Однажды на персональной выставке в Московском Английском клубе так и получилось. К художнику подошла зрительница со словами: «Вы совершаете экологический подвиг!» И тут же добавила: «Нам, городским жителям, сейчас очень не хватает восторга к этой нашей земле, которая отвоевывается и застраивается». «Я тогда удивился такому комплименту, — рассказывает Алексей Кравченко, — ведь мое собственное творчество — это взгляд жителя мегаполиса, московского интеллигента на деревенскую жизнь. Все мои работы — это сплав настоящего, ассоциаций и воспоминаний из детства».

Алексей Кравченко художник-пастелист, член Творческого союза художников России и Московского союза художников. Он провел более двадцати персональных выставок в России и Европе. А живописью начал заниматься в детстве. Видел, как рисовал отец, и сам взялся за кисти. Потом учился в МСХШ при Суриковском институте, работал в лаборатории техники и технологии в Суриковском институте, в 1999-м пришел преподавать в школу акварели Сергея Андрияки, где сейчас и работает. Он занимается пастелью, которая всегда считалась рискованной техникой. Пастель осыпается, двигается, мылится. Ею не добиться монументальности и основательности масла. Пастель никогда не считалась техникой большого искусства, но именно в этом еще в XVIII веке французские художники нашли ее прелесть. Камерность, мягкость и приглушенность тонов, бархатистость фактуры... К тому же хорошая пастель сохраняет свежесть и сочность красок многие века. Достаточно вспомнить «Шоколадницу» Лиотара: посетителям Дрезденской галереи трудно бывает поверить, что картине больше двухсот пятидесяти лет.

Неудивительно, что пастель стала популярна в век романтизма. Да и сам Кравченко по своим высказываниям типичный романтик. «Внутренний восторг от живописи передался мне от отца, и то, что я до сих пор рисую, — это ведь и воплощение в жизнь его личной мечты, — говорит он. — Я счастлив, что до сих пор не изменил этой „жизни в художестве“. Ведь самые важные слова для художника: быть верным себе, иметь внутренний стержень. Они громкие, но тот, кто занимается реалистическим искусством, должен иметь терпение. То есть не распыляться, потому что искусство не прощает сидения на двух стульях, и, если ты пытаешься делать одновременно творческую работу и откровенный заказ, такую измену искусство не прощает. Уметь пережить иногда безвременье и зрительское равнодушие».

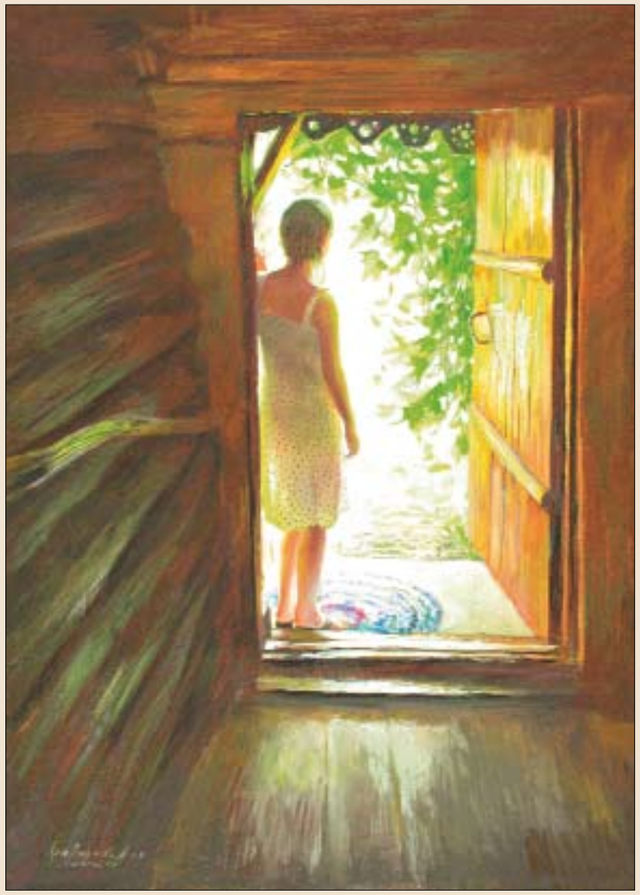
«Реализму пытались заказать гробовую доску еще в позапрошлом веке, — размышляет Кравченко. — Чернышевский говорил, что незачем копировать природу, все равно лучше ничего не сделаешь, и розы на картине никогда не запахнут. Но реализм — это настоящее, он вечен, как вечен и неистребим восторг человека перед красотой. Первый пейзаж появился, когда Петрарка поднялся в горы и выразил свои чувства в стихах».

Южная, раздетая красота, которую ни искать, ни выдумывать не нужно, как художнику Кравченко не так интересна и не так близка, как среднерусский пейзаж. «Русский пейзаж открывается не сразу, — говорит Алексей. — Как-то я был на реке Мсте. Ходил и смотрел, ну что тут рисовать? Вообще нечего. Но здесь нужно терпение: русский пейзаж открывается постепенно. Он и ценен вот этим чудом ожидания: что же все-таки покажет тебе этот незамысловатый, такой неброский край. И при этом я уверен, что доля правды в словах тех, кто называет пейзаж религиозным жанром, тоже есть. Он очень ответственен. Когда в картине удачно процитировано произведение Создателя, тогда и получаются самые пронзительные вещи, не оставляющие зрителя равнодушным».

«Помню, как ездил по русскому Северу. А Север наш по краскам и со Средиземным морем не сравнится, и в Крыму такого не может быть, — продолжает свою мысль художник. — Когда серые камни Кирилло-Белозерского монастыря, освещенные последними лучами солнца, становятся малиновыми. Стоит перед Северским озером монастырь, бьет последний луч, становясь безумно оранжевого цвета, и в этот миг весь монастырь отражается в воде. Это длится минут пять. Как бы, чем бы ты ни работал, все равно не успеешь поймать этот момент с натуры. Многие бросаются делать почеркушки маленькие… И стоишь, и тебя пронизывает дрожь, внутренний восторг и наполняет божественная правда». ■

Дарья РОЩЕНЯ

Проселок. *Бумага, акварель, пастель. 2007 г.*



Новый день. *Бумага, акварель, пастель. 2005 г.*

Поздняя осень. *Бумага, акварель, пастель. 2007 г.*

Вид на Клементовский переулок. *Бумага, акварель, пастель. 2004 г.*

Дождь. *Бумага, акварель, пастель. 2007 г.*

Вадим Сергеевич ШЕФНЕР

Наследница*

На песке дворика, окруженного белыми стенами, под тенью единственного дерева лежал на носилках лейтенант Алексей Клинов. Ему была видна пробитая снарядом стена двухэтажного дома, блеклое от зноя небо и пыльный песок.

У него не было сил повернуть голову, и он даже не знал, под каким деревом он лежит.

Вадим Сергеевич ШЕФНЕР — известный российский писатель и поэт. Родился в 1915 году в Петрограде. В 1931 году, закончив школу-семилетку, Шефнер поступил в фабрично-заводское ученичество и через два года стал работать на фарфоровом заводе. Впервые опубликовал стихи в 1933 году в заводской многотиражке, с 1934 года начал печататься в городских газетах и журналах. Первая книга стихов «Светлый берег» вышла в 1940 году. Во время Великой Отечественной войны Шефнер, негодный к строевой службе, работал в батальоне аэродромного обслуживания. С 1942 года служил во фронтовой газете «Знамя победы». С войны вернулся с орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, а также медалями, в том числе и «За оборону Ленинграда». Вторая книга стихов Шефнера «Защита» вышла в блокадном Ленинграде в 1943 году. После войны у него вышло несколько сборников стихов. С 1957 года Вадим Шефнер писал и прозу, в том числе и фантастическую. Наиболее известны его повести «Девушка у обрыва», «Имя для птицы», «Сестра печали», роман «Лачуга должника». В 1997 году Шефнер стал лауреатом Пушкинской премии. Скончался в 2002 году.

Когда боль ненадолго утихала, Клинов начинал думать о том, что он, наверно, так никогда и не узнает, под каким деревом он лежит, такой он теперь беспомощный: обе руки у него перебиты осколками, и левая нога тоже перебита. Ему было ясно, что он умрет, и вопрос был только в том, долго ли еще он будет мучиться.

Его сюда на рассвете принесли санитары и ушли искать воды, но потом они, вероятно, были ранены или убиты, потому что никто к нему не возвращался. Тогда еще бой шел на улицах городка, но теперь весь городок в руках у врага. Шума боя не было слышно; только порой где-то далеко, словно в ином мире, глухо гремела артиллерия.

Тень дерева укоротилась, отошла от Клинова, и теперь он лежал на самом солнцепеке, и маленькие мухи ползали по его ногам.

Когда он погружался в забытье, он видел себя со стороны. Он снился самому себе лежащим на маленьком белом дворе, под беспощадным солнцем, в обезлюдевшем городке, где он должен умереть.

Потом он просыпался и видел песок, и белую стену, пробитую снарядом, и блеклое от зноя небо, и пыльный песок дворика.

И все же смерть не казалась ему страшной. Все страшное было позади. Но умирать было очень больно и нестерпимо грустно.

Снова нахлынул бред.

Где-то далеко шли по прозрачной реке белые пароходы, листья ландышей отряхали ночную росу, дефилировали шеренги мороженщиков, а он стоял под кленом в парке, и веселый ливень хлестал по листьям, сгибая ветки.

Все нарастал ливень. Уже не капли, а толстые, круглые струи воды, как хрустальные балки, упирались в землю, и он тянулся к ним ртом, но никак не мог дотянуться. И тогда едва очнулся от боли и — продолжением бреда — увидел, что перед ним стоит маленькая девочка в зеленом платье и смотрит на него удивленно и испуганно.

У нее были большие серые глаза, а в светлых волосах была синяя лента. Такую девочку он видел когда-то на огромном рекламном щите, прибитом на брандмауэре дома в том городе, где он жил до войны. Эта реклама была прибита над сквером, и под улыбающейся девочкой было написано большими буквами: «Ешьте яблочное пюре».

— Я давно с вами разговариваю, а вы меня не слушаете, — сказала она.— Мне очень страшно одной, а вы все говорите с кем-то. С кем это вы говорите?

— Ни с кем, — тихо сказал ей Клинов, — это у меня бред, я ранен. Принеси мне воды, я пить хочу.

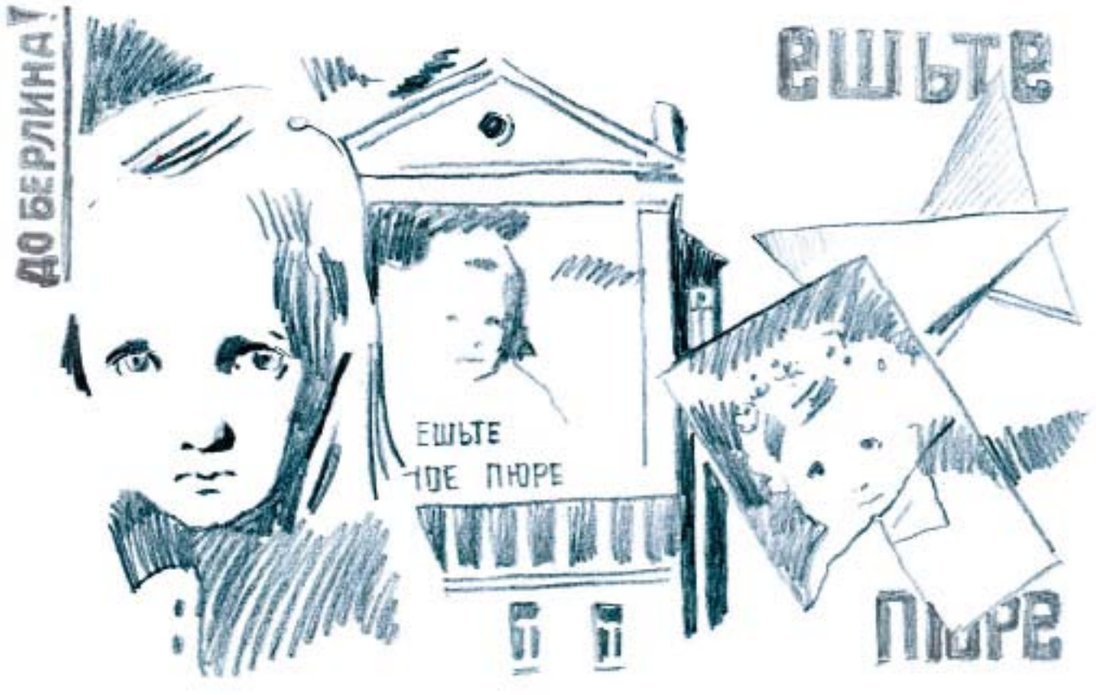
— У нас только сырая осталась, сырую пить нельзя.

— Ничего, мне можно. Неси скорее, девочка. А под каким деревом я лежу?

— Не знаю. Мама мне говорила, какое это дерево, да я забыла.

Она ушла куда-то и долго не приходила, и Клинов снова подумал, что это был бред. Но девочка вернулась с большим эмалированным чайником и сказала:

*Рассказ впервые опубликован в книге «Ныне, Вечно и Никогда» (повести и рассказы). «Лениздат», 1963. — *Ред.*



— Чашки все разбились от снаряда, а вы пейте из носика, только она сырая.

— Тебе уж и поить меня придется, — сказал Клинов, — видишь, с руками-то у меня что!

Девочка наклонилась над ним и стала поить его из чайника. Пил он долго. Когда он закрывал рот, чтобы отдышаться, струя воды лилась на лицо, на шею, стекала за шиворот. Это было приятно.

— Ну, спасибо, хватит, — промолвил Клинов. — Теперь иди, прячься куда-нибудь, а то еще немцы сюда зайдут.

— Я боюсь одна, я лучше с вами здесь буду. В городе никого нет, и в доме тоже никого, а на маму стена упала, когда снаряд попал. Я буду с вами сидеть.

— Плохо твое дело, — сказал Клинов. — Все это плохо очень. И я для тебя ничего сделать не могу.

— А вы ничего и не делайте, только не уходите, — сказала она.

— Да уж никуда теперь не уйду, не бойся. А как тебя зовут-то?

— Люся.

— Ну так вот что, Люся. Сходи закрой ворота. А то немцы, если будут проходить мимо, так сразу же зайдут сюда. И еще принеси мне что-нибудь под голову, совсем голова затекла.

Потом снова у него начался бред. Он шел по мосту, а под ним глухо и влажно гудела вода, и он перегнулся через перила и увидел внизу себя — лежит на пыльном песке дворика в безлюдном городке, и слепое жестокое солнце бьет в него негнущимися лучами, а на стене прибит рекламный щит, и девочка в зеленом платье говорит ему со стены: «Ешьте яблочное пюре, мне одной страшно». Он очнулся.

Все почти так и было. Он лежал, было больно и жарко, и девочка сидела возле него на притащенном откуда-то стуле.

— Вы опять что-то говорили, — сказала она. — Все говорили и говорили.

— Это я сон видел, — сказал Клинов. — Ты не обращай внимания. Сиди и не бойся.

— А я раз во сне лягушку видела, и ни капельки не страшно.

— Это ты молодец, лягушек и не надо бояться. Ты вынь у меня из гимнастерки документы. Читать умеешь?

— Нет, я еще не совсем умею. — Она присела около него на корточки и стала вытаскивать документы из кармана его гимнастерки.

— А это что за девочка, на меня похожа очень? — спросила она, увидав среди документов фотографию.

— Это моя дочка, она умерла.

— А где она живет?

— Нигде, она же умерла. Ты все эти документы заверни в бумажку и спрячь где-нибудь, а когда наши придут — отдай. Только немцам не отдавай и ничего не говори. И еще часы сними с руки, я их тебе дарю на память. Ты у меня теперь вроде как наследница.

— Спасибо, дяденька. Ты только не уходи, а то мне страшно будет.

— Ну куда я уйду! Никуда не уйду, здесь и останусь.

Теперь он чувствовал, как смерть входит в него.

Ни в руках, ни в ногах уже не было боли, они постепенно немели. Алексей Клинов чувствовал, что пожелай он умереть — и он умрет сейчас же, умрет без боли и судорог. Его клонило к смерти, как ко сну. Но теперь он боролся со смертью, как человек, занятый важным делом, борется со сном. Ему страшно было оставить эту девочку одну.

Он еще бредил, но теперь это был другой бред, сквозь него он видел все, что делается вокруг него. Так ➥

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД

ночью, подойдя к окну, мы видим в нем свое отражение, но сквозь это отражение нам видна и улица, где светятся фонари и витрины. Бой снова приближался к городку.

Начиналась контратака наших войск. Тяжелая артиллерия вела отсечный огонь, и снаряды, легко и тонко свистя, летели над городом.

— Ты не бойся, Люся, — сказал Клинов. — Это по немцам. Скоро наши вернутся сюда. А ты принеси простыню или что-нибудь и накрой меня до шеи.

Девочка ушла, и Клинов снова начал впадать в забытье. Оно наплывало на него, как облако, и он напрягал всю волю, чтобы не поддаться ему. Он знал, что если он сейчас умрет, то эта девочка останется совсем одна, и ей будет страшно и одиноко в этом городке, где солнце жжет белые стены. И он снова увидел ее. Она подошла к нему и накрыла его красным флагом с черной каймой.

— Все в комнате штукатуркой завалено, — объяснила она, — так я флаг в кладовке взяла, от палки его оторвала — с палкой тяжело нести. Там еще совсем красный флаг есть, без полосок, — и тот принести вам?

— Нет, мне и этого хватит, — промолвил Клинов, — это самый подходящий.

Наступило молчание.

— А скоро придут наши? — спросила вдруг девочка.

— Теперь уже скоро, — еле слышно ответил Клинов.

— Пока наши не придут, вы не уходите, вы мне обещали не уходить.

День клонился к вечеру, но по-прежнему было жарко.

Белые стены излучали сухое, пыльное тепло, листья неведомого дерева сонно звенели над головой Клинова.

Иногда девочка говорила с ним, и тогда он отвечал ей, подбадривая ее, но голос у него становился все тише и тише. Теперь язык уже отказывался служить ему, и Клинов старался произносить слова раздельно, по слогам.

Девочке послышалось, что где-то кричат «ура», и она сказала Клинову об этом.

— Вот и хорошо, — ответил он и, широко раскрыв глаза, огляделся вокруг. Все кругом было по-прежнему, и только тень дерева коснулась теперь стены, и по пятипалым силуэтам листьев он узнал, что лежит под кленом.

Он посмотрел на девочку, и та склонилась над ним.

— Слушай, — тихо сказал он ей, — я, наверно, скоро засну, так ты не бойся. Наши скоро придут. А я очень спать хочу, я засну. Ты не тормоши меня, если я буду совсем молчать, и ничего не пугайся.

Но он увидел в ее глазах смутный страх, попытался улыбнуться ей и добавил:

— Ты тоже устала, иди поспи вон там на траве. А ну, давай наперегонки, кто раньше заснет?

Успокоенная, она отошла на несколько шагов и легла на редкую траву, пробивавшуюся сквозь песок у стены.

— Дяденька, я уже засыпаю, — сказала она через минуту.

— Я тоже, — тихо и внятно ответил лейтенант Клинов. ■

Рисунки Марии ЗАИКИНОЙ

КОЛОКОЛА ОДИН — ЭМИ

ОБЩЕСТВО ДРЕВНЕРУССКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ создано на базе акустической лаборатории ЭМИ. Более 16 лет мы занимаемся возрождением традиционного колокольного звона. В основе производства – результаты исследования старых русских колоколов XVII-XIX веков. Наша авторская методика позволяет сразу создать гармоническое звучание всей звонницы или подобрать колокола постепенно. Отливая колокола, мы учитываем архитектурные особенности колокольни и историю строительства храма.

БОЛЕЕ УЗКО НАШИХ КОЛОКОЛОВ УЖЕ ЗВУЧАТ В ХРАМАХ РОССИИ, БЛИЖНЕГО И ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ, В ТОМ ЧИСЛЕ И:

- Свято-Троице-Сергиева-Дивеевского монастыря
- Сретенского монастыря в Москве
- Троице-Сергиевой Варницкой монастыря
- Храме Неупиваемой Чаши
(резиденция Президента РФ в Ново-Огарево)
- храме на Юшуньском поле
- православном храме Святой Екатерины в Риме

ВОССОЗДАНЫ ЗВОНЫ:

- Храма Христа Спасителя в Москве
- Свято-Троицкой Сергиевой Лавры
- Храма Воскресения Христова в Ново-Иерусалиме
- Храма «Большое Вознесение» в Москве

Созданные нами наборы колоколов для куранта Печерского монастыря Нижегородской епархии исполняют мелодии «Вдоль по улице и «Вдоль славен Бать».

ПРИГЛАШАЕМ ПОСЕТИТЬ НАШЕ ПРОИЗВОДСТВО

Адрес: 115280, Москва,
ул. Автозаводская, дом 23, «ЭДИНО»
Тел./Факс: (495) 674-60-58, 677-22-66; e-mail: edmik@edino.ru
www.edinobells.ru

Протоиерей Владимир Гофман

Ответы на вопросы прихожан

Нижний Новгород: Издательство НП «ПЦ «Глагол», 2007. — 192 с.

Автор «Ответов на вопросы прихожан» не только священник, но и писатель, член Союза писателей России. Поэтому перед нами не просто образец духовного, церковного и житейского опыта городского батюшки, а увлекательная книга, пусть написанная в строгой форме вопросов и ответов, но написанная талантливо, с пастырской чуткостью и литературным мастерством.

Вопросы, на которые отвечает отец Владимир Гофман, были заданы зрителями программы «Свете Тихий» нижегородского телевидения, а также читателями городских газет и людьми, позвонившими по епархиальному телефону доверия.

Сборник содержит несколько разделов: «О духовной жизни», «О жизни и смерти», «О молитве и чтении Священного Писания», «О постах», «О религиозных конфессиях и сектах», «О семье и браке» и другие. Цель, которую преследует книга, прекрасно сформулирована в предисловии главным редактором СМИ Нижегородской епархии и постоянным автором «Фомы» протоиереем Игорем Пчелинцевым: «Можно прямо сказать, что ответы на эти вопросы представляют собой определенный срез духовной жизни русского народа в последнее десятилетие. Вопросы людей отражают их духовные нужды. А ответы формируют ясный церковный путь спасения».

Отец Владимир Гофман говорит с людьми прямо, адресно, без присущих некоторым священникам витиеватости и речевых штампов. Вместе со своими анонимными собеседниками он рассуждает о религиозном фанатизме и о браке с неверующим супругом; о современной ереси поклонения Ивану Грозному и о посмертной судьбе психически больных людей; об отличиях Иисусовой молитвы от медитации и о ложном стереотипе о «старомодной и скучной Церкви». Безусловно, эта книга, предназначенная для самого широкого круга читателей, найдет отклик в сердцах всех, кто ищет, сомневается и хочет, чтобы его вера была осмысленной.

Елизавета КИКТЕНКО

Священник
Анатолий Жураковский

Мы должны все претерпеть ради Христа…

Составитель П. Г. Проценко

М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2008. — 348 с.

Эта книга входит в новую серию издательства ПСТГУ «Слово исповедников XX века». Здесь читатель может познакомиться с трудами и прославленных в лике святых новомучеников, и тех, кто по каким-то объективным причинам еще не канонизирован. К числу последних относится и священник Анатолий Жураковский, расстрелянный на Соловках в 1937 году.

Его жизненный путь и необычен, и в то же время в чем-то повторяет путь многих его современников, принадлежащих ко времени и культуре Серебряного века. Родившись в семье типичных «прогрессивных» шестидесятников, искренних, но совершенно неверующих, в подростковом возрасте он самостоятельно обратился к Церкви и посвятил всю дальнейшую жизнь церковному служению.

Сборник работ отца Анатолия публикуется впервые. В издание включены два богословских эссе, проповеди и письмо-завещание, написанное в ссылке и обращенное к своей пастве. Можно предположить, что особенно интересным современному читателю будет эссе «Иуда», поскольку споры о причинах его предательства продолжаются и до наших дней. В противовес различным трактовкам, в которых авторы пытаются усмотреть глубокий психологизм в поступке Иуды и оправдать его, священник Анатолий Жураковский, используя образ Иуды, оттеняет различие между ветхозаветным, земным (или «своим») пониманием Царства Божьего и тем Благовестием, с которым обращается Бог к душе каждого. Иуда у Жураковского пленен высотой учения Господа, признает в Иисусе Бога и Спасителя. В понимании отца Анатолия, главная трагедия Иуды — в его нежелании ответить на призыв Христа и оставить все, в его стремлении выделить для себя кусочек автономного бытия, пусть самый малый, но свободный от Бога. Через эту брешь сатана и входит в человека: желая сохранить частичку независимости — он теряет всего себя.

Вероника БУЗЫНКИНА

Посмертный путь души

Составитель
схиигумен Авраам (Рейдман)

Екатеринбург: Изд-во Ново-Тихвинского женского монастыря; М.: Паломник, 2007. — 464 с.

Верите ли вы в жизнь после смерти? За последние годы о путешествиях в загробный мир написано столько книг, зачастую низкопробных, что разговор на эту тему стал вызывать у людей думающих скептическую улыбку. Но стала ли от этого забавной сама смерть?

В книге «Посмертный путь души» отражено основанное на учении Святых Отцов, истинно православное, глубокое понимание жизни и смерти. Вместе с тем читается книга удивительно легко, и каждый может найти на ее страницах что-то для себя.

Скептиков, скорее всего, заинтересует рассказ о посмертном опыте молодого человека, жившего в позапрошлом столетии. Легкость и непринужденность стиля его повествования выдает в нем светского ловеласа, поднимавшего на смех всякого, кто решился бы всерьез рассуждать при нем о бесах, ангелах, загробной жизни и тому подобных вещах. Однако пришло время, и он сам стал объектом насмешек: никто не верил в пережитую им смерть и те тайны Вечности, о которых, потрясенный, он безуспешно пытался поведать современникам.

Читатель, доверяющий учению Церкви о бессмертии души, с интересом прочтет «Слово о смерти» святителя Игнатия (Брянчанинова), а также рассказы людей, живших в разные века, но оставивших весьма схожие свидетельства о том пути, которым идет душа, разлучившись с телом.

Воцерковленного читателя, искушенного в подобного рода литературе, вероятнее всего, увлекут собеседования святого Григория Двоеслова со своим учеником, содержащие в себе утонченные богословские рассуждения.

Ирина СВИСТУНОВА

Чудеса истинные и ложные

М.: «Даниловский благовестник», 2007. — 624 с.

В современном церковном мире существует два крайних взгляда на чудеса: или стремление увидеть чудо там, где его нет, или же, наоборот, в противовес многочисленным в последнее время полуоккультным, экзальтированным поискам «знамений», чуду вообще отказывают в праве на существование.

Это издание, подготовленное Экспертной группой по описанию чудесных событий, происходящих в Русской Православной Церкви, с одной стороны, учит читателя отличать болезненные фантазии от истины, а с другой — «реабилитирует» понятие чуда, скомпрометированное обилием «лжечудес».

В первой части книги собраны свидетельства самых различных

людей об их встрече с тем или иным чудом: здесь своим опытом делятся и врач-хирург, и полковник милиции, и священники. Вторая часть посвящена чудесным примерам истории, среди которых — рассказ о пяти покушениях на царя Александра II и статья о малоизвестных фактах, касающихся Благодатного Огня у Гроба Господня.

Особого внимания заслуживает третья часть книги, где представлены статьи ученых, посвященные взгляду науки на феномен чуда. Среди них особенно интересна статья о необычных случаях во время Великой Отечественной войны, где на примере одного из недостоверных рассказов показывается вся абсурдность подобных «чудес», которым противопоставляются случаи действительно достоверные.

Четвертая и пятая главы, особенно актуальные, посвящены проблеме «чудомании», искажениям и повреждениям в духовном восприятии чуда. В частности, анализируются некоторые очень популярные в недавнее время книги и статьи, содержащие различные заблуждения. Здесь же даются простые и полезные рекомендации к «различению духа» чуда, то есть определения его сущности, источника и цели. В заключительной главе представлены статьи Святых Отцов и религиозных мыслителей о чуде и о его значении в жизни каждого христианина.

Вероника БУЗЫНКИНА

Протоиерей Всеволод Чаплин

Церковь в России: обстоятельства места и времени

М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, Издательство «Арефа», 2008. — 312 с.

Сборник протоиерея Всеволода Чаплина «Церковь в России: обстоятельства места и времени» составлен из статей, выступлений, кратких комментариев, полемических заметок и выступлений на радио. Это своеобразный церковно-общественный дневник последних лет или, как бы сегодня сказали, блог, только он ведется не на специализированном интернет-сайте, а на новостных лентах светских и религиозных информационных агентств, на страницах газет и журналов, в эфире радиостанций, с трибун крупнейших международных форумов.

В статьях и кратких высказываниях отца Всеволода виден напряженный поиск убедительных ответов на острые вопросы церковной, общественной, культурной и политической жизни. Глобализация, национальная идентичность и роль православной традиции в современном мире, христианские осно-

вы экономической этики, религиозный экстремизм и роль религиозного фактора в международных конфликтах, межхристианские отношения — основные подходы Русской Православной Церкви к этим вопросам сформулированы при активном участии протоиерея Всеволода Чаплина.

Конечно, на характер его высказываний могут серьезно влиять обстоятельства места и времени: одни тексты обращены к церковной аудитории, другие — к светской, третьи — к зарубежным экспертам и представителям иных религий и конфессий. При этом авторская позиция всегда выражена ясно. О сложных проблемах современности отец Всеволод размышляет, отстаивая христианское мировоззрение.

Эта книга свидетельствует о том, что разговор о ценностях в современном мире нельзя считать завершенным. Он продолжается, и православные христиане — его полноправные участники. ■

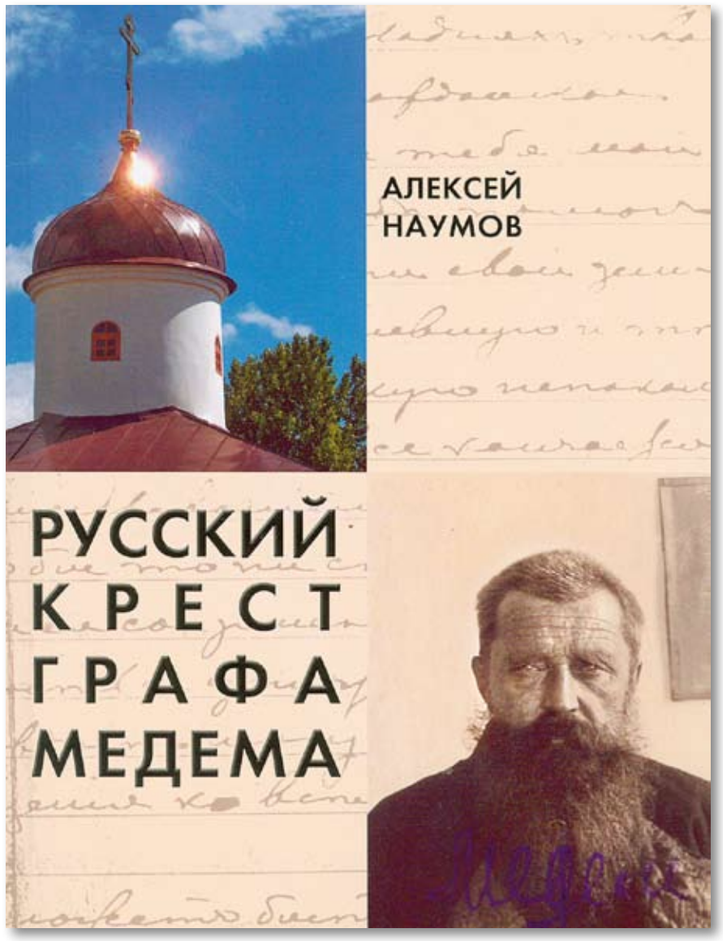
Сергей ЧАПНИН

«Совершать несправедливость не считаю возможным»

Книга Алексея Наумова «Русский крест графа Медема» вышла в Саратове тиражом две тысячи экземпляров, что для книг подобного рода почти роскошь. Ее главный герой — граф, помещик Александр Медем, умерший в 1931 году в возрасте 54 лет в тюрьме города Сызрани. Решением Юбилейного Архиерейского собора в августе 2000 года он прославлен в лике святых новомучеников и исповедников Российских от Ивановской епархии. День его памяти — 23 ноября.

Имение графа Медема, именуемое Александрия, находилось в Саратовской губернии, близ старинного купеческого городка Хвалынска. Остзейский род графов Медемов восходит к XII веку. В Саратовской губернии эту семью знали и уважали. Отец нашего героя Оттон Людвигович Медем был уездным предводителем дворянства, почетным мировым судьей, председателем съезда мировых судей, а впоследствии — воронежским вице-губернатором и новгородским губернатором. У Оттона Людвиговича и супруги его Александры Дмитриевны Нарышкиной было четверо детей, один из них — Александр Оттонович, будущий святой исповедник и новомученик Российский. Александр Медем получил юридическое образование, но предпочел жизнь помещика и самого активного земского деятеля — поскольку с детства был увлечен землей, хозяйством, любил и уважал крестьян. Александр Оттонович был женат на Марии Федоровне, урожденной Чертковой, у них также было четверо детей.

Крещенный в лютеранство, граф Медем в зрелом возрасте сознательно принял Православие. Каменную однопрестольную церковь они с супругой построили в своем имении в 1912 году, а поводом к тому послужило событие трагическое. Одна из их дочерей, Елена, родилась тяжелобольной — она не владела своим телом, не могла говорить. Родители построили храм, чтоб молиться в нем за здоровье дочери. О том, насколько любовно, благоговейно строили они церковь, говорит хотя бы тот факт, что для создания иконостаса были приглашены известнейшие художники начала века — Владимир Комаровский (расстрелянный в 1937 году на Бутовском полигоне) и Дмитрий Стеллецкий.



Алексей Наумов

Русский крест графа Медема

Саратов: ОАО «Приволжское книжное издательство», 2007. — 100 с.

Книга Алексея Наумова рассказывает о человеке с истинно рыцарским характером. Читая ее, испытываешь несколько наивное удивление: такие люди действительно бывают? Бывают: книга строго документальна, и в ней много цитат. Из писем, из протоколов допросов...

«Действительно свободным может быть только человек глубоко и искренне верующий. Зависимость от Господа Бога — единственная зависимость, которая человека не унижает, не превращает в жалкого раба, но, наоборот, возвышает. Верь твердо и без колебаний, молись горячо и с верой, что Господь тебя услышит, и ничего на свете не бойся, кроме Господа Бога и руководимой Им твоей совести...» Это из письма Александра Оттоновича Медема сыну Федору, который после гражданской войны оказался за границей. Чтобы по-настоящему понять, почувствовать этот текст, надо знать, что он был написан между арестами. Последний отрезок земного пути графа Медема, 20-е годы — это воистину крестный путь. Достаточно сказать, что новая власть арестовывала «бывшего графа» девять раз — и каждый арест мог стать последним.

«Медем среди духовенства и монахов г. Хвалынска ведет антисоветскую работу. Будучи председателем монастырского коллектива верующих... Медем среди духовенства говорил... поминать безбожную власть не нужно, а нужно с ней бороться... Кроме того, Медем часто выезжает в деревни, расположенные в бывшем его имении... где... распространяет слух, дискредитирующий советское правительство...» Это из обвинительного заключения по очередному следственному делу.

Вот протокол допроса подследственного Медема Александра Оттоновича — одного из последних, если не последнего допроса в его жизни. У него уже обострился туберкулез, развивается отек легких, а следователь призван установить его преступные связи в Сызрани. Следователь требует имен знакомых, имен тех, кого «бывший граф» просто знает в этом городе.

«Из лиц, которых я знаю по имени, я некоторых в настоящее время помню, но назвать отказываюсь по той причине, что выдвигать людей, которых я случайно вспомнил, тем самым совершая к ним несправедливость, не считаю возможным...» — таков ответ арестованного.

Герой книги удивителен, но удивителен и ее автор. Алексею Наумову всего 22 года. Он аспирант исторического факультета Саратовского госуниверситета, уроженец того самого города Хвалынска. Если бы не Алексей — очень мало кто в Хвалынске и в Саратове помнил бы сегодня о Медемах вообще, и об Александре Медеме в частности. Для Алексея эта история началась еще в детстве, когда он приезжал из Хвалынска в поселок Северный (бывшую медемовскую Александрию) на летние каникулы и обратил внимание на то, что осталось от усадьбы Медемов. Среди уцелевших строений была домовая церковь во имя святых равноапостольных Константина и Елены, построенная семьей Медем в 1912 году; после революции в ней было много чего, последнее что было — лимонадный цех.

Сельская молва выдала любопытному школьнику набор заплесневелых баек — про подземные ходы и внебрачных детей графа, в изобилии зарытых повсюду. Но в нем уже тогда проснулся исследователь. Сначала он нашел сына работавшей у Медемов горничной. Потом, при его содействии — близкую подругу дочери графа Александры Александровны Медем-Кириченко; последней к тому времени уже не было в живых. Потом списался с внучкой будущего героя своей книги — Ольгой Федоровной фон Лилиенфельд-Тоаль, живущей ныне в Германии...

Храм в бывшей Александрии, в поселке Северном Хвалынского района был восстановлен благодаря усилиям Саратовской епархии, священника Виталия Колпаченко и внучки графа Медема Ольги Федоровны фон Лилиенфельд-Тоаль. В ноябре прошлого года отец Виталий Колпаченко отслужил в нем первую Литургию. ■

Марина БИРЮКОВА

Гибель Империи. Византийский урок

Телеканал Россия. Формат DVD-ROM, 2008

Публицистический фильм отца Тихона (Шевкунова) «Гибель Империи. Византийский урок», неоднократно демонстрировавшийся по центральному телевидению, стал настоящим событием в киномире. Картина, трактующая историю падения Византийской империи в русле вызовов, которые стоят перед современной Россией, вызвала бурную реакцию как в среде специалистов-историков, так и у простых зрителей.

Ведущий — архимандрит Тихон (Шевкунов) — от первого лица дает свою версию краха Византийской империи. Автор приводит конкретные факты из истории Византии, которые интерпретирует, используя прямую аналогию с крахом Российской империи и Советского Союза. Речь в фильме идет именно о *внутреннем* враге, который, по мнению авторов, появился в духовных недрах византийского общества и сокрушил дух великого народа.

Картина вызвала много споров. Одни говорят, что ее создатели отошли от исторической правды, другие — что перед зрителем явная пропаганда, призванная показать положительные стороны сильной власти, основанной на традициях, духовности и вере, и что картина призвана поддержать существующий в России режим. Что в «Гибели Империи» бесспорно — так это блестящая режиссура, талантливая операторская и дикторская работа. Как бы то ни было, составить свое мнение о фильме можно, лишь увидев его своими глазами.

Елизавета КИКТЕНКО

Вечный человек или Повесть о Туринской Плащанице

Продюсерский центр «Неофит», телеканал «Россия». Формат DVD-ROM, 2005

«Новейшие открытия обязывают изменить наш взгляд на некоторые немногие, но важнейшие события мировой истории… Новые документы, покоряющие скептиков своей убедительностью, говорят в пользу наибольшего из чудес в истории — о возвращении к жизни Того, Кто был лишен ее на Голгофе» (Фридрих Энгельс). Такими словами начинается сорокаминутный документальный фильм о загадочной святыне — Туринской Плащанице. Что это за материя, как ткань превратилась в фотографию, кто на ней изображен? Это и многое другое интересует ученых вот уже последние сто лет — с того самого момента, как знаменитая святыня, сохраненная стараниями влиятельного семейства герцогов Савойских, была сфотографирована. В 1898 году адвокат Секундо Пиа, сфотографировав реликвию на Парижской выставке, обнаружил на негативе снимка — Лик.

Этот фильм — попытка научного обоснования подлинности Плащаницы. В нем приводятся существующие мнения, гипотезы и результаты сделанных исследований, первые из которых относятся к 1978 году, когда военными физиками США были проведены прямые научные исследования. К 1981 году ученым уже ясно, что изображение на Полотне — не рисунок художника, а результат дегидратации, то есть ожога ткани, и этнологи со всей убедительностью доказали, что это — погребальная пелена Христа. Но уже в 1988 году три ведущих мировых университета на основании радионуклидного анализа заявляют: Плащанице не более 750 лет. Впрочем, и это мнение оказалось опровергнутым теперь уже российскими специалистами.

Дарья РОЩЕНЯ

Псалтирь на церковнославянском языке

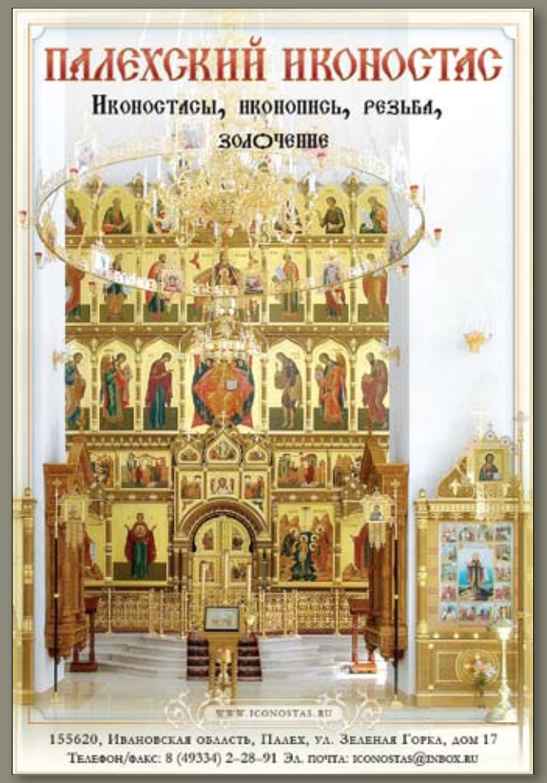
М.: Мультимедийное издательство «Деоника». Формат CD-ROM (mp3), 2008

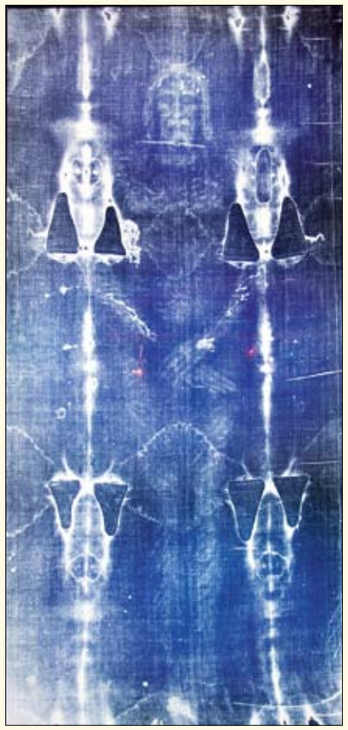
Псалтирь святого пророка и царя Давида — одна из священных книг Ветхого Завета, в греческой и славянской традиции состоящая из ста пятидесяти одного псалма. Основу книги Псалтирь составляют псалмы, созданные царем Давидом в XI–X веках до Рождества Христова. В Православной Церкви Псалтирь звучит на каждом утреннем и вечернем богослужении. Псалтирь — первоисточник большей части утренних и вечерних молитв, стихи псалмов легли в основу всех последований общественного и частного богослужения. Уже с первых веков христианства существует и практика келейного (т. е. домашнего) чтения Псалтири.

Предлагаемый вниманию диск содержит два варианта прочтения Псалтири. Первый вариант основывается на принятой церковной молитвенной традиции, в которой читается только само содержание псалмов и молитв без их названий. Второй вариант полностью соответствует каноническим печатным изданиям и содержит помимо самих псалмов их названия и заглавия всех кафизм. Таким образом, диск может быть рекомендован как для новоначального прослушивания, так и для помощи в молитвенном делании воцерковленным слушателям.

Время звучания — 12 час. 52 мин. Читает послушник Илья Рыбаков. ■

Всеволод БУЧИРИН





Копия Туринской Плащаницы

С октября 1997 года в московском Сретенском монастыре находится точная копия знаменитой Туринской Плащаницы. Таких копий в мире существует всего пять. Ту, что хранится в Сретенском монастыре, передал в дар Московскому центру по изучению Плащаницы известный американский ученый-исследователь Джон Джексон.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий освятил изображение Плащаницы как Нерукотворный образ Спасителя. В настоящее время в скрипте Сретенского монастыря Нерукотворный образ открыт для всех желающих прикоснуться к святыне.

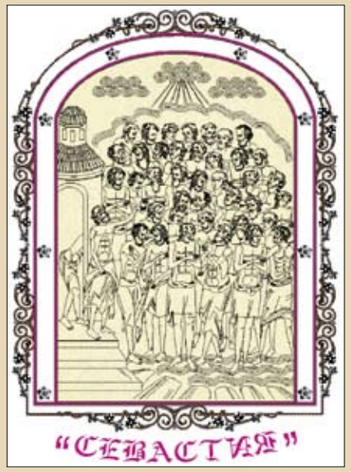
Найти надежного партнера

Газета «Вакансия» (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург) вот уже 8 лет публикует объявления о свободных рабочих местах, предложения по профобучению, резюме соискателей, аналитические статьи о рынке труда и обзоры зарплат. Газета выходит по понедельникам и четвергам общим тиражом 35-40 тысяч экземпляров.

Рекрутинговая компания «Вакансия от А до Я», созданная на базе газеты, занимается подбором персонала для компаний Санкт-Петербурга. «Вакансия от А до Я» имеет обширную информацию по кадровым ресурсам города, которая дает возможность помогать обратившимся к ней компаниям оценивать и подбирать специалистов на вакантные должности. Стать внештатными сотрудниками для клиентов-партнеров, помочь им быстро найти нужных людей, в короткие сроки подобрать профессионально подготовленный персонал — основные задачи «Вакансии от А до Я».

Тел.: (812) 334-92-02,
+7 (921) 312-32-18.
www.rc-vacancy.ru
www.vacansia.ru

«Севастия»



Паломническое содружество «Севастия» в Трире — городе святых равноапостольных Константина и Елены — предлагает паломнические маршруты:

• **7 июля** Рождество Пророка и Крестителя Господня Иоанна — Божественная Литургия у Его Честной Главы в Амьене.

• **18 июля** ВПЕРВЫЕ! Паломничество к православным святыням древней Фландрии. БЕЛЬГИЯ, ГЕРМАНИЯ, ЛЮКСЕМБУРГ.

• Детский православный лагерь в городе Трире (Германия).

Также предлагаются новые паломнические направления — к святыням Бельгии и юга Франции и классические маршруты:

• Париж — Терновый Венец Спасителя, мощи святой Марии Магдалины, святой равноапостольной царицы Елены.

• Трир — Глава святой царицы Елены, часть мощей апостола Матфия, мощи святых мучеников Фиванского легиона (III век).

• Амьен — Честная Глава Святого Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.

• Шартр — Плат Пресвятой Богородицы.

• Ахен — Пелены Богомладенца Христа, Повязка Спасителя, которая была на Нем во время Страстей, Риза Пресвятой Богородицы, Плат от Усекновения Главы Иоанна Крестителя.

• Кельн — мощи Трех Волхвов, частицы мощей св. апостолов Симона Зилота, Фаддея и Иуды, десница святого апостола Андрея Первозванного.

• Брюгге — Поклонение драгоценному Сосуду, в котором хранится Частица Пречистой Крови Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа и частица мощей святого Василия Великого.

Тел. в Москве: + (495) 410-47-08; + (495) 937-57-91; 8 (903) 178-96-21.
Тел. в Петербурге: + (812) 972-69 -10; 8 (960) 261-65-93.
Тел. в Германии: +49-651-993-43-73; **icq** 483 349 451.

Покров «Евфросиния Суздальская»

До 30 июня 2008 года в Государственном историческом музее будет проходить выставка из проекта «Следы минувшего. Сокровища отечественной истории из музеев Российской Федерации в залах ГИМ».

Покров «Евфросиния Суздальская» — уникальный памятник лицевого шитья, покров на гробницу с иконографическим образом Евфросинии Суздальской. Это не только замечательное художественное произведение первой половины XVI века, но и памятник героической эпохи борьбы с монгольским игом. Он происходит из Троицкой церкви Ризоположенского монастыря в Суздале и был вышит в мастерской Соломонии Сабуровой, первой жены великого князя Василия III, после ее пострижения в монахини суздальского Покровского монастыря в 1525 году.

Адрес: ГИМ, Красная площадь, 1/2.

Тел.: (495) 692-40-19, 692-37-31.

Паломнический центр «Покров»

Паломнический центр ПОКРОВ

Международный паломнический центр «Покров» приглашает желающих посетить христианские святыни на Афоне, в Израиле, Египте, Греции, Италии и других странах.

Поездки проходят в сопровождении священников Русской Православной Церкви. Центр старается, чтобы цены были невысокими, а поездки интересными. Также организуются индивидуальные и корпоративные поездки.

Адрес: Москва, Волгоградский пр-т, 4а, оф. 22.

Тел.: 744-51-24, 744-64-18.

Паломничество в фотографии

До 12 июня 2008 года в выставочном зале «Смольный» Правительства Ленинградской области при содействии Музейного агентства Санкт-Петербурга продлится фотовыставка «С молитвой к святыням», посвященная современному православному паломничеству и его традициям. В основу выставки войдут фотоматериалы из фондов Паломнического центра Московского Патриархата и лучшие фотоработы одноименной выставки, прошедшей в художественной галерее Паломнического центра в октябре 2007 года.

Адрес: Санкт-Петербург,
ул. Смольного, д. 3.
Тел.: (812) 579-57-22.

«Преображение» в Тушино

Группа милосердия «Преображение» при храме Преображения Господня в Тушино на протяжении

Фото Натальи Савиной

Территория радости

27 июня в Санкт-Петербурге открывается выставка фотографий журнала «Фома»

Сегодня, в эпоху толерантности, всем нам — верующим и неверующим, церковным и светским людям — как никогда важно относиться друг к другу с пониманием. А чтобы понять, нужно увидеть, узнать. Давняя мечта редакции «Фомы» — вынести фотографии из нашего журнала на всеобщее обозрение в достойном формате — этим летом станет реальностью. **С 27 июня по 20 июля** журнал «Фома» при поддержке Отдела по связям с религиозными объединениями Администрации Санкт-Петербурга приглашают на фотовыставку «Территория радости». Выставка собрана из работ, авторы которых по праву считаются не просто фиксаторами реальности, но настоящими философами, для которых камера — это орган чувств, а фотография — способ общения со зрителем на самые важные темы.

Среди авторов выставки признанные мастера: Владимир Клавихо-Телепнев, Андрей Чежин, священник Игорь Палкин, Евгений Каширин, Андрей Павлушин, Творческое обединение «ноГа» (Михаил Масленников, Александр Шумских и Константин Дьячков), Владимир Крючкин, Валерий Близнюк, Павел Смертин, Владимир Ештокин, Сергей Тетерин, священник Николай Балабаев, Наталия Савина, Андрей Безлепкин, Олег Саломакин.

О двух из этих авторов хотелось бы сказать подробнее. Священник Игорь Палкин, москвич, профессиональный фотограф с необычной судьбой. Свои первые шаги в фотографии Игорь Палкин делал в газете «Татьянин день», которая издавалась храмом святой мученицы Татианы при МГУ. Молодой фотокорреспондент так увлекся работой, что стал сначала алтарником Татьянинского храма, затем диаконом и, наконец, священником. Сейчас отец Игорь Палкин — штатный фотограф Церковно-научного центра «Православная энциклопедия». Командировки дают ему уникальную возможность увидеть и запечатлеть Православную Церковь в огромных мегаполисах и заброшенных деревеньках, в великие праздники и церковные будни. И куда бы ни приезжал священник, он делает живые, одушевленные фотографии.

Андрея Чежина, одного из самых известных фотографов Петербурга, можно назвать, скорее, художником-философом. Он ищет смыслы своих фотокартин, играя с пространством и временем, используя двойные и тройные экспозиции, монтаж, наложение, особые образцы фотобумаги. И в результате получается что-то особенное, чего никто не мог бы предположить и, главное, самостоятельно увидеть. На выставке «Территория радости» Андрей Чежин предстанет для многих в новом свете с серией фотографий «Облачение».

Редакция «Фомы» благодарит **газету «Вакансия от А до Я» и ее финансового директора Бибикову Татьяну Алексеевну,** без помощи которых выставка не смогла бы состояться.

Фотовыставка «Территория радости» будет открыта с 27 июня по 20 июля в Выставочном центре «Особняк Румянцева».

Адрес: Санкт-Петербург, Английская наб., д. 44.
Справки **по тел.:** (812) 717-66-72.
www.terrad.ru ■

четырех лет окормляет своей заботой и вниманием детей-сирот, инвалидов и одиноких пожилых людей в социальных учреждениях СЗАО Москвы.

«Преображение» ждет новых людей для работы в Группе. Особенно нужны люди для патронажа в дом престарелых.

Адрес храма: 125371 Москва, Волоколамское шоссе, д. 128. **Проезд:** ст. м. «Тушинская» (последний вагон из центра), автобусы №№ 266, 210, 2, 614, 901, 902 до остановки «Трикотажная».

Контактный тел.: 8 (903) 537-53-51, Марина Поляк.

E-mail: milost@mail.ru

www.milost.ru

Помогите погорельцам!

У Александра Иванова случилась беда: сгорел дом. Александр содержит престарелую маму, родного брата — инвалида-колясочника и двоих детей.

Семья просит помощи в восстановлении дома. Кроме того, сгорела и испорчена от воды вся мебель и одежда…

Если вы хотите помочь этой семье, помолитесь, пожалуйста, о здравии Александра, Надежды, болящего Владимира, Надежды и Ольги. Если есть возможность помочь деньгами, перевод можно отправить **по адресу:** 446870 Самарская обл., село Елховка, ул. М. Заводского, д. 1, Иванову Александру Владимировичу.

Тел.: 8 (927) 268-82-82 (Александр); 8 (84658) 3-34-63 (семья Ивановых).

Ольявидово — подмосковное село

Первое упоминание о селе относится к 1551 году, а расцвета оно достигло в XVIII веке, когда в Ольявидовском приходе насчитывалось 12 селений. В 1805 году на смену деревянному собору здесь была построена каменная Троицкая церковь.

Сейчас, после долгих лет запустения, жители села восстанавливают храм и просят читателей «Фомы» о посильной помощи!

Адрес: 141822 Московская обл., Дмитровский район, Сельское поселение Якотское, д. Ольявидово.

Тел.: 8 (916) 684-41-37,

8 (903) 285-09-36.

Настоятель игумен Борис (Петрухин);

Реквизиты:
ИНН 5007052367, ОГРН 1065000008754
р/с 40703810200370000522
Банка: ОАО МИБ г. Москва
к/с 30101810300000000600
БИК 044525600

Храм села Спасское

Прихожане Спасо-Преображенского храма села Спасское Владимирской епархии просят читателей «Фомы» о помощи. Храм построен в XVIII веке стараниями князей Голицыных. Сейчас храм находится в аварийном состоянии: за годы запустения особенно пострадала кровля…

Адрес: 601833 Владимирская обл., Юрьев-Польский район, село Спасское, ул. Новая, д. 3.

Реквизиты:
ИНН 3326003796 КППУ 332601001
Р/с 40703810504260000002
Дополнительный офис «Отделение в г. Юрьев-Польский
ФИЛИАЛ ВРУ ОАО «МИНБ» г. Владимир

Восстановление креста

В переводе с греческого «ста́врос» означает «крест». С приставкой «ре» получается «восстановление креста». Добровольческое объединение молодежи «РестáвросЪ» было основано в 1990 году, а с декабря 2002 года включено в работу Центра духовного развития молодежи (ЦДРМ) московского Свято-Данилова монастыря.

К настоящему времени объединением накоплен богатейший опыт привлечения добровольцев к участию в несложных строительных и реставрационных работах в храмах и музеях Москвы, Подмосковья и

многих других городов, больших и малых.

«РеставрosЪ» приглашает в летние смены — помочь восстанавливающимся храмам и монастырям по всей России — от острова Коневец на Ладоге до Пермского края. Подробнее о летних сменах можно узнать в будни, с 12.00 до 20.30, **по тел.:** 8 (916) 646-46-95 (руководитель организации — Константин Лобачёв), а также по вторникам и четвергам, с 12.30 до 20.30, **по тел.:** (495) 955-67-90.

Адрес: ст. м. «Тульская», ул. Даниловский Вал, д. 13а.

E-mail: restavros@mail.ru

www.dom-restavros.ru

Дом милосердия

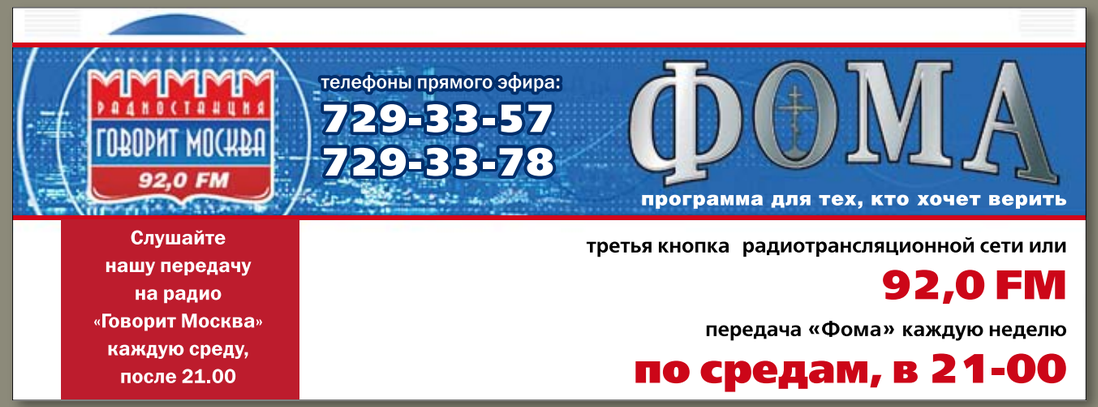
Государственное учреждение «Дом милосердия» приглашает жителей Петербурга, готовых принять в свои семьи детей на разные сроки. Центр занимается решением множества проблем социального, психолого-педагогического, медицинского характера детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Здесь проводится серьезная работа с родителями: отбор семей, подготовка их к приему ребенка и сопровождение семьи специалистами: психологами, социальными работниками, медиками.

Адрес: 199034 Санкт-Петербург, наб. Л. Шмидта, д. 39.

Тел.: (812) 321-80 -78, 321-07-75, с 10-00 до 18-00, в будние дни.

E-mail: info@domnus.org

http://domnus.org/ ■



В начале этого года на сайте «Фома on-line» мы объявили конкурс читательских откликов на материалы журнала «Фома». Это — наиболее интересные рецензии, которые пришли на наш сайт. Ну а конкурс откликов продолжается.

«Любовь – это очень тяжело. Любовь – это очень просто»

(на статью Алексея Чеботарева «Корабль плывет…» №01 (57), 2008)

Как правило, читая новый номер «Фомы», одну или две статьи я оставляю непрочитанными. Причины бывают разными, бывает, что тема не очень для меня интересная или устал, или просто не «зацепило». Но статью Алексея Чеботарева «Корабль плывет…» я отложил совсем по иной причине. Прочитав заглавие темы — «История интерната, который стал семьей» и бегло пробежавшись взглядом по фотографиям, я решил: «Ну вот, опять про инвалидов, ну что про них читать? Опять прописные истины — им трудно живется, они не такие, как мы, естественно, проблемы у них разные… но я не хочу об этом читать! Тяжелая ведь тема, не хочу…»

Такие жестокосердые слова могут родиться не только от злобы, эгоизма и отсутствия любви, хотя эти причины тоже весьма важны, но и от лени. Ведь сострадание — это душевная работа, а так порой бывает лень выйти из своего уютного мирка, раскрыть глаза и увидеть жизнь такой, как она есть. Ведь сострадать — значит осознавать свою личную ответственность, за все, что происходит вокруг. Конечно, не я виноват, что детишки родились с отклонениями, вопрос в другом: а что я сделал, чтобы им помочь? Ведь наверняка люди, которым требуется помощь, есть и в моем городе, что я сделал для них?

И я знаю, что начни я читать такую «тяжелую» статью, эти мысли придут и будут давить на совесть, побуждать к действию, а мне ведь некогда, у меня работа, учеба, свидания, я просто устал и… ну еще отговорочку, ну пожалуйста. И вдруг понимаю, каким страшным делом я занимаюсь, придумываю оправдания, которыми можно отгородиться от любви! Я сам строю забор, отделяющий меня от Бога!

(Забегая вперед, скажу, что статью я все-таки прочитал, вот еще за это я люблю «Фому», его можно перечитывать много, много раз.)

А статья, на самом деле, оказалась не такая страшная и прочиталась на одном дыхании. Автору удалось очень ярко и живо показать уютный и маленький мир этой большой семьи. Ведь живут они и вправду как на корабле, плывут своим курсом, и нет им дела до того, что творится на берегу. Потому что их жизнь — здесь, они команда, и в любых неприятностях им приходится рассчитывать только на себя и на Бога. Но о неприятностях я не нашел ни строчки. Наоборот, проблемы приходят оттуда, из «внешнего мира», как моряков потерпевших крушение принимают здесь детишек, измученных чужим равнодушием и отсутствием любви. В интернате же ребята обретают настоящую семью, чувствуют себя нужными и пытаются найти свой путь в жизни. Каждый раз читая о таких людях, как воспитатели этого интерната, поражаешься, что же ими движет? Ведь наверняка зарплата маленькая, работа тяжелая, как же это можно вот так вот всю себя отдавать другим? Как у них это получается? И невольно ставя себя на место этих людей, понимаешь: я бы так не смог, а они наверняка просто не представляют, как можно жить иначе, как можно бросить тех, кто нуждается в твоей помощи. Любовь — это очень тяжело и одновременно очень просто.

Более всего в статье меня поразила мысль, что слепоглухонемые дети, к которым мы часто относимся с презрительной жалостью, стоят совсем недалеко от святости. Воистину — последние станут первыми. А еще, что беда может случиться с каждым, и не кто от нее не застрахован. Ведь надо же так, что у работника интерната, все силы отдающего на работу со слепоглухонемыми детишками, рождается ребеночек с подобным диагнозом. То есть нет страховки от несчастного случая, но когда знаешь, что на свете есть люди, готовые помочь в трудную минуту, становится спокойнее. Теплая получилась статья, потому что написана с душой и о добрых людях. О тех, для кого не бывает чужих детей, о людях, чья любовь — мягкий укор и пример для всех нас.

Огромное спасибо всем авторам журнала, и в особенности журналистам, которые не боятся «трудных» тем. ■

С уважением
Алексей ГОЛОВЕНКО

Наталья ЛОСЕВА,
первый заместитель руководителя Объединенной редакции новостей, директор интернет-проектов РАМИ РИА «Новости», Москва

Фото Сергея Киржача

Добрые люди

Удивительный номер: глубокий, тонкий, сбалансированный. С пронзительной, очень умно, по-разному и увлекательно раскрытой темой номера — **«Игрушка как школа творчества»**. Вы когда-нибудь думали, что значили в вашей жизни игрушки? Вы когда-нибудь пытались представить детство без кукол, машинок, видавшего виды медведя, клоуна с откусанным носом? Что же важного в этой безделице, в этих условностях детского уголка? Авторы рассуждают о тонких, безусловных и спорных связях между игрушкой и личностью, между игрой и судьбой. Здесь вы найдете ответ на вопрос, как и почему игрушка возводит ребенка к религиозным архетипам и как любовь взрослая, зрелая растет и из любви детской — к игрушке…

Серьезная и дискуссионная тема начинает номер: **«Нужна ли нравственная оценка произведений искусства?»**. Эксперты спорят: кто судьи, поддается ли искусство арбитражу, кто несет ответственность за то, каким образом раскрылось произведение перед зрителем или читателем, есть ли место артикулированной морали.

Еще один любопытнейший вопрос, который журнал попытался рассмотреть и популярно, и академически: кто же ты, Ева Адаму? Была ли жена создана помощницей мужу? В чем подчиненность женщины мужчине и в чем высший замысел этих отношений? Был ли неточным перевод с древнееврейского, исказил ли он идею Создателя? **Игорь Петровский**, автор рубрики **«Мужчина и женщина»**, осмеливаясь на жанр «Библейской публицистики», открывает еще одну трогательную и сложную грань самого важного союза, продолжая в своих рассуждениях историю Адама и Евы до момента их освобождения из тьмы Ада: «Эту горькую чашу потери первоначальной любви, богооставленности Адам и Ева испили. Не покинув друг друга — это их глубочайший покаянный шаг».

…Я плакала, когда читала рубрику **«Числа»**. В каждом номере этого года она посвящена новомученикам, и в этой временной и исторической близости, в документальности событий есть какая-то особенная и важная для нас острота. От нее не отвлечешься, слишком рядом.

Несколько замечательных, очень хорошо журналистки и драматургически сделанных интервью. Серьезное, почти программное — с **Владимиром Якуниным**. Интересный и трогательный разговор с семьей молодого дьякона и профессора **Сергея Кривовичева**. Важный, искренний, как по голым нервам диалог с **Чулпан Хаматовой.** Я думала, чем же похожи они — эти герои, все искала слова, сложные, многозначные. А все просто — они *добрые люди*. В этом номере вообще много *добрых людей.*

Мне показалось, что ключевая идея этого номера «Фомы» — отношения. Между мужчиной и женщиной, между обществом и больным, между Церковью и миром, между образованием и просвещением, между детством и зрелостью. Получился журнал — диалог открытый, небесспорный, откровенный. Знаете, не читайте его залпом — за вечер. Попробуйте пережить каждую из историй. Они стоят того. ■

ФОМА

ПРАВОСЛАВНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ СОМНЕВАЮЩИХСЯ

ПОДПИСКА
в любом почтовом отделении
по каталогам:
Почта России, 24180
Роспечать, 46335

Читайте в следующих номерах:

- Личное:
  История атеиста
- Притчи:
  Чему учит неверный управитель
- Тема номера:
  Почему болеет семья
- Вячеслав Бутусов:
  Бесконечный ремонт души

- **Архимандрит Закхей:**
  Другая Америка

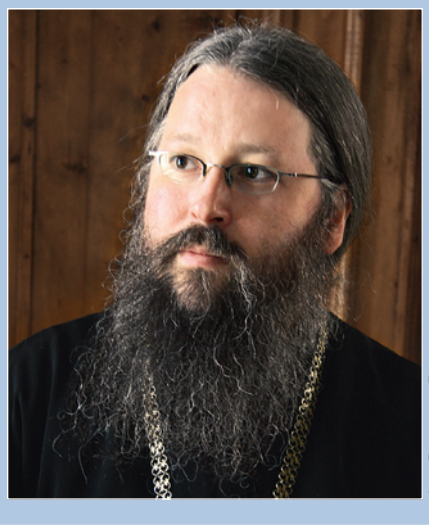


Фото Владимира Ештокина

Фото из архива пресс-службы «Деловой России»

- **Елена НИКОЛАЕВА:**
  О здоровье – по-христиански

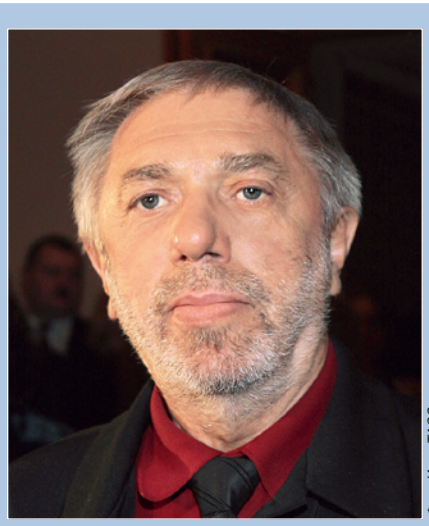


Фото Итар-ТАСС

- **Эдуард АРТЕМЬЕВ:**
  Мюзикл, музыка, вера

«Фома» — журнал для тех, кто искренне хочет разобраться и получить ответ на вопросы о смысле жизни, о необходимости и месте в ней веры, но не уверен или не понимает, зачем для этого нужно идти в Церковь. Наш журнал адресован тем, кому не все равно, зачем мы живем и умираем, кто хочет понять смысл двухтысячелетней церковной традиции. «Фома» не ставит своей целью просвещение «темных» и обращение «заблудших» — мы просто хотим искренне и открыто говорить о вере, любви, радости и боли. И может быть, если все мы сохраним эту искренность и жажду понять, истина явится нам... Как когда-то давно Сам Христос явился измученному Фоме. Чтобы тот, наконец, поверил...

www.foma.ru

08006
4 607122 070018